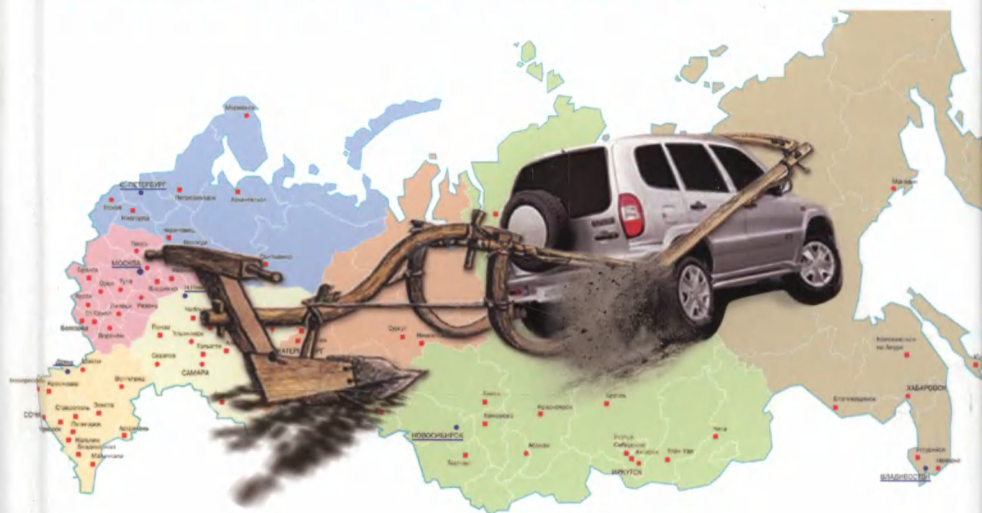

ВЛАДИМИР ШЛЯПЕНТОХ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ КАК ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

НОВЫЙ РАКУРС
ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭРЫ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Contemporary Russia as a Feudal Society

A New Perspective
on the Post-Soviet Era

Vladimir Shlapentokh
in collaboration with Joshua Woods

**ВЛАДИМИР
ШЛЯПЕНТОХ**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ КАК ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Новый ракурс постсоветской эры

*Перевод с английского
Юрия Гольберга*

МОСКВА 2008

УДК 321/323(470+571)
ББК 63.3(2)64-3+66.07+66.3(2Рос),12
Ш70

*Впервые опубликовано на английском языке Palgrave Macmillan,
подразделением St. Martin's Press, LLC.
под названием*

Contemporary Russia as a Feudal Society
by Vladimir Shlapentokh

Настоящее издание осуществлено по лицензии Palgrave Macmillan.

*Автор декларирует, что его права,
как автора настоящей работы, установлены.*

Публикация книги в серии «Точка зрения» не означает,
что издательство разделяет мнение автора по данному вопросу.
Мы всегда готовы предоставить слово его оппонентам.

Шляпентох, Владимир

Ш70 Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд
на постсоветскую эру / Владимир Шляпентох; пер. с англ. Юрия
Гольдберга — М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008. — 328 с. — (Точка
зрения).

ISBN 978-5-98132-137-5 (рус.)
ISBN 978-0-230-60096-6 (англ.)

Современная литература о постсоветской России, как правило, описывает общество в терминах одной системы, используя либо либеральную, либо авторитарную модель. В результате многие важные особенности современной России были пропущены или искажены. Цель этой книги — добавить феодальную модель к традиционному набору инструментов анализа общества. Книга демонстрирует, что многие события в стране, в том числе слабость государства, высокий уровень преступности и коррупции, важная роль личных отношений и частные службы безопасности, могут быть поняты только с помощью этой модели.

УДК 321/323(470+571)
ББК 63.3(2)64-3+66.07+66.3(2Рос),12

ISBN 978-5-98132-137-5 (рус.)
ISBN 978-0-230-60096-6 (англ.)

Copyright © Vladimir Shlapentokh, 2007
© Юрий Гольдберг, перевод, 2008
© ООО «Издательство СТОЛИЦА-ПРИНТ», 2008

Моим дорогим российским социологам:
Борису Фирсову, Борису Грушину, Елене Петренко,
Владимиру Шубкину и Владимиру Ядову,
которых я люблю и глубоко уважаю.

Выражение признательности

Прежде всего я хотел бы поблагодарить моего соавтора Джошуа Вудса, с которым мы совместно работали буквально над каждым предложением и над каждой идеей этой книги. Я выражаю глубокую признательность Арунасу Юске, Ларри Бушу, Роберту Соло, Питеру Меннингу, Роджеру Кейнету и Юджину Хаски за интеллектуальную и эмоциональную поддержку этого проекта, а также за содержательные комментарии. Я благодарен Дмитрию Шляпентоку и Владимиру Конторовичу, а также Андреа Хамор и Вере Никольской, с которыми я обсуждал – и это было очень полезно – вопросы, связанные с этой книгой. Особая благодарность Вере Бондарцовой, постоянному и в высшей степени творческому члену нашей маленькой исследовательской группы. Без этой команды я не смог бы понять многие особенности современной России. Мне также хотелось бы поблагодарить Веру за редакторскую правку этого текста.

Введение

В сентябре 2006 г. известный российский журналист Александр Минкин остроумно сослался на роман Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера», чтобы осудить необузданную коррупцию при путинском режиме. Журналист процитировал рассказ Свифта о заявлениях первых лиц трех разных стран, в том числе Лилипутии, которые утверждали, что ни разу не назначили достойных людей ни на одну должность, потому что только безнравственные, лживые и лицемерные люди могут быть хорошими руководителями. В сущности, классическое произведение Свифта во многом перекликается с тем, что происходит в современной России. Его также можно использовать, например, для объяснения разгоревшихся в Москве жарких политических споров о том, как называть политическую систему страны.

Летом 2006 г. граждане России с изумлением наблюдали за тем, как два главных помощника Путина – Владислав Сурков, главный идеолог Кремля, и

Дмитрий Медведев, первый вице-премьер правительства и возможный наследник российского трона, — страстно полемизировали относительно характера российского общества. Спор между двумя высшими чиновниками, начавшийся в июне 2006 г., был очень похож на знаменитое противостояние в Лилипутии — между теми, кто считал, что яйцо нужно разбивать с тупого конца, и их оппонентами, пылко отстаивавшими идею разбивать яйца с острого конца. Сурков описывал российское общество как «суверенную демократию», а его оппонент, выступивший несколькими месяцами позже, настаивал, что прилагательное «суверенное» является лишним. Он считал этот термин абсурдным в применении к экономике, которая в современном глобальном мире, несмотря на полную независимость всех стран, не может быть суверенной.

В процессе терминологических споров участники дискуссии, подобно жителям столицы Лилипутии Мильдендо, пытались найти различия между «суверенной демократией» и «демократией», между «суверенной демократией» и «независимой демократией». Такие же споры разгорелись относительно того, применим ли термин «суверенная демократия» только к России или к любой другой противостоящей Соединенным Штатам стране, например Китаю, и некоторым латиноамериканским странам, как предложил один из ведущих российских политологов Андраник Мигранян.

В Лилипутии битва между сторонниками разных способов разбивания яйца стоила 11 000 жизней. В России спор между Сурковым и Медведевым не привел к такой катастрофе, однако летом 2006 г. страсти накалились до предела, и в битву вступили несколько десятков известных политиков, ученых и журналистов. Терминологический спор проник в

штаб-квартиру правящей партии «Единая Россия» — ее лидеры Олег Морозов и Вячеслав Володин поддерживали разных кремлевских политиков. К дискуссии присоединился председатель Конституционного суда Валерий Зорькин, который принял сторону Суркова и утверждал, что его позиция основана на конституции России. Министр обороны Сергей Иванов также был солидарен с Сурковым и определял «суверенную демократию», «сильную экономику» и «военное могущество» как триаду российских «национальных ценностей». Наконец, в споре приняла участие оппозиция, по большей части поддерживавшая Медведева. Лидеры оппозиции утверждали, что использование прилагательного перед термином «демократия» означает, что российская демократия ненормальная и что такой взгляд оправдывает авторитарный режим Путина.

Если позиция императора Лилипутии была понятна подданным (он решительно поддерживал «остроконечников»), то московская элита была вынуждена гадать, какой лагерь пользуется благосклонностью Путина, чтобы быть готовой «тут же изменить свое мнение». Максим Соколов, журналист с блестящим талантом сатирика, предположил, что победа или поражение прилагательного «суверенный» может предсказать, какой из кремлевских кланов победит на президентских выборах 2008 г. Однако Путин посылал неясные сигналы относительно своих симпатий в этой терминологической войне, отказываясь занять четкую публичную позицию, и лишь подтвердил в сентябре 2006 г. на встрече в Валдае важность дебатов вокруг этого прилагательного.

Спор относительно терминологии в России только на первый взгляд выглядит странным. В свое время Свифт не придавал значения глубоким политическим, религиозным и социальным корням конф-

ликта. В России же спор по поводу терминов является отражением серьезной проблемы, с которой страна столкнулась после падения коммунистического режима: отсутствие согласия во взглядах на природу общества. Дебаты также выявили враждебность страны по отношению к Западу и значение, придаваемое «российскому проекту демократии». Те, кто защищал термин «суверенная демократия», присоединились к антизападному лагерю. Особенно сильную враждебность, как заметил прокремлевский политолог Сергей Марков, они проявляли к странам, где произошли «цветные революции» (в первую очередь Украине и Грузии), утверждая, что их вариант демократии слаб и находится под сильным влиянием Соединенных Штатов. Эти страны рассматривались как «не суверенные».

Конфликт вокруг термина «суверенная демократия» представлял собой лишь небольшую часть более широкой дискуссии о характеристике современного российского общества. Не только простые россияне, но и эксперты внутри страны и за ее пределами не были согласны друг с другом относительно почти всех элементов общества. Ниже будет подробно показано, что Россию определяли по-разному – от «нормальной» страны западного типа до «криминального» общества.

Одно из главных допущений данной книги состоит в том, что все эти определения точно описывают те или иные аспекты российского общества. Не отрицая важности таких характеристик страны, как либеральная, авторитарная, криминальная и т. д., эта книга предлагает в качестве инструмента для изучения постсоветской России «феодальную модель». Главный элемент феодальной модели – слабость центральной власти. Эта слабость обуславливает другие феодальные элементы, в том числе появление мно-

жественных центров власти, усиление беззакония и коррупции в обществе, повышенная потребность в личной безопасности, растущая важность личных связей в политике и экономике. Помимо выделения и подчеркивания этих феодальных элементов в современной России в книге также используется сравнительный анализ. В ней проводятся конкретные параллели между постсоветской Россией и некоторыми другими обществами, включая современные демократические государства Запада, Советский Союз и, что самое главное, средневековую Европу. Главная цель этой книги – объяснить многие другие странные и на первый взгляд несовместимые черты современной России, страны, которая продолжает играть важную роль в мировой истории.

В двух первых главах книги я предлагаю обзор литературы о современной России, излагаю теорию феодальной модели и пытаюсь применить эту модель для описания постсоветской России. Я не только рассматриваю феодальное общество как идеально подходящую модель, но также объясняю преимущества сравнения стран и эпох. Остальная часть книги посвящена анализу самых главных политических, социальных и экономических особенностей современного российского общества. В главе 3 исследуется слабость центральной власти (ключевой элемент феодальной модели) и ее основные социальные последствия: преступность, коррупция и политическая нестабильность. Уровень беззакония в постсоветской России демонстрирует очевидный разрыв с советским прошлым, а также явно напоминает ситуацию в западноевропейских обществах эпохи Средневековья.

В следующих пяти главах анализируется роль трех главных общественных сил современной России: олигархов, президента и губернаторов. В главе 4 рассматривается влияние олигархов (учитывая их ог-

ромные финансовые ресурсы) на политику – явление, практически отсутствовавшее в советский период. В главе 5 я анализирую феодальную (олигархическую) идеологию, которая оправдывает феодальные элементы общества и легитимизирует роль тех, кто противостоит центральной власти. В материале этой главы анализируется, каким образом олигархическая идеология («идеология меньшинства») была направлена против демократических институтов, или «власти большинства», и против авторитаризма, или «власти одного». Олигархическая идеология предполагает, что только лидеры крупных корпораций, например феодальные лорды Средневековья, способны управлять обществом. С этой точки зрения почти все их действия, в том числе преступления и акты коррупции, полезны для общества.

В главе 6 описываются «владения» российских президентов (то есть их личный контроль над ресурсами государства). Использование президентской власти для личного обогащения, что было невозможно при советской власти, – это отличительная черта постсоветской России, ярко проявившаяся при режиме Ельцина и в меньшей степени Путина. В эпоху Средневековья для королей и другие правителей мотивацией тоже служило личное богатство. В обоих случаях личные средства правителя использовались для сохранения и усиления политической власти. Главы 7 и 8, смещая фокус на губернаторов (или местных баронов), описывают связи (нередко слабые) между Москвой и регионами. Споры между центрами власти на местах и центральным правительством характерны как для средневековой Европы, так и для современной России. Накал этих споров в постсоветской России менялся вместе с изменением политической и экономической ситуации. В Средние века центральная власть обычно не могла или не хотела вмешиваться в

политику на местах. Баронам позволялось властвовать в регионах, накапливая огромные богатства для себя, своей семьи, а также близких социальных и политических кругов, что опять-таки роднит эту эпоху с современной Россией.

Последние три главы книги посвящены некоторым особенностям современной России, к каждой из которых можно провести параллели в Западной Европе эпохи Средневековья. Глава 9 посвящена ненадежности прав собственности в постсоветской России. Глава 10 обращается к проблеме личных отношений — отличие от рационализированных бюрократических отношений в идеальных демократиях — в российской политике и экономике. Когда речь идет о подборе «кадров», в современной России все решают «связи» — точно так же в Средние века только родство позволяло занимать ключевые позиции в обществе. Последняя глава книги посвящена частным охранным предприятиям (получившим название «крыша») как важному аспекту российского общества. В условиях слабости государства в постсоветский период задача защиты крупного бизнеса и влиятельных персон была отдана в руки частных предприятий (частично легальных, частично криминальных).

В заключении я предлагаю краткое резюме основных положений книги. Кроме того, я развиваю свой главный аргумент о том, что феодальная модель, как показано на примере России, в сочетании с другими моделями может стать полезным инструментом анализа, позволяющим понять многие современные общества.

Неудача интегративно-системного подхода при исследовании постсоветской России

Введение

Несмотря на то что современные американцы могут иметь противоположные точки зрения по многим социальным и политическим вопросам, большинство населения в целом согласно, что частная собственность, рыночная экономика и демократические институты – это основы американского общества. В России начала XXI века наблюдается не только сильная поляризация мнений в отношении определенных политических и экономических проблем, но и существенные отличия в характеристике политической и экономической системы общества.

Из ярлыков, при помощи которых специалисты характеризуют современную Россию, можно составить довольно длинный список. Первая группа терминов содержит общие определения общества, такие как «нормальное общество», «переходное общество», «трансформационное общество», «православная ци-

визация» и «евроазиатская цивилизация». Вторая группа включает политические характеристики: «монархия», «избираемая монархия», «патерналистское общество», «управляемая демократия», «суверенная демократия», «суперпрезидентская республика», «криминально-синдикалистское государство», «авторитаризм», «тоталитаризм», «путинизм», «демократическая форма царизма», «феодализм», «расколотое общество» и «российская демократия». Третья группа терминов описывает экономическую структуру общества: «олигархический капитализм», «дикий капитализм», «криминальный капитализм», «клептоманный капитализм», «гангстерский капитализм», «хищный капитализм», «рыночный большевизм», «клановый капитализм», «незрелый капитализм», «капитализм джунглей», «корпоративное общество», «феодализм лавочников», «бюрократическо-олигархический капитализм», «номенклатурный капитализм» и «управляемый бизнес». Четвертая группа подчеркивает вопрос национальной идентичности, используя такие термины, как «общество этнических русских», «евразийская нация», «интернациональная империя», «страна для всех живущих в ней народов», «часть западной цивилизации» и «европейская нация». И, наконец, некоторые авторы фокусируются на характеристиках, связанных с положением России в мире: «супердержава», «энергетическая супердержава» и «сырьевой придаток развитых стран».

Собственно, дебаты о природе советского общества XX века также были довольно интенсивными как внутри страны, так и за ее пределами. Официальная пропаганда утверждала, что Советский Союз представляет собой истинно социалистическое общество, некоторые советские интеллектуалы считали его «искажением социализма», а часть западных советологов рассматривала его как тоталитарное общество, не имею-

щее никакого отношения к социализму. Однако абсолютное большинство советских людей, в том числе почти вся интеллигенция, не имели возможности участвовать в этой дискуссии и принимали официальную версию. Поэтому определение советского общества, в отличие от постсоветской России, не имело серьезного общественного значения.¹

Россия уже нормальное общество западного типа

Часть тех, кто восхищался постсоветским развитием России, спешили объявить, что реформы были успешными и что преобразование России завершено. По их мнению, Россия представляет собой «нормальное общество». Внутри страны этот тезис был выдвинут представителями Кремля. Так, например, один из идеологов Путина Владислав Сурков в июне 2006 г. заявил, что Россия является «суверенной демократией».² Заявление Суркова было принято правящей партией «Единая Россия» в качестве идеологической платформы.³ Такой взгляд предполагает, что в России существует не только нормальная демократия, как в любой западной стране, но также политический порядок, учитывающий русскую историю, и что страна не намерена терпеть поучения Запада относительно определения демократии. Прокремлевские политики и эксперты, такие как Андраник Мигрянян, Кирилл Привалов и Глеб Павловский, утверждают, что «суверенная демократия» уже «свершившийся факт»⁴, тогда как другие полагают, что в России все еще идет процесс ее построения.⁵

Среди западных экспертов подобная посылка о нормальности России была выдвинута Андреем Шлейфером и Дэниелом Трисманом, которые подкрепляли свою точку зрения экономическим анализом. По их

мнению, средний доход на душу населения может использоваться как главный показатель социальной и политической структуры общества. Они утверждали, что он определяет политическую систему страны, уровень развития рыночной экономики, уровень коррупции и преступности, роль большого бизнеса в обществе, уровень демократии, разделение властей, честность выборов, свободу средств массовой информации и насилие по отношению к журналистам. Эта своеобразная форма экономического детерминизма предполагает универсальность экономических, социальных и политических процессов, которые происходят в мире. Используя этот подход, они обозначили Россию как «демократию среднего дохода».⁶

Россия в конечном итоге станет нормальным обществом

Большинство приверженцев универсализма (обычно они относятся к оптимистам) признают некоторые проблемы с российской демократией, но верят, что трудности постепенно исчезнут в процессе «соглашений и сделок» между главными действующими лицами. Одним из самых известных сторонников идеи такого «перехода» является директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар, хотя его работы после 2000 г. менее оптимистичны, чем в 90-х гг. Как бы то ни было, даже в 2007 г. название его института не изменилось.⁷ Однако само понятие «переход» было настолько дискредитировано в конце 90-х гг., что некоторые сторонники этой теории для описания своих взглядов предпочитают термин «трансформация». Среди тех, кто использует этот термин, есть два знаменитых русских социолога: Татьяна Заславская, которая считает процесс

трансформации (даже если он «слабо управляем») самой главной характеристикой общества⁸, и Владимир Ядов, который однозначно отвергает термин «переход» и, цитируя Энтони Гидденса, говорит о непрерывном процессе трансформации социальных структур⁹. Эту точку зрения поддерживают некоторые представители общественных наук, в том числе Л. Беляева¹⁰ и Л. А. Хахулина¹¹.

Примечательно, что в 2007 г. на ежегодном собрании Московской высшей школы социальных и экономических наук такие понятия, как «переход», «трансформация» и даже термин «динамика», доминировавшие на предыдущих собраниях в 2005–2006 гг., почти исчезли и были заменены расплывчатыми терминами, например «непрерывность» и «прерывность». Более того, в стремлении дистанцироваться от терминов, превалировавших всего несколькими годами ранее, участники собрания обратились к такому относительно узкому понятию, как «зависимость от пройденного пути», которое по большей части использовалось для описания зависимости технологического прогресса от предыдущего уровня, а также к некоторым другим терминам (достаточно взглянуть на заголовки газет, которые раздавали на собрании), например «эволюция», «институциональное наследие», «повторения прошлого», «традиционализм», «реставрация» и «реанимация».¹²

Некоторые западные авторы – даже если они не используют термины «переход» или «трансформация» – принадлежат к лагерю оптимистов, когда речь идет об описании России. Несмотря на проблему коррупции, Арчи Браун уверен в «построении капитализма в России» и считает главными задачами Путина создание «регулируемой законами рыночной экономики» и «демократии».¹³ Дэвид Лейн придерживается сходных взглядов. Он принимает либе-

ральную капиталистическую модель для России и утверждает, что экономика страны «носит капиталистический характер». В 90-х гг., полагает он, административно-командная экономика была разрушена, появились рыночные механизмы и цены стали определяться рынком.¹⁴ Экономист Джеймс Миллер высказывает не меньший оптимизм относительно окончательной победы рыночной экономики, поскольку «альтернатива, изоляционистское государство, потерпела крах».¹⁵ К приверженцам универсализма также относятся политологи Том Ремингтон¹⁶, Люк Марч¹⁷, Р.У. Дэвис¹⁸ и Уильям Кочрэм¹⁹.

Некоторые члены этой группы убеждены, что у России нет выбора, кроме как двигаться в направлении полноценной либеральной модели, но одновременно они подчеркивают препятствия, мешающие достижению этой цели. Подобные взгляды разделяют Тимоти Колтон и Майкл Мак-Фоул, который предположил, что «демократия, даже при всем своем возможном несовершенстве, лучше любой альтернативы».²⁰

Эти ученые не предлагают никакой другой модели для понимания событий, происходящих в России. Оценивая шансы «установления полноценной диктатуры» как не очень высокие, они верят в конечную победу либеральной модели, особенно в результате роста экономики и численности среднего класса. Высказывая опасения по поводу ускорения антидемократических тенденций в России, они не думают о том, какой станет Россия, если эти тенденции возьмут верх²¹. Рассматривая либеральную модель как цель эволюции России, Кэмерон Росс писал, что, «утверждая закон и порядок, реформы Путина являются позитивными шагами в создании равных прав для всех граждан Федерации»²². Юджин Хаски считает Путина лидером, чьи действия непреднамеренно подталкивают страну к либеральному обществу²³.

Значительное число аналитиков используют советскую модель, считая ее наилучшей для понимания постсоветской России. Те, кто принадлежит к этой группе, применяют такие термины, как «авторитаризм» или «управляемая демократия». У Лилии Шевцовой определение современной России варьируется от «олигархического авторитаризма» ельцинского периода до «бюрократического авторитаризма» эпохи Путина²⁴. Эти взгляды разделяют известный социолог Юрий Левада²⁵, российские историки В. Николаев²⁶, В.В. Журавлев²⁷, В.Н. Дахин²⁸ и Н.Г. Щербинина²⁹, а также философ Л. Поляков³⁰.

Что касается западных авторов, то Стивен Уайт поддерживает «авторитарную» модель и напроочь отвергает модель «перехода»: «Посткоммунистическое развитие России предостерегает против некоторых первоначальных механистических подходов (то есть концепций перехода к демократии). Авторитарные формы политики не могут автоматически уступить место плюрализму, и новые конституции автоматически не означают новой политики»³¹.

Николай Петров и Даррел Слайдер также принадлежат к этой группе, хотя они и не отрицают существование определенных либеральных элементов в постсоветской России. Они пишут: «При попытке найти параллели в русской и советской истории, чтобы понять Путина и его политику, в первую очередь на память приходит Юрий Андропов, который во главу угла ставил дисциплину и порядок. Они также проводят аналогию со Сталиным, который, подобно Путину, пришел к власти в результате сложных бюрократических маневров. Сталин поставил руководителями регионов своих преданных соратни-

ков и создал сложную систему вертикалей власти, которая усиливала контроль над регионами³². Авторы, воспринимающие Россию как авторитарное государство, используют несколько суррогатных терминов, таких как «демократический царизм»³³ или «управляемая демократия». Стивен Хедлунд также склоняется к той точке зрения, что после провала экономических реформ и появления «хищнического капитализма» Россия возвращается к привычной авторитарной форме правления.³⁴

Монархизм и империя:
преемственность в российской истории
(или зависимость от пройденного пути)

Многие ученые охарактеризовали Россию как монархию, отрицающую разделение властей – как в дореволюционной России. Эту точку зрения последовательно отстаивает Виктор Данилов, знаменитый русский историк, который говорит о реставрации самодержавия³⁵. Еще один историк, А.И. Щербинин, настаивает, что в России государственная власть понимается точно так, как ее понимали Гоббс и Юрий Крижанич (апологет русского абсолютизма, живший в XVII веке), то есть не просто «собственность» царя, но некая сакральная вещь, которая может передаваться наследнику³⁶. Этот взгляд разделяют известный философ Вадим Межуев³⁷ и социолог Андрей Здравомыслов³⁸. Авторы, использующие фамилии российских лидеров в качестве характеристики эпохи («ельцинизм» и «путинизм»), обычно принадлежат к той же «авторитарной» группе³⁹.

Некоторые исследователи, обычно придерживающиеся националистических взглядов, при описании России основываются на таком понятии, как импе-

рия⁴⁰. Историк Алексей Миллер утверждает, что империя представляет собой старейшую форму общественной жизни и более жизнеспособна, чем «национальное государство»⁴¹. Эти авторы прославляют царскую и советскую империю и настаивают, что в настоящее время в России идет процесс формирования «пятой империи»⁴².

Приверженцы евразийской идеологии, такие как их лидер Александр Дугин, также поддерживают перспективу создания империи и говорят об особой миссии России в мире⁴³.

К идее империи проявляют интерес даже либералы. Так, например, Анатолий Чубайс ввел в обращение термин «либеральная империя»⁴⁴. Чубайс позаимствовал эту концепцию у русского государственного деятеля Петра Струве, который еще до революции также хотел соединить либерализм с имперской политикой⁴⁵. Чубайсу вторит идеолог партии «Союз правых сил» Леонид Гозман, называющий Россию «естественной империей»⁴⁶.

Уникальная цивилизация

Некоторые авторы выдвинули идею о том, что Россия – это особый, не имеющий прецедентов случай в истории. Известный российский интеллектуал Андрей Кончаловский при обсуждении кризиса западного либерализма утверждал, что современная Россия, как и в прошлом, представляет собой византийскую цивилизацию, возвеличивающую своего лидера⁴⁷. Философ Федотова называет Россию «другой Европой», объясняя, что, несмотря даже на географическую близость к Европе, она явно отличается от традиционной европейской цивилизации⁴⁸. Владимир Ядов поддерживает точку зрения Федотовой⁴⁹, а

Александр Ахизер называет Россию «расколотым обществом», со времен Петра Великого разделенным на две непримиримых части: одну западной ориентации, а другую – восточной⁵⁰.

Деформированная структура экономики

Олигархическое общество как система и модель

Большая группа исследователей описывает Россию как олигархическое общество. Начнем с тех, кто называет Россию «олигархическим» (или корпоративным) государством, но не проводит параллелей со Средневековьем. Это определение было особенно популярно при Ельцине. Для описания положения в стране многие аналитики, а не только журналисты, использовали термин «семибанкирщина». Они имели в виду группу банкиров, которые поддерживали режим Ельцина в обмен на крупные активы и влияли на все главные политические решения, принимаемые в Кремле, и особенно подбор людей на высшие государственные посты. Историк О. Гаман-Голутвина писала о политической финансовой олигархии, которая в 2000 г. боролась против бюрократии⁵¹. Другой историк, С. Перегудов, отмечает преобладание «корпоративного капитала»⁵². Эту точку зрения разделяет его коллега В.И. Ильин⁵³. Экономист Е. Майминас говорит о системе бюрократического или бюрократическо-олигархического капитализма.⁵⁴

Некоторые западные авторы также определяют Россию как олигархическое общество. Олигархическую модель использует Уильям Томпсон, заявляющий о крайне высокой степени корпоративной консолидации в России. «В конце 90-х собственность была широко рассредоточена, однако восстановление

после дефолта вызвало волну слияний и поглощений, у истоков которой стояли в основном богатые экспортеры, начавшие скупать обесценившиеся промышленные активы у себя дома»⁵⁵. Российские власти не пытались воспрепятствовать этой тенденции.

Эндрю Джек утверждает, что экономическую систему в России сформировали олигархи. «Они символизируют очень странную, чисто российскую форму капитализма. Представляя силы роста и прогресса, они вмешивались в политику и пытались навязать в высшей степени централизованную форму развития». В то же время он говорит об «управляемом бизнесе», указывая на растущую экономическую роль государства⁵⁶. Питер Рутланд рассматривает постсоветскую Россию как олигархическое общество⁵⁷. Сторонники термина «олигархический капитализм» близки к группе, которые называют современный строй в России «криминальным капитализмом» или «криминальным обществом»⁵⁸.

Бюрократический капитализм

Идея о том, что Россией управляют бюрократы, начала распространяться в конце 90-х годов и особенно окрепла при Путине. Некоторые исследователи говорили о преемственности советского режима, когда бюрократия управляла обществом⁵⁹. В конце 2006 г. придерживающийся левых взглядов политолог Александр Севастьянов описывал Россию как слабое государство с глубоко коррумпированной и безответственной бюрократией⁶⁰. Термин «клановый капитализм» близок к термину «бюрократический капитализм», и некоторые авторы, в том числе Рутланд, используют их как синонимы⁶¹. Другие аналитики говорят о «кремлевском капитализме»⁶².

Характеристика России как криминального общества получила довольно широкое распространение. Так, например, Станислав Говорухин написал книгу о России, где описывал ее как криминальное общество. Другие исследователи описывают страну сходными терминами – среди них Григорий Явлинский, использующий термин «корпоративно-криминальная система»⁶³. Вадим Волков попытался подтвердить эту концепцию эмпирическими данными⁶⁴. Уильям Вебстер говорит о «криминально-синдикалистском обществе»⁶⁵.

Противники теории

Значительное число ученых избегают даже упоминать о теоретических конструкциях. Виржиния Коллодон просто описывает расцвет коррупции в постсоветской России и отказ обоих президентов от борьбы с ней. Тем не менее она ничего не говорит о том, как это отразилось на либеральной модели⁶⁶. Некоторые авторы при описании России оперируют десятками теорий, так что практически невозможно определить, на какой из них они в конечном итоге остановились.

Недостатки имеющихся описаний российского общества

Практически все определения, описывающие российское общество, являются взаимоисключающими, и поэтому неудивительно, что каждая из упомянутых выше гипотез встретила сильное сопротивление со стороны остальных участников дискуссии. Возьмем, к примеру, выдвинутую Шлейфером и другими ав-

торами идею о том, что Россия уже представляет собой «нормальное общество». Чтобы доказать свой тезис о России как о «демократии среднего дохода», Шлейфер и его соавтор анализируют политический строй и экономику страны. Конфронтационный тон в их описании «демократии в стране со средним доходом» можно было бы понять, если бы процесс демократизации только что начался, но он неуместен в то время, когда вектор политического процесса повернулся в противоположном направлении. Создается впечатление, что авторы даже не заметили расстрела парламента в 1993 г., после чего началось движение в сторону реставрации авторитаризма. Вопреки здравому смыслу, они описывали новую конституцию как «не антидемократическую». Они заявляют, подобно Суркову, что Государственная дума действительно является независимым органом. Они полагают, что Дума может отвергнуть президентские декреты. В России – от Калининграда до Камчатки – эта идея вызовет только смех. Вопреки мнению и граждан России, и аналитиков, они называют выборы в стране «свободными и честными», полностью игнорируя факты. Передача власти от Ельцина к Путину не вызвала у них подозрения относительно демократического характера власти в стране.

Концепция «суверенной демократии», которая в действительности призвана оправдать отход российского общества от принципов демократии, критикуется даже людьми, близкими к Кремлю⁶⁷. Заместитель председателя правительства Дмитрий Медведев отмечает, что использование прилагательного перед словом «демократия» означает, что авторы имели в виду нечто отличное от традиционной демократии⁶⁸.

Описание российского общества в негативных терминах также имеет свои недостатки. Утверждение, что Россия представляет собой авторитарное и даже

тоталитарное общество, верно лишь отчасти. Многие события, происходящие в стране, несовместимы с авторитарной моделью. Российские губернаторы, например, обладают значительной автономией в том, что касается управлением регионами. Несмотря на жесткие антидемократические меры Кремля, в стране все еще существуют относительно свободные выборы, влияющие на политическую жизнь.

Олигархическая модель также не способна объяснить главные события в России. Она игнорирует или недооценивает роль сильного центрального правительства, а также работу некоторых либеральных институтов. Некоторые российские аналитики отвергают олигархическую модель, полагая, что она была изобретена бюрократами, которые хотели переложить вину за проблемы страны на жадный бизнес. Евгений Чернов, обозреватель влиятельного журнала «Новое время», в 2006 г. говорил о том, что нельзя всерьез утверждать, что в 90-х гг. Россией правили олигархи. Как бы то ни было, влияние всех олигархов, вместе взятых, было несравнимо меньше влияние группы Черномырдина–Вяхирева. А как насчет Министерства путей сообщения? А Министерство атомной энергетики и РАО ЕЭС? Именно они, а не Березовский или Фридман, всегда контролировали главные «артерии» России. Далее автор утверждает, что когда какой-либо амбициозный «олигарх» пытался тем или иным способом влиять на государственных чиновников, он быстро оказывался очень далеко – в Лондоне, Израиле или в гораздо менее комфортабельном месте. Чернов полагает, что олигархи и большой бизнес в целом были созданы бюрократией и никогда не играли независимой роли в российской политике. Отдельные люди и компании пытались заниматься политикой, но потерпели поражение – незамедлительное и сокрушительное, как Кон-

стантин Боровой, создавший первую биржу в постсоветской России, как известный предприниматель Артем Тарасов или братья Черные⁶⁹.

Критика интегративно-системного подхода

Пример постсоветской России показывает, что попытки описать российское общество в терминах одной «интегративной системы» (либеральной, авторитарной или любой другой) оказались безрезультатными. Фактически эта же проблема возникает при анализе многих обществ, включая Соединенные Штаты, Мексику и Японию. Наиболее распространенное определение интегративной системы описывает ее как «единое целое, которое не может быть разделено на составные части без потери важных характеристик или функций»⁷⁰. Эта концепция может быть полезным инструментом анализа. С 60-х гг. XX века, когда системный анализ сформировался как отдельная дисциплина, эта концепция успешно применялась в разных областях исследования, в том числе в биологии, лингвистике, экономике и социологии. Стремление применить единую систему для анализа любого явления глубоко укоренилось в сознании ученых. Как отмечал Джон Хорган, автор нескольких книг по философии науки, «последователи этой «всеобщей теории» витают в выдуманных мирах высшего порядка, почти или совсем не связанных с реальностью»⁷¹.

Как бы то ни было, некритичное использование этого подхода при анализе общества привело к появлению определенных проблем, поскольку ни социальные, ни экономические реальности не могут быть описаны в терминах одной системы. Те, кто использовал данный подход, обычно называли любой не вписывающийся в систему элемент «остаточным»,

«маргинальным» или «временным», даже если эти элементы играли важную роль в обществе. Так, например, советские идеологи называли черный рынок и преступность «наследием прошлого» или приписывали эти явления «тлетворному влиянию Запада». Исследователи новых африканских государств, возникших после Второй мировой войны, называли их «нормальными демократическими странами», а высокий уровень коррупции и регулярные военные перевороты объясняли колониальным прошлым и непрекращающимся вмешательством империалистов в дела Африки. Аналогичным образом американские мыслители консервативного толка, восхваляющие демократию и свободный рынок в своей стране, обычно называют проблемы коррупции «маргинальными» и «временными».

Холистическая картина мира Парсонса

Применение «единой системы» для анализа общества является развитием интегративно-системного подхода, разработанного Парсонсом, который в своей теории общества придерживался универсалистской и холистической картины мира⁷². Интегративно-системный подход использовался многими учеными во времена Парсонса и после него. Рут Бенедикт в своей работе «*Patterns of Culture*» высказала предположение о возможности идентифицировать ключевой фактор, который бы описывал общество в целом⁷³. Она предложила концепцию, которая объясняет американскую культуру с точки зрения доминирования чувства вины, а японскую – чувства стыда. Сторонники данной теории тем не менее вынуждены признать, что оба эти механизма можно найти в любой культуре, хотя и в разных соотношениях⁷⁴.

Другие ученые предлагали другие ключевые факторы – коллективизм и индивидуализм у Гарри Триандиса, самосовершенствование и самопреодоление, а также сформулированное Шаломом Шварцем понятие «открытости к переменам»⁷⁵.

Политическая и экономическая дихотомия интегративно-системного подхода

Среди ученых, специализирующихся в области общественных наук, наблюдается сильная тенденция – в духе холистического подхода – предполагать, что любое общество может быть отнесено к одной из политических категорий, демократической или авторитарной. Во второй половине XX века благодаря столкновению нацизма, коммунизма и демократии подобный дихотомический подход укоренился в умах политиков и интеллектуалов всего мира (на Западе, в России, в Китае и других странах)⁷⁶. Холистическая парадигма оказала огромное влияние на экономическую литературу, которая зачастую различала лишь два типа экономики: рыночную и административно-командную⁷⁷. Приверженцы неоклассической модели разделяли – по выражению Роберта Соло – один и тот же «сингулярный подход», описывая западную экономику как систему, основанную на чистой конкуренции, где в качестве единственного регулятора выступают цены⁷⁸.

Экономисты, исповедовавшие общепринятые взгляды, поддерживали неоклассическую модель как достаточно хорошее приближение для описания рыночной экономики – точно так же, как социологи верили в «культурную модель», в которой общественные ценности генерируются, подобно ценам, в результате спонтанных действий населения. Экономисты

сты, использовавшие в качестве основы чистую конкуренцию, при помощи математических моделей довольно элегантно и на первый взгляд логично описывали предмет своего изучения. Но при таком подходе они не учитывали роль разнообразных экономических организаций с присущими им особенностями экономического поведения. Так, например, крупные корпорации договариваются друг с другом относительно цен и используют свои привилегии, возникшие в результате погони за рентой. Сторонники этого подхода также не учитывали влияние бюрократии и государства на экономические процессы. Кроме того, они по большей части пренебрегали важной ролью теневой экономики и организованной преступности. Как сказал Роберт Соло, «любая реальная экономика состоит из множества разных форм экономической организации»⁷⁹.

Дихотомия в исследовании переходных периодов

В 80-х гг. холистическая идея стала основой убеждения, что человечество движется к полному торжеству либерального капитализма, как предположил Фрэнсис Фукуяма в своей работе «The End of History»⁸⁰. Многие авторы, писавшие об экономических процессах в посткоммунистических странах, полагали, что административно-командная экономика может эволюционировать только в направлении рыночной экономики⁸¹. То же убеждение лежало в основе идеологии международных финансовых организаций, которые в 80-х и 90-х гг. были уверены, что всеобщая приватизация и глобализация объединят экономические изменения к лучшему во всех странах мира.

Интегративно-системный подход привел некоторых ученых к выводу, что на смену тоталитаризму,

существовавшему в СССР, может прийти только демократическое общество, поскольку такой переход был единственным возможным прогнозом. Они полагали, что начальная и конечная точка этого перехода вполне определены и их легко вычислить. В результате некоторые аналитики, державшиеся за теорию перехода, не могли объяснить, что же произошло в России, где переход к капитализму западного типа явно провалился. По всей видимости, они не знали, что делать с обществами, появившимися в результате крушения коммунистической системы.

Выводы

Разброс мнений в литературе, посвященной современной России, отражает глубокий раскол во всех сферах – идеологической, политической, социальной, экономической, этнической и культурной. Он служит напоминанием о том, что ни одна социально-политическая система не смогла занять доминирующее положение в российском обществе. Определение России как «криминального», «олигархического» или «бюрократического» общества столь же проблематично, как утверждение, что это «нормальное экономическое общество» или общество, неуклонно движущееся в этом направлении. Преобладание интегративно-системного подхода отчасти объясняет, почему многочисленные теории не смогли полностью объяснить социальные, политические и экономические перемены в постсоветских странах. В следующей главе будет предложен альтернативный подход к изучению постсоветской России. Отказавшись от интегративного подхода и обратившись к сегментированному анализу, мы рассматриваем общество не как единую систему с многочисленными «откло-

нениями» от принятой модели, а как конгломерацию общественных сегментов – либерального, авторитарного/тоталитарного и феодального, – которые обладают определенной степенью влияния и независимости, меняющуюся с течением времени в соответствии с изменением состояния общества.

Сегментированный подход и феодальная модель для исследования постсоветской России

Введение

Как указывалось в главе 1, основной недостаток многих методов анализа современной России заключается в тенденции использовать одну модель для описания природы этого общества, игнорируя другие аналитические инструменты. Исследователи, сосредоточившиеся на либеральном и рыночном элементе постсоветской России, обычно пренебрегают теми характеристиками общества, которые лучше всего объясняются авторитарной (а в некоторых случаях тоталитарной) моделью. В то же время те, кто считает Россию авторитарным обществом, часто не обращают внимания на элементы либеральной модели. И обе эти группы едины в своем отрицании событий, которые могут быть объяснены только посредством феодальной модели. Это отрицание представляет особенно серьезную проблему, поскольку, как утверждается в нашей книге, именно феодальная модель во многих отношениях является более эффективным инструментом для понимания России, чем две дру-

гие модели. Данная книга защищает сегментированный подход, признающий важность применения нескольких моделей для анализа любого общества. В то же время, в противовес повышенному вниманию, которое уделяется в литературе авторитарной и либеральной модели, мы сосредотачиваемся на феодальной модели. Я полагаю, что только формат учебника позволит дать полномасштабное описание общества с одновременным использованием нескольких моделей. Поэтому в контексте этой книги я вынужден уделить основное внимание феодальной модели.

Сегментированный подход при анализе общества

Сегментированный подход, разрабатываемый в этой книге, предполагает, что почти все исторические общества включали различные элементы социальной организации. Мои первые статьи, посвященные сегментированному (или многослойному) подходу, были опубликованы в 90-х гг.¹. Этот подход также предполагает, что большинство типов социальной организации, существовавших в прошлом, существуют и сегодня – точно так же, как примитивные биологические организмы существуют в наше время, взаимодействуя с более сложными организмами. В истории человечества насчитывалось ограниченное число разных типов социальной организации. Их гораздо меньше, чем количество разных ДНК, используемых природой для создания органического мира. Основные формы политической организации – это авторитарная (или иерархическая), демократическая и феодальная. Эти три типа близки к знаменитой аристотелевской типологии обществ, в основу которой положено разделение по числу правителей: один (авторитарное), несколько (феодальное или олигархическое)

и много (демократическое). Существуют и другие типы политической организации, в том числе общинная и анархическая, но их роль в истории относительно невелика. Мы также можем говорить о криминальных организациях как особой форме общественной жизни.

Такой сегментированный подход предполагает существование и взаимодействие различных социальных структур в каждом конкретном обществе настоящего и прошлого. Специфика любого общества определяется относительной ролью каждой социальной организации и их взаимодействием друг с другом. Сходные формы поведения могут быть выявлены в любом обществе настоящего и прошлого. Формы поведения, о которых писал Георг Зиммель, включают конфликт и солидарность, превосходство и подчинение, лояльность и предательство. Очень важно, что эти формы не меняются со временем – даже при изменении конкретного исторического контекста. В противном случае нам было бы не интересно читать «Историю пелопоннесской войны» Фукидида о событиях V века до н. э. или «Князя» Макиавелли об итальянской политике начала XVI века. Некоторые авторы обнаруживают много общего в формах международных отношений Средневековья и современного мира. Бразильский социолог Фернандо Кардозо, бывший также президентом страны, писал о сходстве между политической дезинтеграцией в эпоху Средневековья и в современном мире, где к 2000 г. число государств утроилось².

Эта точка зрения направлена против преувеличенного исторического подхода, к которому склоняются многие исследователи, и особенно с марксистским прошлым, верящие в непрерывное изменение социальных структур под воздействием технологического и экономического прогресса. Они почитают

философа Гераклита Эфесского, который стал знаменит благодаря своей фразе «все течет». Эти ученые проводят исторические исследования в основном с целью объяснить происхождение «новых» современных институтов и причину некоторых современных явлений, таких как расизм в современной Америке, ксенофобия в Германии, классовая структура во Франции и Англии или отсталость африканских стран.

Нет смысла отрицать важность исторических исследований, которые проводятся с этой целью, но я должен возразить, что изучение прошлого помогает нам понять настоящее еще и потому, что наблюдается сходство между социальными организациями и формами поведения в обществах, разделенных несколькими столетиями. В то же время выдвигаемая в данной книге теория еще в большей степени противоположна подходу тех представителей общественных наук, которые просто игнорируют прошлое или считают, что оно не имеет отношения к современному обществу. Они с удовольствием цитируют ставшую знаменитой фразу Уолтера Бенджамина о том, что история – это всего лишь архив коллективной памяти³. Учебники по социологии, политологии и экономике почти не содержат материала о событиях 50-летней давности, не говоря уже об эпохе Древнего Рима или временах Средневековья.

Для того чтобы проверить эту идею, я изучил девять американских учебников по социологии⁴. Анализ показал, что большинство важнейших событий XVIII и XIX веков были почти полностью проигнорированы. О промышленной революции в девяти книгах упоминалось лишь восемь раз (о рабовладении 6, о европейских колонизаторах 5, о Великой французской революции 4, о Гражданской войне в Америке 4, о Древнем Риме 3 и о Просвещении 3).

Исходя из этого, только сегментированный подход, в основе которого лежит идея сосуществования разных типов социальной организации и форм поведения, дает возможность понять все разнообразие обществ, существующих в мире. Этот подход близок к взглядам Вебера на исследование общества, и особенно к его концепции «идеальных типов». Согласно Веберу, идеальный тип «строится на основе одностороннего выделения одной или более точек зрения и на основе синтеза огромного количества разобщенных, разрозненных, обычно присутствующих и периодически отсутствующих конкретных индивидуальных феноменов, которые организованы в единый мысленный конструкт согласно односторонне выделенным точкам зрения». Вебер писал, что «одно и то же историческое явление может быть, например, в одних своих составных частях «феодальным», в других — «патримониальным», в третьих — «бюрократическим», в некоторых — «харизматическим»⁵. Он также говорил о том, что все основные черты капитализма можно обнаружить в Древнем Китае, Индии, Вавилоне, в классическом мире и в Средние века⁶.

Не менее важны для сегментированного подхода идеи Георга Зиммеля. В социологии Зиммеля центральное место занимает понятие «форм». Он представлял общество в виде сочетания форм. Он определял формы как мысленные конструкции или модели, которые исследователи изолируют в общественной реальности, чтобы сделать эту реальность постижимой. «Идеальные формы» Зиммеля близки к «идеальным типам» Вебера — это мысленные конструкты, позволяющие исследователям анализировать и понимать определенные аспекты общественного бытия⁷.

Зиммель представлял историю человечества как набор абстрактных типов организации и форм пове-

дения, особым образом распределенных по разным эпохам. Его анализ современного общества постоянно сопровождался примерами из Древней Греции, эпохи феодализма и капитализма. Разумеется, в каждом историческом контексте роль каждой социальной организации имеет свой вес, а формы поведения меняются; их комбинация и определяет характер конкретного общества.

Дюркхейм во многих отношениях принадлежал к противоположному лагерю, полемизировавшему с Зиммелем и его сторонниками. Тем не менее даже он был склонен рассматривать «абсолютизм» как форму правления, присущую не только Франции XVII века, но и встречающуюся «среди самых разнообразных типов общества», например, тех, что существовали в эпоху Римской империи, или многочисленных нецивилизованных монархий. Точно так же он относился к семье и некоторым другим общественным институтам⁸.

Помимо этих выдающихся ученых, некоторые другие исследователи также анализировали разнообразные социальные институты с точки зрения универсализма. Некоторые авторы анализировали отдельные универсальные институты, в том числе «дарение» (Марсель Маусс), «взаимность и комплементарность» (Роберт Мертон), «социальная иерархия» (Роланд Муснер) и «международные коалиции» (Оле Хольсти). К числу моих союзников относятся те историки, которые благодаря логике своих исследований и под воздействием новых исторических событий пришли к необходимости применить одни и те же типы социальных отношений к различным эпохам. Рыночные отношения в Древнем мире привлекли внимание историков XVIII и XIX веков, когда в европейскую жизнь начал мощно вторгаться капитализм. Вооруженные новой капиталистической пара-

дигмой, такие ученые, как знаменитый австрийский марксист начала XX века Карл Каутский или американский историк Майкл Ростовцев, обнаружили сходные формы социальной организации в Греции и Риме. Во второй половине XX века Франсуа Фуре под влиянием советского тоталитаризма предложил новый взгляд на историю Великой французской революции, пытаясь доказать, что она не являлась необходимым этапом французской истории. Он предположил, что якобинцы были «большевиками», которые подобно русским коммунистам проявляли равнодушие к благополучию страны.

Сегментированный подход близок к тому аспекту марксистской теории, который подчеркивает разделение общества на антагонистические классы. Он предполагает, как позднее заявляли марксисты и левые радикалы, что эти классы имеют разную культуру, идеологию и образ жизни⁹. В этой связи особое внимание следует уделить идеям Перри Андерсона. Используя марксистскую терминологию, он разработал теорию, сходную с сегментированным подходом. Он предположил, что каждое общество представляет собой сочетание различных способов производства, а не один способ производства, как считают ортодоксальные марксисты¹⁰. Некоторые авторы, не являющиеся сторонниками марксистских взглядов, также критиковали интегративно-системный подход и описывали разные общества как сочетания разных, враждебных друг другу частей¹¹.

Другие союзники сегментированного подхода обращают внимание на мультикультурный характер большинства обществ, как современных, так и предшествовавших им. К числу ученых, разделяющих эту точку зрения, относятся Майкл Манн¹², Чарльз Тейлор¹³, Стивен Брукс¹⁴, Марк Орбе¹⁵ и некоторые другие¹⁶. Разумеется, между мультикультурностью и предла-

гаемым в этой книге сегментированным подходом, опирающимся на идеи Зиммеля, есть огромная разница. Если первый подход основное внимание уделяет сосуществованию разных культурных и этнических групп, то второй фокусируется на сосуществовании в обществе разных форм социальной организации. Тем не менее оба подхода отличает критический взгляд на холизм и системный анализ.

Среди тех, кто рассматривает общественную реальность как комбинацию многочисленных новых и старых форм поведения, есть несколько специалистов по международным отношениям. В частности, представитель школы неореалистов Кеннет Валцц утверждает, что структура международной политики остается практически неизменной; формы и события все время повторяются¹⁷. Маркус Фишер, который также поддерживает неореалистический подход, предполагает, что «феодальная политика не так уж сильно отличалась от современной политики»¹⁸.

Как это ни странно, но для защиты сегментированного подхода уместно привлечь и Владимира Ленина, который пришел к пониманию этой идеи не теоретическим, а практическим путем, наблюдая за российской реальностью после Гражданской войны. И действительно, в 1921 г. он говорил о существовании в России пяти общественных укладов: патриархального, кустарного, частного капитализма, государственного капитализма и социализма¹⁹.

Разумеется, описание Лениным России 20-х гг. после введения новой экономической политики, когда появились малые и средние частные предприятия, было принято официальной советской идеологией²⁰. Однако Сталин, объявивший в 1936 г. о построении социализма в Советском Союзе, начал рассматривать многие элементы общества (например, рынки по продаже овощей и фруктов) как пережитки прошлого²¹.

Восприятие России как расколотого общества стало распространяться к концу 90-х гг. XX века, когда некоторым наблюдателям стало ясно, что преобразование России в «нормальное либеральное общество» закончилось неудачей. Эти наблюдатели поняли, что в России сосуществует несколько форм капиталистических и даже демократических отношений – от традиционной авторитарной формы управления страной до феодальных тенденций в провинции. Такие исследователи, как А. Мартынов, пошли еще дальше, утверждая, что многослойность общества не является специфической российской чертой, а характерна для всех развивающихся обществ²². Мартынов поддерживал концепцию «смешанного общества» и говорил о разных типах экономики в России²³. Некоторые исследователи сосредоточились на многослойной модели общества в той форме, как она проявилась в российской деревне, где сосуществовали разные формы хозяйствования, от приусадебных участков, кормивших лишь своих владельцев, до крупных аграрных компаний промышленного типа²⁴.

Сегментированный подход к описанию российского общества был объективно принят некоторыми западными учеными (хотя они и не использовали этот термин). В книге Ричарда Саквы «Putin: Russia's Choice» (2004) используется подход, близкий к моим теоретическим построениям. Автор выдвигает предположение, что в посткоммунистический период Россия развивалась так, как будто в ней наложились друг на друга три разных «порядка», в том числе статический патриархальный порядок и либеральный демократический порядок. Все это следует учитывать при анализе современной России²⁵.

Каждая идеальная модель обладает преимуществами в описании определенных обществ. Так, например, тоталитарная модель особенно важна для анализа советского и нацистского общества – даже с учетом того, что не все социальные явления в Советском Союзе и нацистской Германии могут быть объяснены с ее помощью. Либеральная модель больше подходит для анализа западных обществ, хотя и в этом случае при анализе конкретных элементов этих обществ необходимо учитывать другие модели, в том числе авторитарную и феодальную. Феодальную модель, конечно, удобнее применять к европейским обществам эпохи Средневековья²⁶. Некоторые авторы также рассматривают возможность применения этой модели к анализу обществ за пределами Европы – например, таких, как Япония в период правления рода Токугава²⁷.

Некоторые историки, придерживающиеся ревизионистских взглядов, подвергают сомнению саму концепцию феодализма, утверждая, что различия между так называемыми феодальными обществами (французским, британским и немецким) были настолько велики, что сам термин становится неопределенным²⁸. В одной из более современных работ Клиффорд Бэкман утверждает, что не только сам термин «феодализм» расплывчат и неэффективен, но также что самого феодализма никогда не существовало, потому что не существовала идеальная модель феодальных отношений²⁹.

В действительности эти авторы соглашаются со средневековыми номиналистами и последователями неопозитивистами, такими как Уиллард Куайн, который сосредоточился на различиях между конкретными явлениями и отрицал значение «универсалий»,

считая это понятие пустым. На том же основании можно отвергнуть такие термины, как капитализм, либеральный капитализм, демократия и социализм, как неприменимые к Соединенным Штатам и Японии или Советскому Союзу и Кубе.

Существует множество определений феодализма как идеальной модели, полезных для понимания средневековой Европы, Японии и некоторых других стран, а также различных процессов в современных обществах. Различают две основные школы, использующие феодальную модель. Первая школа, экономическая или аграрная, представлена Марксом и Вебером, которые считали основными чертами феодализма доминирование землевладельцев и аграрный характер общества. Другая школа, или политическая, самым ярким представителем которой был Фюстель де Куланж (известный французский историк второй половины XIX века), рассматривала феодализм как общество со слабой центральной властью в высокой степени автономии нескольких действующих лиц политической сцены. Я разделяю взгляды политической школы феодальной историографии и уделяю основное внимание слабости центральной власти, отсутствию порядка и плюрализму власти. Эта школа в центр феодальной модели помещает тезис, подчеркивающий преимущества относительно небольших социальных единиц перед крупными с точки зрения поддержания порядка и обеспечения процветания внутри регионов или корпораций³⁰. Эта модель также предполагает, что общество, управляющее «могущественным меньшинством», обладает определенными преимуществами. Общества, во главе которых стоят небольшие политические объединения («небольшие» по отношению к государству), как в эпоху Средневековья или в современных демократических государствах, оказываются более эф-

фективными, чем общества, управляемые одним лидером, который возглавляет центральную власть, или представителями федеральных демократических институтов, далеких от своих избирателей на местах.

Таковы основные черты феодальной модели. Она предполагает, что центральная власть должна сотрудничать с разными влиятельными силами, в том числе региональными лидерами, корпорациями и богатыми людьми, а также с церковью и другими главными игроками на общественной сцене. В обмен на легитимность — а этот товар может обеспечить только центральная власть — всевозможные социальные силы снабжают лидера войсками, финансами и поддержкой в избирательном процессе.

Завершая свой фундаментальный труд «Histoire des Institutions Politiques de la Ancienne France», Фюстель де Куланж писал, что со времен Римской империи до X века в обществе непрерывно действуют два фактора: постепенное ослабление политических властей и развитие больших поместий и патронатов. Он подчеркивал, что эти поместья и патронаты превратились в самые могущественные институты. Они взяли на себя функцию, которые в предшествующие столетия выполняла государственная власть. В сущности, это был феодальный режим³¹. Европейское общество в преддверии Средневековья характеризовалось высокой степенью военной опасности, которая обуславливалась с одной стороны войнами между наследниками Карла Великого, а с другой стороны вторжениями викингов, венгров и мусульман. Разумеется, степень военной опасности различалась в разные времена и в разных местах, но она тем не менее не только способствовала повышению операционных издержек, в том числе информационных, но также сформировала очень высокий спрос на военную защиту, который стал основой по-

литических отношений, зарождавшихся в средневековой Европе³².

Теория вассальных отношений как основы феодализма была разработана Марком Блохом и другими членами знаменитой школы «Анналов»³³. Эти отношения можно рассматривать как прямое следствие слабости центральной власти и зависимости короля от землевладельцев-феодалов и других крупных «игроков». Примечательно, что некоторые современные авторы (в частности, Барбара Розенвайн) считали вассальную зависимость «добровольной и публичной», игнорируя тот факт, что это была форма защиты против беспорядка в отсутствие сильного централизованного государства³⁴.

В то же время точка зрения многих других историков XX века в значительной степени совпадала с взглядами Куланжа. Пьер Дюбиус писал, что «основной характеристикой феодализма является разрушение монархической власти»³⁵. С этим определением феодализма согласны некоторые современные ученые, такие как американский историк Марджори Чинбол³⁶ и французские историки Жак Ле Гофф³⁷ и Лорен Тейс³⁸.

Известный историк Франсуа-Луи Гансхоф также разделяет эту точку зрения. Он фокусируется на военном и юридическом аспектах феодализма, а также на манориализме. По его мнению, феодализм был обществом с особым милитаризованным классом, который занимал высшие уровни в социальной иерархии. Согласно Гансхофу, в этом обществе политическая власть была распределена среди большого количества субъектов, которые действовали в собственных интересах, используя силу, которую обычно монополизировало государство³⁹. Английский писатель Пол Виноградофф описывал феодальное общество аналогичным образом. Он также выделял политическую разобщенность общества. В России похожая концеп-

ция феодализма использовалась историком Николаем Павловым-Сильванским⁴⁰.

В России элементы феодализма появились в Киевской Руси в IX веке, когда князь считался лишь старшим в своей дружине, что подтверждается русскими хрониками IX века⁴¹. Во время переговоров с Византией князь и его окружение выступали как равные партнеры. Впоследствии именно русские бояре (феодалы-землевладельцы) превратились в главные фигуры российской политической конструкции и оставались ею вплоть до эпохи абсолютизма при Иване Грозном.

Феодализм и сходные понятия

Как средство организации обширной территории, феодализм не следует путать с федерализмом или децентрализацией общества. Федерализм предполагает, что все территориальные образования независимо от уровня автономии по закону обязаны вносить максимальный вклад в процветание всего общества, тогда как феодализм означает, что каждое образование стремится максимизировать свои функции и рассматривает интересы целого, будь то империя или государство, как ограничение, которое следует учитывать как можно меньше⁴². В то же время феодализация общества практически совпадает с регионализацией, которая предполагает тенденцию регионов заботиться лишь о собственном благополучии⁴³. Другое понятие, пересекающееся с феодализмом, — это самоопределение этнических, религиозных или культурных групп. Политикам и представителям общественных наук зачастую очень сложно отделить феодализм от сепаратизма, который направлен на достижение независимости определенной территории. Ярким примером такой ситуации служит Чечня. Следует ли чеченский сепара-

тизм считать проявлением феодальных тенденций в постсоветской России, или это движение к независимости, как заявляли чеченские лидеры в 1990–1991 гг.? Ответ на этот вопрос зависит от идеологической позиции того, кто выносит решение⁴⁴.

Имеет ли феодализм отношение к современному обществу?

Для некоторых исследователей феодализм как общественная система никак не связан с современным обществом – особенно для социологов, защищающих идеографическое восприятие истории. В XVII веке, когда прошло не так много времени со времен классического феодализма, Монтескье утверждал, что феодальные законы в Европе представляли собой уникальное явление, которое возникло в мире один раз и больше никогда не повторится. Вольтер выступал против подобных взглядов, заявляя, что феодализм является древней формой социальной организации, существовавшей во всем мире. Большинство современных ученых согласны с Монтескье, а не с Вольтером. По всей видимости, они разделяют точку зрения, что феодальная модель не годится для современного общества. Достаточно сказать, что сам термин «феодализм» редко встретишь в учебниках по социологии⁴⁵. Исключение составляет работа Нейла Смелсера «Sociology», в которой теория феодализма упоминается шесть раз, хотя это явление связывается исключительно с прошлым⁴⁶. Говоря об Америке как о «плюралистическом обществе» с многочисленными центрами власти, которое он противопоставляет «индивидуалистической демократии», Смелсер ссылается на общество с феодальными элементами⁴⁷. В то же время Смелсер отмечает дезинтеграционные

процессы в некоторых государствах, которые были обусловлены неудовлетворенностью международными отношениями, распространением официальных и неофициальных сетей (иногда мафиозных), терроризмом, партизанской борьбой, вышедшими из-под контроля этническими конфликтами и стиранием грани между насилием в общественной и частной жизни⁴⁸.

Некоторые авторы признают наличие феодальных черт в современном обществе, не называя их феодальными. Так, например, Стейн Роккан проводит границу между множественной корпоративной плюралистической демократией. Первый тип явно связан с массовой, или инклюзивной, демократией, а второй описывается Рокканом как общество, в котором правительство формирует политику в результате соглашений с группами влияния, что напоминает феодальное или олигархическое общество⁴⁹. Более того, вся концепция полиархии, предложенная Робертом Далем, явно признает роль феодальных элементов в современном западном обществе. Даль оперирует понятием конкурентных олигархий, что предполагает ограниченную роль народа в политическом процессе, но в то же время отсутствие тотальной гегемонии, которая служит явным признаком феодализма⁵⁰.

Из двух моделей феодализма – экономической/аграрной и политической – первая в большей степени не желала видеть феодализм вне Европы и эпохи Средневековья. Тем не менее некоторые сторонники экономической модели распространяли феодализм за пределы Западной Европы. Так, например, Вебер рассматривал феодализм как всемирное явление, существовавшее во все эпохи. Его признаки можно обнаружить не только в средневековой Европе, но и в доклассическом периоде Греции, на закате Римской республики и даже в Египте при правлении Птолемея. Называя не менее дюжины форм феодализма

и явно понимая этот термин слишком широко, Вебер тем не менее связывал его только с прошлым. Как исключение он допускал сравнение некоторых капиталистических явлений, таких как оптовая торговля, с патримониализмом, который однако можно лишь косвенно приравнять к феодализму⁵¹.

Те, кто принадлежит ко второму, или «политическому», лагерю, считают феодализм общим типом социальных отношений. Марк Блох, даже не акцентируя внимание на слабости центральной власти как основополагающей характеристики феодализма, тем не менее отходит от земельной парадигмы и ставит в центр феодального общества вассальные отношения, что позволяет ему рассматривать феодализм как универсальное явление⁵². Сьюзен Карстед относится к тем современным ученым, взгляды которых близки к взглядам Вебера. Карстед не связывает феодализм с конкретным историческим периодом и определенным уровнем экономического развития⁵³. Она не согласна, что патримониальные и феодальные формы исчезли в результате модернизации. Наоборот, Карстед утверждает, что эти формы процветают во всем мире⁵⁴. Эту точку зрения разделяют и некоторые другие ученые, в том числе Джон Холл⁵⁵ и Питер Дуус⁵⁶.

Тем не менее большинство последовательных сторонников универсальности феодализма относятся к тем, для кого феодализм связан со слабостью центральной власти и представляет тип общества, которым управляет меньшинство. Вслед за Аристотелем его можно назвать «олигархическим» обществом. Каролин Вебер и Аарон Вильдавски основное внимание уделяют такой характеристике европейского феодализма, как отсутствие у центральной власти возможностей принуждения, а также независимость действующих субъектов. Они утверждают, что нецентрализованные правительства существовали в

разные эпохи и в разных странах (в Месопотамии в эпоху Касситов, во времена египетского Среднего царства, в Японии с IX по XVIII век)⁵⁷. Другие ученые также представляют феодализм как общество, которое пересекается с современным миром. Они отошли от земельной школы феодализма, которая основное внимание уделяет иерархической социальной структуре в современном обществе⁵⁸. Так, например, интеллектуал Джон Дьюи говорил об «индустриальном феодализме», описывая роль крупных корпораций в современной Америке.

Задачи феодальной модели в анализе современного общества

В современном мире имеют место процессы и события, противоречащие преобладающей неоклассической модели в экономике и плюралистической модели демократического общества, разработанной политологами. Среди этих процессов можно назвать неэкономические, часто незаконные действия корпораций, не основывающийся на заслугах «подбор кадров» правительством и неспособность центральной и местной власти гарантировать безопасность людей и институтов общества. Каждой из этих проблем посвящено огромное количество книг, где собрано множество фактов. Моя задача состоит в том, чтобы организовать эти факты внутри теоретической модели. Существует два подхода к этим процессам и явлениям: один используют экономисты и политологи, придерживающиеся традиционных взглядов и убежденные в абсолютном доминировании либеральных и демократических ценностей в западном обществе, другой же основан на марксистской теории классов.

Подавляющее большинство экономистов и политологов либо маргинализируют эти явления, либо считают их отклонением от нормы. Марксисты и неомарксисты склонны объяснять эти черты как следствие классовой структуры и власти капиталистов. Я не согласен с обоими подходами.

В качестве иллюстрации этой идеи приведу пример криминальной защиты в современной России и в других странах, в том числе в Соединенных Штатах. Это универсальное явление современного мира получило название рэкета, или криминальной защиты частного бизнеса. Криминальная защита получила широкое распространение в постсоветской России, хотя была практически неизвестна в Советском Союзе. Некоторые авторы, изучающие криминальную защиту в современном мире, рассматривают ее через призму капиталистической модели, описывая преступные организации, защищающие частный бизнес, как капиталистические предприятия, которые продают свои услуги. Даже те исследователи, которые фокусируют внимание на разнице между мафией и «нормальными капиталистическими фирмами», в качестве точки отсчета берут капиталистические фирмы. Они говорят о клиентах мафии как о «нормальных» агентах рынка, которые стремятся снизить стоимость своих товаров при помощи криминальных организаций, главную «рыночную деятельность» которых составляет насилие. В большинстве своем они игнорируют тот факт, что подобная «помощь» попросту навязывается. (Более подробно эта проблема будет рассмотрена ниже.)

Почти никто из этих специалистов не вспоминает о Средневековье, описывая защиту частного бизнеса как всеобщее явление. Феодалная модель, фокусируясь на слабости центральной власти, полагает криминальную защиту необходимым элементом жизни

в эпоху Средневековья. Основой защиты является насилие, даже если поиски «крыши» в Средние века – знаменитая «коммендация» (обмен личной свободы человека на защиту, которую обеспечивает феодал) – были весьма распространенным явлением. Криминальную защиту в современном обществе следует анализировать с использованием по крайней мере двух моделей – феодальной и капиталистической. Эту точку зрения последовательно отстаивал видный российский историк Арон Гуревич, что сделало его мишенью ортодоксальных марксистов, которые считали, что крестьян силой загоняли в рабство⁵⁹.

Феодализм и Россия

Впервые я предложил феодальную модель для анализа российского общества в статье, опубликованной в 1996 г.⁶⁰ Эта статья широко обсуждалась в литературе. Анатолий Ливен, критикуя мою статью, предположил, что термин «ублюдочный феодализм» как нельзя лучше подходит для описания Испании и Латинской Америки в XIX веке и начале XX века⁶¹. Благоклонно отзываясь о моей статье, Ричард Эрик-сон предложил называть российское общество «индустриальным феодализмом». Автор выделил такие характеристики, как слабое государство, децентрализация власти, персонализация власти и сила личных связей⁶². Эту же точку зрения высказал Питер Ставракис, который принял мое предложение учитывать феодальные элементы постсоветской России, и особенно те, которые связаны со взаимодействием центральной власти и властей на местах⁶³. Стивен Бланк, разделяющий эту позицию, обратил внимание на кодетерминацию власти и богатства в постсоветской России⁶⁴.

Некоторые российские авторы обсуждали сходство между Россией после 1991 г. и феодализмом Средневековья. С января 2000 г. по май 2006 г. термин «феодализм» 532 раза использовался в 50 российских газетах. Андрей Кончаловский, принимавший активное участие в интеллектуальных дебатах, часто обращался к феодализму как к подходящему описанию современной России⁶⁵. Руслан Гринберг, директор Института экономики, который считается ведущим академическим институтом в Москве, заявил, что в России присутствуют все черты феодального общества⁶⁶. Экономист Петр Ореховский предположил, что россиянам посчастливилось жить в феодальном обществе⁶⁷.

Другие российские авторы писали о движении России от авторитаризма к Средневековью⁶⁸. К ним относится Юлия Латынина, известный журналист с историческим образованием. Она оправдывает применение феодальной модели («индустриальный феодализм») к России, выдвигая такие аргументы, как конфликт между центром и регионами⁶⁹, корпорацию как «индустриальную феодальную империю»⁷⁰, непрерывную борьбу между корпорациями, которая не имеет ничего общего с нормальной конкуренцией, поскольку основными средствами в этой борьбе служат разного рода незаконные действия, в том числе неприкрытое насилие⁷¹, отсутствие уважения к частной собственности и доминирование феодальной культуры, в которой война рассматривается как самый дешевый способ обогащения⁷². Взгляды Латыниной на Россию разделяет Сергей Гуриев⁷³. Кроме того, философ Эрик Соловьев говорит о «феодализме лавочников»⁷⁴.

Я никоим образом не стремлюсь приуменьшить значение авторитарной (а в некоторых случаях тоталитарной) и либеральной моделей в анализе современной России и любого другого общества. На самом деле даже в Средние века, когда преобладали феодальные порядки, многие элементы общества носили авторитарный или даже либеральный характер. Не подлежит сомнению, что власть феодалов в их поместьях и порядки внутри католической церкви были явно авторитарными или даже тоталитарными. Феодальная иерархия не предполагала никакой свободы действий для людей из нижних слоев. Тем не менее внутри этого общества, которое не было однородным, существовали институты демократического типа, члены которых (все они принадлежали к правящей элите) принимали решения и голосовали после публичных обсуждений.

Авторитарная (или тоталитарная в своих более жестких формах) модель понимается здесь как аналитическая конструкция, которая описывает организацию строгого иерархического управления, возглавляемого лидером. «Идеальное» тоталитарное общество предполагает, что государство обладает тотальной монополией на информацию, образование и искусство. Вездесущая политическая полиция и сеть осведомителей являются неотъемлемыми элементами такого общества. Полный контроль государства над экономикой и средствами производства — это органическая часть тоталитарного общества, несмотря на то что его более мягкая разновидность, или авторитарная модель, предполагает наличие частной собственности, хотя и под контролем государства. Тоталитарная модель также предполагает абсолют-

ное неприятие любой формы демократии или политической свободы⁷⁶.

В сущности, многие элементы в постсоветской России, и особенно при режиме Путина, могут быть интерпретированы только в терминах авторитарной модели. В 2007 г., к концу второго президентского срока, Путин сосредоточил в своих руках такую власть, которой не обладал ни один советский руководитель после 1953 г. Всего за три года он уничтожил все остатки разделения властей. Он превратил парламент в марионеточный институт, чем-то похожий на Верховный совет прошлой эпохи. Судебная власть склонилась перед Путиным точно так же, как она склонялась перед советскими хозяевами Кремля. В стандартной полчасовой программе новостей Путин появляется в среднем от пяти до семи раз. Фактически он появляется на экране телевизора чаще, чем Брежнев в советские времена. В большинстве случаев президент изображается великим лидером, который следит за всем, что происходит в стране⁷⁷.

Тем не менее, несмотря на авторитарные и феодальные тенденции в путинской России, очень важно не упустить многочисленные либеральные элементы, которые существуют в стране. Частная собственность и конкуренция, даже при наличии множества ограничений, глубоко укоренились в российском обществе — вместе со свободой экономической деятельности. Люди свободно перемещаются внутри страны, выезжают в другие страны по делам или на отдых, а также эмигрируют. Федеральные и местные выборы — даже при том, что в большинстве случаев их нельзя назвать честными, — все еще являются важной составляющей политического строя, а власти тратят огромное количество времени и ресурсов, чтобы контролировать их результат.

В этой книге я пытаюсь показать, что в современном российском обществе имеют место важные явления и процессы, которые могут быть адекватно объяснены только в том случае, если анализ основывается на сегментированном подходе, который предполагает использование разных «идеальных моделей» в качестве инструментов исследования. Изучение России показывает, насколько важно не путать общественную реальность с моделями, необходимыми для ее анализа. Сегментированный анализ постсоветской России с упором на элементы феодализма может оказаться чрезвычайно продуктивным. Присоединяясь к определению феодализма, данному политической школой, эта глава уделяет особое внимание слабости государства и отсутствию закона и порядка. Собственно говоря, феодальная модель обещает стать полезным инструментом для понимания не только России, но и любого общества, в котором центральная власть не способна выполнять свои обязанности.

Слабость государства

Введение

Слабость государства является основной характеристикой феодальной модели. Когда в любом обществе ослабевают центральная власть, беспорядок усиливается и расцветают феодальные элементы общества. До появления в XVII веке абсолютистских монархий отсутствие порядка было неотъемлемой составляющей жизни в Средние века, несмотря на то что формы взаимоотношений между разными структурами власти со временем менялись. Учитывая серьезные проблемы страны с преступностью и коррупцией, можно утверждать, что отсутствие порядка являлось характерной чертой и постсоветской России.

Как и в эпоху Средневековья, в России отношения между центральной властью и другими силами со временем изменялись. При Ельцине, например, губернаторы и олигархи могли бросить вызов центральной власти; при Путине их политическое влияние было ограничено феодальными владениями.

В этой главе рассматриваются последствия слабости государства в контексте Средневековья и постсоветской России, причем основное внимание уделяется преступности и коррупции. Кто является главным объектом преступлений в этих обществах? Как страх перед преступностью влияет на простых

людей и элиту? Каковы характеристики коррупции в этих двух обществах? Как коррупция влияет на бюрократию, правоохранительные органы, судебную систему и другие государственные структуры? Как уровень и характер коррупции связаны с неустойчивостью центральной власти?

Типы слабости государства

Мой подход к вопросу силы государства отличается от подхода многих современных ученых. Специалисты в области общественных наук предлагают такие характеристики силы государства, как относительная доля общественного сектора и независимость федерального правительства от других субъектов общества¹.

Существует два аспекта слабости государства. Первый обусловлен неспособностью правителя или правящего класса защитить режим от политических противников. Второй тип слабости состоит в неспособности правителя обеспечить исполнение законов и указов на подвластной ему территории. Первые короли-феодалы в период после падения Рима сталкивались с трудностями обоего рода. Им было сложно защитить свой трон, и обычно они не были способны управлять страной как единым целым. Однако с приходом к власти Меровингов ситуация изменилась. Людовик IX прочно удерживал в своей власти Париж, хотя у него не хватало ресурсов, чтобы контролировать сельские районы.

Правление Бориса Ельцина (1991–1999) было очень похожим на правление французских королей сразу же после развала империи Карла Великого в IX веке. В период пребывания Ельцина на посту президента две главные силы постсоветской России – олигархи и губернаторы – открыто противостояли

центральной власти. Они были не только полностью независимыми на своей территории, но также влияли на политику в масштабе всей страны.

С приходом к власти Путина многое изменилось, и Путин приобрел власть, чтобы защитить себя от любых соперников внутри страны. Однако во многих отношениях режим оставался неэффективным и неспособным контролировать регионы и главные социальные силы. Кроме того, режим был подвержен кризисам, как в области безопасности, так и экономики. Общество считало Кремль неспособным управлять отношениями между центром и регионами. К концу 2005 г., как отмечал политолог Александр Севастьянов, российское государство было слабым и глубоко коррумпированным. Многочисленные российские наблюдатели делали аналогичные выводы — вплоть до того, что эта мысль стала тривиальной².

Причины слабости государства

Существует, по крайней мере, две причины слабости государства. Слабость может быть обусловлена отсутствием единства среди элит или усилением коррупции. В первом случае лидер и правящая элита, раздираемые внутренними противоречиями, не способны эффективно управлять страной. Именно такая ситуация сложилась после развала империи Каролингов, когда наследники Карла Великого увязли в длительной войне, которая привела к распаду империи.

В таком случае центральная власть просто не обладает достаточными ресурсами, чтобы принудить или убедить региональные власти исполнять поступающие сверху распоряжения и навести порядок в своих областях. Такая ситуация сложилась в российском обществе в конце 80-х и начале 90-х гг. Во время

перестройки центральная власть ослабла – реформы подрывали ведущую роль коммунистической партии и государства.

Одним из самых ярких примеров разобщенности элит может служить возвышение Бориса Ельцина. В 1990–1991 гг. бывший член политбюро Ельцин сформировал альтернативный центр власти вне горбачевского Кремля, используя в качестве социального и политического базиса Российскую Федерацию. В борьбе против центральной власти Ельцин искал союзников и поощрял регионы добиваться максимально возможной независимости – об этом ему пришлось пожалеть уже год спустя. Чувствуя себя неуверенно в качестве хозяина Кремля после распада Советского Союза в 1991 г., Ельцин продолжал искать поддержки среди региональных элит.

Вторая причина слабости обусловлена процессом коррупции. По мере того как в центре усиливается роль коррупции, правитель и другие ведущие политики становятся в большей степени зависимыми от влиятельных сил, находящихся вне центральной власти. В этом смысле современное общество с коррумпированным правительством может быть очень похожим на средневековое общество. Коррупция, вне всякого сомнения, была главной причиной слабости ельцинского режима. Он действовал как король, главная цель которого состоит в том, чтобы любыми средствами удержаться у власти, обогащая себя и свою семью. Джордж Бреслауэр остроумно заметил, что лидера следует оценивать по его целям, а не в соответствии с каким-то стандартом. Однако даже при таком реалистичном подходе, пишет Бреслауэр, в «шкале ценностей» Ельцина не находится таких важных ценностей, как «личная власть» и «богатство семьи»³. Воздействие личных интересов на постсоветских лидеров и политические процессы в России

по большей части не учитывается в работах Майкла Макфоула⁴ и Дональда Бэрри⁵. Эти и другие авторы оценивали эффективность Ельцина и Путина как руководителей по собственным стандартам⁶.

Тем временем для достижения обеих целей – власти и богатства – Ельцин озаботился созданием собственного «владения». После прихода к власти Путина ситуация не изменилась. Государство оставалось слабым и неэффективным. Более подробно вопрос «владения» правителя будет обсуждаться в последующих главах.

Неуважение к закону

Как правило, ученые придерживаются одного из двух взглядов на эпоху Средневековья. Одни выделяют феодальный порядок, в конечном итоге установившееся после периода хаоса в раннефеодальном обществе. К этой группе относятся автор «Feodalites» Джордж Дьюби⁷, Дэвид Дуглас, считавший контрактную военную службу одной из основных характеристик феодализма (по крайней мере, в его норманнской версии)⁸, и в определенной степени Франсуа Гансхоф, подчеркивавший юридические элементы феодализма⁹. Все они рассматривают феодальный порядок как хорошо развитую иерархическую сеть субъектов со сложными кодексами поведения. Они полагают, что каждый слой населения, от рыцарей и священников до крестьян, выполняет свою функцию.

Работы этих авторов создают впечатление, что средневековая Франция приблизительно в 1000 г. н. э. представляла собой общество, в котором царил порядок. В объемном труде Дьюби почти ничего не говорится о бандитизме и насилии во Франции в этот период. В длинном содержании (12 страниц)

перечислены разделы, посвященные разнообразным религиозным и интеллектуальным процессам того времени, но среди них нет раздела, анализирующего уровень общественного порядка.

Другая точка зрения, которую поддерживают многие ведущие медиевисты, представляется мне более реалистичной – в ней общественный порядок определяется как ненадежный. Монархия издавала законы, строила судебную систему и пыталась установить порядок, но центральная власть зачастую оставалась слабой и неэффективной. Существовал феодальный кодекс чести, и церковь время от времени пыталась сохранить мир в обществе, однако одной из главных черт Средневековья было глубокое неуважение к закону. Некоторые историки – от Фюстеля де Куланжа и Марка Блоха до современных исследователей, таких как Хант Джанин¹⁰, Барбара Ханауолт¹¹ и Клод Гавар¹², – описывают средневековые общества как хаотичные, беспорядочные и опасные. Натали Земон Дэвис утверждает, что, начиная с XVI века, а возможно, и раньше, с середины XV, каждый мог рассказать криминальную историю, о которой он слышал или участником которой являлся¹³.

Ситуация, сложившаяся в постсоветской России, и особенно в первые годы после распада Советского Союза, была очень похожей. Возьмем, к примеру, описание российского общества в книге Джеймса Финкенауэра и Юрия Воронина «The Treat of Russian Organized Crime» (2001). Они писали, что за десять лет, прошедших после распада Советского Союза, мир столкнулся с новой криминальной угрозой со стороны преступных организаций и преступной деятельности, хлынувших через границы России и бывших советских республик, таких как Украина. Авторы указывали, что характер преступлений был бесконечно разнообразен – среди самых распространен-

ных можно назвать такие, как контрабанда наркотиков и оружия, угон автомобилей, торговля женщинами и детьми, отмывание денег¹⁴.

По мнению Владимира Плешакова, эксперта из Министерства внутренних дел, количество преступлений, ежегодно совершавшихся в СССР, было в несколько раз меньше, чем количество преступлений, совершающихся в постсоветской России¹⁵. В 90-х гг. уровень преступности был очень высок, причем это относилось к преступлениям различного характера – уличной преступности, квартирных краж и убийств бизнесменов. С 1992 по 2004 г. число убийств и ограблений увеличилось приблизительно на 50% (с 23 000 до 32 000 и со 185 000 до 251 000 соответственно). Количество нападений почти удвоилось (с 30 000 до 55 000). Более того, за тот же период (1992–2004) количество рецидивистов среди осужденных снизилось с 39 до 26%, что указывает на рост числа людей, совершивших преступление¹⁶.

Организованная преступность в России

Уровень организованной преступности в Советском Союзе был относительно низок. Однако ослабление государства, партии и официальной идеологии в сочетании с легализацией частной собственности и отсутствием контроля над приватизацией привело к резкому росту преступности и коррупции.

Основные элементы криминального общества появились в период перестройки. Недоверие людей к официальным органам власти способствовало росту преступности. С 1985 по 1990 г. количество зарегистрированных преступлений увеличилось на 30%, значительно выросло количество нераскрытых преступлений, с 18% в 1985 г. до 49% в 1988 г. и 63% в 1989 г.¹⁷

После 1991 г. в преступные организации начали расти, как грибы. Уже к середине 90-х гг. некоторые преступные группировки были известны в стране не меньше, чем новые банки и корпорации. К 1995 г. насчитывалось 14 000 криминальных групп, действовавших на территории России; в 1988 г. их было только 50¹⁸. За 15 лет после антикоммунистической революции преступные организации захватили промышленные предприятия и фирмы почти во всех регионах России. По данным министра внутренних дел Рашида Нургалиева, в 2006 г. преступные группировки контролировали топливную, металлургическую, лесную и рыбную отрасли. К этим организациям относятся «люберецкая» группировка в Москве, «тамбовская» в Санкт-Петербурге, «29-й квартал» в Набережных Челнах, «уралмашевская» и «центральная» группировки в Екатеринбурге, а также «синие» в Нижнем Тагиле¹⁹.

Опасные дороги

В Средние века путешествие зачастую было очень опасным предприятием²⁰. Путешественники, торговцы и паломники сталкивались с различными опасностями – это разбойники, воры и произвол «местных царьков», которые превратили сбор пошлин в прибыльный бизнес²¹. В проповеди, которую епископ Бове прочитал в 1023 г. перед королем Робером Благочестивым, преступления на дорогах назывались в числе самых отвратительных и гнусных преступлений во Франции²².

Как и в Средние века, дороги постсоветской России были очень опасны. Страх, что их заставят остановиться и отберут машину, стал нормой жизни российских водителей. В эпоху Средневековья деньги у

путешественников отнимали таможенники и солдаты, а в постсоветской России этим занимались милиционеры, особенно сотрудники ГАИ, и, конечно, преступники. В России объектом нападения также становились пассажирские и товарные поезда²³. В 2006 г. китайский министр иностранных дел выпустил специальный документ, в котором соотечественникам, находящимся в России, вообще не рекомендовалось пользоваться железнодорожным транспортом. Китайский чиновник отмечал, что российские самолеты гораздо безопаснее²⁴.

Страх перед преступностью в Средние века и в современной России

В период Средневековья и в современной России люди по-разному испытывали страх перед преступностью — в зависимости от положения в обществе. Крестьяне и ремесленники в эпоху феодализма боялись соседей и мелких преступников. Землевладельцы-феодалы и епископы боялись могущественных соперников, но не обращали внимания на обычных преступников. Страх перед преступностью по окончании Столетней войны очень похож на аналогичный страх в России в 90-х гг. XX века. Французский историк писал, что страх перед преступностью пронизывал французское общество в конце эпохи Средневековья и население было убеждено, что такие преступления, как убийство, поджог, изнасилование, грабеж на дороге, инцест и содомия, проникают в самое сердце общества и угрожают разорвать социальную ткань. Он также отмечал, что духовенство рассматривает эти традиционные преступления как божье наказание за грехи людей, но в то же время обвинял короля в недостаточных усилиях по защите

своих подданных. К дискуссии о преступности присоединились гуманисты, подталкивая короля к проведению судебной реформы. Таким образом, страх перед преступностью сыграл важную роль в формировании французского государства в конце средневековой эпохи²⁵.

Страхи простых людей

Во многих отношениях страхи простых людей в постсоветской России совпадали со страхами эпохи Средневековья. С исчезновением Советского Союза люди стали свидетелями того, как централизованные страхи сменяются децентрализованными. Другими словами, страх перед могущественным государством сменился страхом перед многочисленными преступниками, бандами, корпорациями и богачами, которые стали угнетать простых людей. Уличная преступность, квартирные воры и мелкие криминальные группировки – вот главная опасность для простых россиян (согласно опросам, проводившимся с 1992 по 2006 г., не менее двух третей населения «опасались» этих угроз)²⁶. В России страх перед преступностью стал частью повседневной жизни. На улице любой человек агрессивного вида воспринимается как серьезная угроза.

В прошлом советские люди часто ссорились друг с другом в автобусах, ресторанах или на улицах. В городах было много подонков и скандалистов. Однако в советские времена, в отличие от нынешних, агрессор представлял лишь себя самого или группу друзей. Те, кто осмеливался дать отпор – словами или действием, – вполне обоснованно полагали, что за обидчиком не стоит никакая серьезная сила. После 1991 г. ситуация изменилась. Человек должен был

дважды подумать, прежде чем защищать себя, поскольку обидчик мог принадлежать к могущественной преступной группировке. Даже в случае мелкой автомобильной аварии люди опасались реакции другого водителя. Не моргнув глазом пострадавший мог потребовать компенсации, сопоставимой со стоимостью нового автомобиля – альтернативой было увечье или смерть. Землевладельцы в России также испытывали давление со стороны криминального мира. Они могли ожидать всего, чего угодно, от своих арендаторов. Известно, что некоторые из них ради обеспечения собственной безопасности снижали арендную плату тем, кто был связан с преступностью. Желая продать свою квартиру боялись, что в процессе сделки лишатся собственности или будут убиты. Особенно часто такое случалось с пенсионерами и престарелыми людьми²⁷.

По моим данным, к концу десятилетия страх перед преступностью занимал второе место в списке из десяти самых распространенных страхов, уступая лишь страху перед экономической катастрофой. Семьдесят процентов граждан России боятся преступности²⁸. По данным другого исследования, выполненного в 1997 г., 27% россиян боятся получить серьезное ранение или быть убитым преступниками, а 26% боятся стать жертвами воров и бандитов²⁹. Это же исследование показало, что общий уровень преступности в стране вызывает озабоченность у 38% принимавших участие в опросе; 50% заявили, что они сильно встревожены, и лишь 12% проблема преступности совсем не волнует³⁰.

В первом десятилетии XXI века страх перед преступностью продолжал доминировать в сознании россиян. В исследованиях, проводившихся в 2002 и 2005 гг., страх перед преступностью оказался на втором месте среди самых распространенных страхов,

лишь немного уступив страху перед инфляцией и обнищанием³¹. Страх перед преступностью ухудшает качество жизни простых граждан России, которые чувствуют себя незащищенными, несмотря на многочисленность милиции.

Живя в постоянном страхе, люди тем не менее принимают преступность и коррупцию как «нормальную» часть повседневной жизни. К середине 90-х гг. россияне перестали удивляться ставшим почти привычными убийствам бизнесменов, политиков и журналистов. В недавнем прошлом убийства вызывали целую волну газетных заголовков, а в середине 90-х гг. это же событие удостаивалось лишь краткого упоминания в прессе³².

Отношения между преступностью и бизнесом

В постсоветской России отношения бизнесменов с преступностью носили двойственный характер. С одной стороны, после начала приватизации они очень боялись преступности. С другой стороны, бизнесмены поручали преступникам решать свои проблемы.

Преступность на службе бизнеса

Преступные организации часто выступали в роли агентов бизнеса. Они сотрудничали со службами безопасности корпораций и терроризировали конкурентов³³. Владимир Гусинский, благодаря странному повороту событий в 1999 г. превратившийся в символ российской демократии, публично шантажировал людей. По словам бывшего начальника ельцинской службы безопасности Александра Коржакова, Березовский просил его «уничтожить» Гусинского, своего соперника

в бизнесе и политике. Тесные связи между руководством «АвтоВАЗа», крупнейшего производителя автомобилей в России, и могущественным преступным синдикатом, широко обсуждались российскими и иностранными журналистами³⁴. Особенно заметно сотрудничество между бизнесом и преступностью на местном уровне³⁵. Различные источники утверждают, что сотрудничество преступников, чиновников и бизнесменов превратилось в серьезную проблему в Красноярске, Курске, Екатеринбурге, Петербурге, Челябинске, Сочи и некоторых других городах³⁶.

Несмотря на то что корпорации сохраняли двойственные отношения с организованной преступностью, подобно главным общественным субъектам Средневековья, они отрицательно относились к мелким преступлениям. В 2000–2000 гг. крупные компании, особенно металлургические и нефтедобывающие, объявили войну местным преступным бандам. Они также оснащали местную милицию, чтобы успешно бороться с преступностью в своем регионе³⁷.

Слияние преступных сообществ и бизнеса

Преступные сообщества не только служили «аппаратом насилия» — как выразился Вадим Волков — для бизнеса, но также сами активно занимались бизнесом³⁸. Чаще всего цитируются данные, опубликованные Министерством внутренних дел в январе 1994 г. и основанные на оценках аналитического центра при правительстве, занимавшегося выработкой социальной и экономической политики. По этим данным, криминальные банды контролируют (или владеют ими — в исследовании не проводилось различий) 40 000 фирм, в том числе 2000 в государственном секторе. Большинство предприятий России (до трех

четвертей) платят за защиту. Центр привел еще более тревожные данные – 55% капитала и 80% голосящих акций частных предприятий перешли в руки преступников. Эти и аналогичные оценки заставили авторов доклада американского Центра стратегических исследований (под редакцией Уильяма Вебстера), посвященного российской организованной преступности, утверждать, что «приблизительно две трети российской экономики находится под контролем преступных синдикатов»³⁹.

Коррупция как признак слабости государства

«Коррупция» в Средние века

Помимо насильственных преступлений, и средневековая Европа, и современная Россия страдали от коррупции – хотя в Средние века этот термин был не известен. В эпоху Средневековья, и особенно в периоды сильной политической раздробленности, люди в значительной степени страдали от поборов, произвольно назначаемых феодалами, церковью, королевскими эмиссарами и двором. Некоторые из этих поборов считались «подарками», что не делало их дешевле для «дарителя».

У специалистов по истории Средневековья интерес к коррупции, как отметил Тревор Дин, появился относительно недавно⁴⁰. Ж.К. Ваке предположил, что «коррупция воспринималась историками как случайная, а не систематическая» и что «никто не относился к этому аспекту достаточно серьезно»⁴¹. Ваке изучал коррупцию во Флоренции в XVII и XVIII веках, а Вим Блокманс выбрал для своего исследования Нидерланды при герцогах Бургундских и Габсбургах⁴². При изучении коррупции во Франции XIV

века Натали Дэвис обнаружила, что «подарки» практиковались везде – в политике, в судах и при назначении на государственные должности, даже несмотря на то, что официально подобные подношения считались незаконными⁴³.

Американский историк Хант Джанин в книге «Medieval Justice», исследуя судопроизводство во Франции, Англии и Германии, описывает производ судей (шерифов) в Англии XIII века. Анализируя доходы английских шерифов, автор пишет, что такой источник дохода, как регулярное жалование, вовсе не очевиден, и поэтому шерифы, по всей видимости, были вынуждены заниматься вымогательством, чтобы свести концы с концами. Автор отмечает, что даже в 1260 г. жителям Ноттингема приходилось платить 100 шиллингов шерифам, чтобы избежать посягательств на свою свободу – другими словами, получить иммунитет против уголовного преследования. По свидетельству автора, шерифы требовали высоких ежегодных платежей от бейлифов, которые хотели сохранить за собой должность. Бейлифы зарабатывали, как могли, или получали установленное жалование, но обязательно должны были платить шерифу, чтобы не остаться без работы.

Как отмечает автор, у шерифов были и другие возможности. Некоторые присваивали собственность преступников или под угрозой заключения в тюрьму вымогали деньги у невиновных людей. Беспринципные шерифы могли заставить человека дважды заплатить за один и тот же проступок. Кроме того, они могли потребовать денег от нескольких однофамильцев, хотя штраф был наложен лишь на одного из них. Шерифы, как указывает автор, заставляли людей платить большую сумму налогов, чем предписывал закон. Шерифы и бейлифы могли набирать чрезмерное количество присяжных, в том числе тех, ко-

которые были не в состоянии выполнять свои обязанности из-за преклонного возраста или слабого здоровья, а также потому, что они жили в другом округе, принуждая этих несчастных платить выкуп, чтобы освободиться от обременительно обязанности присяжного. И, наконец, шерифы могли прикармливать деньги, которые давали заключенные в надежде на лучшее обращение, а подозреваемые преступники (то есть обвиняемые по обвинительному акту) платили взятки, чтобы избежать ареста⁴⁴.

Из-за взяток число преступников, наказанных за совершенные преступления, было крайне низким. Фредерик Поллок и Фредерик Майтленд, исследовавшие английское законодательство, обнаружили, что в 1221 г. в Глостершире в суде слушалось 330 дел об убийстве, но только 24 обвиняемых приговорили к смерти, тогда как большинство были оправданы. В 1414 г. король Генрих IV созвал специальные сессии центрального уголовного суда, во время которых было установлено, что в некоторых центральных графствах суды получили более 2000 обвинительных актов, но только три из них закончились казнью⁴⁵.

И в Средние века, и в постсоветском обществе особую роль играла юридическая неприкосновенность чиновников и богатых людей. В обоих случаях члены правящего класса пользовались иммунитетом, избавлявшим их от наказания. Анализируя эпоху Средневековья, Тревор Дин выяснил, что многочисленные исследования разных мест и периодов подтверждают этот факт. Так, например, в итальянской Романье в XV веке представителей привилегированных классов не наказывали за преступления. В Брешии средние и привилегированные классы исключались из списка обвиняемых, а суды имели дело в основном с преступлениями бедных и безродных. Та же картина наблюдалась в Венеции, где в протоко-

лах судебных заседаний встречается всего одно обвинение знатного человека в воровстве. В целом, предполагает Дин, знать чаще всего обращалась за помилованием и получала его, что объясняет непропорционально большую долю знатных людей среди тех, кто обращался за помилованием в области Гюьен на юго-западе Франции⁴⁶.

Повседневная коррупция в постсоветской России

К концу 90-х гг. коррупция превратилась в одну из главных проблем России. Различают два типа коррупции: в один вовлечены чиновники низшего звена и простые люди, а в другом участвуют высокопоставленные бюрократы и представители большого бизнеса. В данном разделе рассматривается первый тип коррупции.

Масштабы коррупции продолжали расти даже после прихода к власти Путина. В начале 2000 г. половина населения страны была вовлечена в процесс коррупции: 55% опрошенных сообщали, что давали взятки чиновникам (50% в 2001 г.). Как заявил в 2006 г. Генеральный прокурор Юрий Чайка, коррупция пронизывает все уровни власти и наносит удар по всей социальной системе⁴⁷. По данным «Transparency International» (уважаемый и часто цитируемый источник), Россия принадлежит к группе из 22 стран, куда входят также Гана, Литва, Нигер и Индия, где число респондентов, сообщавших о том, что они платят взятки, составляет от 11 до 30%⁴⁸.

По данным исследования, проведенного в 2005 г., особенно важны взятки для граждан России в тех случаях, когда они имеют дело с милицией или судом (40–60% россиян дают взятки). При помощи взяток люди также получают доступ к бесплатному ме-

дицинскому обслуживанию (38%), поступают в престижные институты или колледжи (41–52%) или решают разного рода проблемы, связанные с владением землей или жильем (34–40%). Взятки играют важную роль в отношениях граждан с военкоматами (58% респондентов уверены, что взяткой можно откупиться от службы в армии)⁴⁹. Данные «Transparency International» мало отличаются от этих цифр. В ответах россиян на шкале, проградуированной от 1 (отсутствие коррупции) до 5 (очень сильная коррупция), милиция и суды набрали 4,2 балла, система образования – 3,9 балла, а таможенники – 3,7 балла⁵⁰.

Большинство людей дают взятки чиновникам, чтобы те исполняли закон и удовлетворяли их легальные требования, однако многие прибегают к взяткам, чтобы получить незаконные услуги. Ярким примером этого может служить российское образование. Сотни тысяч людей дают взятки чиновникам от образования, чтобы попасть в учебные заведения, не имея необходимых знаний, чтобы сдать экзамены без должной подготовки или даже получить степень бакалавра или магистра, не прослушав курса. Как признался один из участников подпольного бизнеса в системе образования, его прибыльность достигла прибыльности нефтяной отрасли⁵¹. В качестве примера можно привести деятельность Евгения Волкова, который создал специальную фирму в Санкт-Петербурге. В нее входили несколько нелегальных учебных заведений с неквалифицированными преподавателями и очень низкими требованиями. Фирма продавала диплом бакалавра за 5000 долларов, а диплом кандидата наук — за 50 000 долларов. Кандидатом наук был даже водитель одного из «менеджеров» фирмы. Эту фирму защищали местные суды и Генеральная прокуратура; тех, кто пытался изобличить незаконный бизнес, убивали⁵².

Правила коррупции в России, появившиеся в результате почти полной анархии начала 90-х гг., в первые годы XXI века стали более открытыми и упорядоченными. По данным исследования, проведенного фондом ИНДЕМ, большинство людей (61%) не знают, какую сумму взятки следует давать чиновникам (по оценке ИНДЕМ, средний размер взятки в 2005 г. составлял 90 долларов, что эквивалентно половине средней официальной зарплаты); приблизительно 70% респондентов сообщали, что знали необходимый размер «подарка», прежде чем давать взятку⁵³. Бизнесмены знают цену защиты (или «крыши», если пользоваться российским термином). Лишь меньшинство россиян (менее 10%), признавшихся в даче взятки, были недовольны результатом⁵⁴. Это соответствие между ожиданиями и результатами смягчает беспокойство, связанное с коррупцией. В 2001–2002 гг. только у 23% граждан России коррупция вызывала «серьезное беспокойство» – по сравнению с 40% в 1997 г. В 2006 г., несмотря на рост коррупции, что подтверждают разные источники, эта проблема уже исчезла из списка самых важных – ее назвали лишь 12% опрошенных. Борьба с коррупцией также не вошла в число десяти основных задач, стоящих перед страной⁵⁵. Россияне вынуждены давать взятки буквально за все, но только 10% жалуются на «нерадивых бюрократов».

К коррупции привыкли не только простые люди. По данным опроса, проведенного компанией «КОМ-КОН-2», 10% самых богатых граждан России (в стране их называют «средним классом») не выбрали «коррупцию» в числе десяти самых насущных проблем⁵⁶. Олигархи также приспособились к коррупции. Они реже появляются в Кремле, чем при предшествующем режиме, но сохранили свои сомнительные со-

стояния и по-прежнему обладают огромной властью в пределах своих корпоративных империй. К началу XXI века они установили относительно стабильные отношения с центральной и местной властью, а также с правоохранительными органами.

В стране осталось лишь несколько энтузиастов, призывающих к борьбе с коррупцией. Известный журналист Юрий Щекочихин и социолог Лев Тимофеев подняли голос против коррупции еще в 90-х гг., но не смогли ничего сделать для ее предотвращения. В начале XXI века к ним присоединился бывший советник Ельцина Георгий Сатаров, который, несмотря на свою явную ненависть к коррупции, в многочисленных статьях, написанных в 90-е гг., никогда не упоминал о роли Ельцина в ее усилении⁵⁷.

Словно пораженные коллективной амнезией, простые люди больше не ассоциируют коррупцию с чиновниками, которых когда-то считали главными жуликами России. Журналисты собрали и опубликовали тысячи фактов о коррупционной деятельности многих чиновников, в том числе бывших председателей правительства Виктора Черномырдина, Михаила Касьянова, московского мэра Юрия Лужкова, бывших заместителей председателя правительства Анатолия Чубайса и Альфреда Коха, а также некоторых высокопоставленных представителей Кремля, не говоря уже о Ельцине и его семье. Ни один из этих людей даже не опроверг выдвинутые против него обвинения.

Однако самым печальным для России является тот факт, что Путин ничем не отличается от своих сограждан. Несмотря на заявления об укреплении государства, он не только не принял серьезных мер против коррумпированных чиновников и олигархов, но также явно игнорировал эту проблему в своих интервью, на неофициальных встречах и в публич-

ных заявлениях, в том числе в президентских посланиях российскому парламенту в апреле 2001-го и апреле 2002 г.⁵⁸ Федеральные службы провели крайне мало расследований, связанных с коррупцией, и ни одному высокопоставленному чиновнику не было предъявлено официальное обвинение в российском суде. Дело против Павла Бородина было закрыто по причине «отсутствия состава преступления» (к этому случаю я еще вернусь). Путин назначил членом правительства бывшего губернатора Приморского края Евгения Наздратенко, известного своей коррупционной деятельностью. Путин также назначил Назира Хапсирокова, еще одного известного коррупционера из Генеральной прокуратуры, заместителем главы президентской администрации⁵⁹.

ВЫМОГАТЕЛЬСТВО

Некоторые авторы рассматривают вымогательство как одну из разновидностей коррупции, поскольку оно связано с взаимоотношениями сильного и слабого. Тем не менее акты вымогательства отличаются от классической коррупции, хотя в некоторых случаях эта разница крайне мала. Классическая коррупция предполагает, что инициатором сделки является тот, кто дает взятку. При вымогательстве же, наоборот, получающий взятку принуждает дающего (жертву) к сделке против его воли. Взятка врачу за операцию, взятка работнику военкомата, чтобы избежать призыва в армию, взятка сотруднику ГАИ, чтобы не платить штраф за реальное нарушение правил дорожного движения, — все это примеры коррупции.

Однако, если у человека нет легальных средств избежать незаконно наложенного наказания и он стоит перед лицом реальных потерь, а не просто не-

удобств, это уже вымогательство. Когда сотрудник ГАИ или санитарный инспектор выдумывает несуществующее нарушение или когда в армии командир угрожает избить солдата, если тот ему не заплатит, это также вымогательство. Соотношение коррупции и вымогательства достаточно точно отражает уровень беззакония в обществе. Вымогательство, в отличие от коррупции, предполагает использование прямых угроз жизни или имуществу человека. Разумеется, вымогательство в большей степени присуще криминальному миру, однако политики, сотрудники правоохранительных органов и другие люди также прибегают к насильственной тактике вымогательства.

Вымогательство было типичной чертой Средневековья. Солдаты, состоящие на королевской службе, странствующие рыцари, судьи и даже священники – все прибегали к вымогательству и конфискации разного рода, в отдельных случаях под предлогом исполнения законов, но чаще без него. Рассмотрим, к примеру, поведение наемников. В XIV и XV веках короли, князья, папы и городские власти покупали услуги наемных солдат. Самое большое зло, которое приносили с собой наемники, заключалось не в недостатке преданности, а в том, что они постоянно грабили сельскую местность. Банды наемников представляли собой устойчивые группы, целью которых было получение прибыли для их членов, а когда они оставались без работы, то перемещались в сельскую местность и брали все, что только могли взять. Осажденный дворянин или монастырь могли откупиться от банды и направить ее в следующее поместье, но у крестьян не было никакой защиты⁶⁰.

В постсоветской России наблюдалась масса случаев вымогательства разного рода. Широкое распространение вымогательство получило среди сотрудников ГАИ, а еще большей проблемой это стало в армии⁶¹.

Объектом вымогательства в армии обычно становились новобранцы. Насилие в армии включало не только избиения и унижения, но и отбор денег у новобранцев, а также посылок, которые им присылали из дома. Во многих случаях новобранцы из бедных семей (молодые люди из состоятельных слоев обычно вообще не служили в армии) не могли выполнить эти требования. Самоубийства среди солдат, не имевших возможности платить «старослужащим», офицерам и генералам, приобрели характер эпидемии.

Примеры вымогательства можно обнаружить даже среди сотрудников Генерального штаба в Москве. Летом 2006 г. общественность узнала о случае вымогательства, закончившегося самоубийством солдата, который служил на должности программиста⁶².

Российские генералы и офицеры оказались в числе самых активных вымогателей страны. Так, например, в 2006 г. выяснилось, что генерал Сергей Шпанагель, начальник Екатеринбургского артиллерийского училища, и подполковник Олег Леденцов регулярно требовали деньги со своих подчиненных⁶³.

В том же году российские средства массовой информации сообщали о многочисленных случаях вымогательства, связанных с бизнесом. Среди вымогателей был сотрудник бухгалтерии Государственной думы, требовавший деньги у главы авиакомпании «Трансаэро»⁶⁴. Вымогательство процветало и в российских школах. В школах всех уровней родители учеников были обязаны делать «подарки» учителям и тем или иным способом пополнять школьный бюджет. В системе высшего образования коррупция преобладала во время вступительных испытаний, а вымогательство имело место при сдаче зачетов и экзаменов; за хорошие оценки профессора требовали денег со студентов. Такие случаи были выявлены в институтах Томска, Новосибирска, Самары и других

российских городов⁶⁵. Еще один пример вымогательства – это требование денег чиновниками городской администрации у людей или организаций, которые собираются строить жилье⁶⁶.

Слабость правоохранительных органов

Британский историк Тревор Дин предложил четкое описание средневековой судебной системы. Он утверждал, что средневековые суды страдали от двух взаимосвязанных недостатков: возможностью для знати безнаказанно совершать преступления и коррупция/вымогательство судей. В то же время Дин предположил, что власть дворянства и его связи с судьями – это лишь два из многочисленных недостатков средневековой судебной системы. Как объясняет Дин, существовала еще проблема доставки подозреваемого в суд. Скрывающихся преступников редко ловили и привлекали к суду. В действительности судебная машина скорее умножала число отверженных и бандитов, чем боролась с преступниками.

Историки подтверждают, что в мире с раздробленной и конкурирующей юрисдикцией существовало множество способов избежать наказания: чаще всего люди скрывались на территории, контролируемой другими властями, или находили убежище в ближайшей церкви, однако избежать преследования гражданских властей также позволяло принятие церковного сана. Дин отмечает, что даже в тех случаях, когда подозреваемых в преступлении задерживали, возникали трудности с их охраной и побег из тюрьмы были весьма распространенным явлением. Особенно важно, полагает Дин, что на каждой стадии имелись социальные рычаги, позволявшие обойти или смягчить строгие законы: друзья и родственники воз-

действовали на потерпевших, они же или их знатные покровители оказывали давление на судей или убеждали их вынести оправдательный приговор. Даже у тех, кого признавали виновным, оставался шанс получить помилование; легкость, с которой раздавались помилования, часто подвергалась критике⁶⁷.

Судебная система в постсоветской России во многих отношениях была похожа на средневековую. Как предположил российский эксперт Владимир Пleshаков, милиция регистрировала только часть совершенных преступлений, что повышало официальный показатель раскрываемости⁶⁸. По оценкам специалистов, после 1991 г. число незарегистрированных преступлений резко выросло. В дополнение к 3,5 млн преступлений, о которых сообщала Генеральная прокуратура в 2005 г., в стране было совершено еще как минимум 1,5 млн незарегистрированных преступлений. Во многих случаях милиция просто не могла найти обвиняемых. В некоторых регионах число таких случаев достигло от 25 до 35% от всех преступлений⁶⁹.

По данным исследования, проведенного в 1997 г., люди связывали беспокойство по поводу уровня преступности с низким уровнем доверия к правоохранительным органам; 60% опрошенных сообщили о том, что не уверены в компетентности милиции. Более того, 38% респондентов хотели бы иметь огнестрельное оружие, чтобы защитить себя от преступников. Восемь лет спустя отношение к правоохранительным органам не улучшилось. Восемьдесят пять процентов россиян назвали «беззаконие и произвол» типичными характеристиками правоохранительных органов. Только 15% чувствовали себя «защищенными от произвола правоохранительных органов». В 2007 г. до 70% граждан России не чувствовали, что защищены законом⁷⁰.

По данным «Фонда общественного мнения» и «Левада-Центра», от 40 до 70% опрошенных боятся насилия со стороны милиции⁷¹. Только 10% россиян (и 8% москвичей) полностью доверяют милиции. Большинство людей не уважают российские суды. В 2005 г. этому государственному институту доверяли лишь 15% опрошенных.

Значительное число россиян не делает различий между милицией и преступниками. Двадцать процентов опрошенных охарактеризовали российских милиционеров как взяточников, воров и преступников; 8% назвали милицию «преступниками в погонах»⁷². По этой причине многие россияне полагают, что обращаться за помощью к милиции бессмысленно и даже опасно⁷³.

Многие сотрудники правоохранительных органов действительно используют свое положение для совершения преступлений. Так, например, при тушении пожаров милиционеры и пожарные часто грабят здания, которые они обязаны охранять. Так, например, во время пожара в московском здании издательства «Пресса» из редакций газет, которые размещались в этом здании, пропало разнообразное оборудование⁷⁴.

Последствия коррупции: неэффективное государство

Когда коррупционные деньги остаются в стране, проблемы оказывается менее болезненной. Так, например, в Италии, Южной Корее и Японии коррупция давала толчок (хотя и незаконный) к перераспределению национального дохода. Как правило, вред от коррупции значительно увеличивается, если деньги от нее направляются за пределы страны. Именно это произошло в России. С 2000 по 2006 г. из страны ежегодно уходило около 20 млрд долларов, в том

числе «доход» от коррупционной деятельности.

Российская коррупция стала причиной серьезных, долговременных проблем. Во-первых, она подрывает этику трудовых отношений, особенно среди молодежи. Молодой россиянин твердо верит, что взятки и связи – это лучший, если не единственный, путь к успеху. Еще более показательны результаты исследования, проведенного среди московских студентов (элиты российской молодежи) Московской высшей школой экономики в 2002 г. На вопрос об условиях успеха в жизни 64% студентов назвали «связи» и 49% – «изобретательность». Примечательно, что меньшее число студентов отдали предпочтение «качеству образования» (35%) и «упорному труду» (27%) как основным условиям успеха⁷⁵.

Самый сильный удар, по всей видимости, коррупция нанесла по российской государственной машине. Коррупция ослабила государственный аппарат и превратила государственных служащих в циников, которым безразличны национальные интересы страны. Она знают, что их нынешнее положение и перспективы продвижения по службе определяются не честностью и профессионализмом, а коррумпированными неформальными отношениями с начальством и олигархами.

Как показал опыт России, широкое распространение коррупции привело к созданию параллельной, полуфеодальной системы управления, конкурирующей с официальной иерархией. Коррумпированные чиновники и корпорации, которые на словах защищали национальные интересы, фактически противостояли распоряжениям Кремля. Так, например, в одном из выпусков газеты «Известия» журналисты привели подробное описание конкретных распоряжений Путина по организации рыбной отрасли на Дальнем Востоке, а также показали, каким образом эти указания были

обойдены правительственными чиновниками, поддерживавшими тесные связи с так называемыми рыбными олигархами и «рыбной мафией». Чиновники проталкивали собственные распоряжения и открыто игнорировали национальные интересы⁷⁶.

Когда жизнь в стране относительно стабильна, коррупция, подобно раковой опухоли, разрушает общество изнутри, не вызывая никаких симптомов и даже боли. Так происходит в путинской России, где по сравнению с беспокойными годами правления Ельцина на политической арене наблюдается затишье. Тем не менее слабость правоохранительных органов и армии, которая почти полностью деморализована, в значительной степени является следствием коррупции. Бывший министр обороны Игорь Родионов и бывший начальник международного отдела Генерального штаба Леонид Левашов соглашались с нынешним начальником Генерального штаба Анатолием Квашниным, когда он говорит о том, что российская армия находится в катастрофическом состоянии и не способна провести серьезную военную операцию⁷⁷.

Государственная машина также показала свою слабость в «нестандартных ситуациях», таких как трагическая гибель подводной лодки «Курск» и массовые наводнения в разных регионах страны в 2002 г. В июле и августе 2002 г. только в Краснодарском и Ставропольском краях сильные наводнения унесли 200 жизней⁷⁸. Не менее сильные наводнения принесли хаос во многие европейские страны, особенно в Чехию и Германию, но количество жертв там было значительно меньше. Министр экономического развития и торговли Герман Греф приводил данные, свидетельствующие о низкой оценке эффективности российского государства (107 место из 159 стран)⁷⁹. Так, например, проверка петербургской милиции, проведенная в августе 2002 г., выявила, что органы внутренних

дел абсолютно не готовы к любой катастрофе городского масштаба, например к массовым беспорядкам или к необходимости введения комендантского часа⁸⁰.

Выводы

Слабость центральной власти является главным элементом феодальной модели. Ключевые характеристики средневековой Европы – это независимость местных баронов, высокий уровень преступности, коррупции и вымогательства, незащищенность прав частной собственности и препятствия к межрегиональной торговле. Все эти черты также характерны для постсоветской России, что оправдывает применение феодальной модели при анализе современного российского общества.

Как и в Средние века, причиной главных проблем страны является слабость государства. Коррупцированная сверху донизу, государственная машина не способна противостоять коррупции и вымогательству в собственных рядах и в других сферах общественной жизни. Она также не способна бороться с преступностью. Как и в Средние века, бессилие государства и коррумпированность его институтов воспринимаются населением как норма. Люди также привыкли к постоянному страху за свою жизнь и собственность. Слабость государства и ее последствия глубоко укоренились в постсоветской России. Эти проблемы трудно преодолеть за короткий промежуток времени. Даже при усилении либеральных элементов общества россиянам еще на протяжении многих лет придется жить в условиях, напоминающих эпоху Средневековья.

Олигархи и коррумпированная бюрократия

Покупка политической власти

Введение

Существование в обществе могущественных субъектов, которые могут противостоять центральной власти или контролировать ее незаконными средствами, является одной из главных особенностей европейских обществ эпохи Средневековья. Как указывалось выше, для анализа этого периода истории лучше всего подходит феодальная модель (хотя и не является единственным инструментом). В Средние века самыми влиятельными силами общества были феодалы-землевладельцы, богатые банкиры, церковь, города, университеты и гильдии. В современном обществе к наиболее сильным субъектам социальной жизни относятся президент и корпорации. Кроме того, серьезным влиянием обладают бюрократия, губернаторы, политические партии, общественные движения, средства массовой информации, церковь, университеты и профсоюзы. Важная роль корпораций (в российском случае — «олигархов») объясняется

возможностью использования больших денег как мощного инструмента политики.

Деньги были важным средством влияния на центральные власти и в Средние века. Типичными для той эпохи являлись продажа и покупка территорий и должностей, но роль денег во взаимоотношениях между центральной политической властью и главными субъектами общества в современном обществе неизмеримо выросла.

В постсоветской России деньги играли ключевую роль в политическом процессе. Богатые способствовали распространению коррупции и снижали эффективность центральной власти. Руководители крупных корпораций, или «олигархи», превратились во влиятельных политиков. Отношения между Кремлем и олигархами стали определяющей характеристикой постсоветской России. Если в Соединенных Штатах споры о влиянии корпораций на общество в полную силу развернулись еще в 30-х гг., и особенно в послевоенный период, чему способствовали работы Джона Гэлбрайта (в том числе «The New Industrial State», опубликованная в 1967 г.)¹, то в России ученые лишь недавно приступили к исследованию этого явления².

Погоня за рентой как основа коррупции

Идеализация денег как общественного института, по всей видимости, отчасти объясняет, почему теория погони за рентой появилась лишь в 1967 г., как описано в знаменитой статье Гордона Таллока³. Однако, как утверждает Энн Крюгер в еще одной известной статье⁴, сам термин «погоня за рентой» начал использоваться только в 1974 г. Как правило, погоней за рентой называют политическую активность отдельных людей или групп, направляющих свои ограниченные

ресурсы на покупку монопольных прав, гарантированных государством. Другими словами, корпорации и другие влиятельные субъекты общества подкупают чиновников – от глав государств до местных судей и полицейских – с помощью денег или подарков, таких как акции, квартиры или дорогостоящие развлечения. Кроме того, они могут жертвовать средства на избирательную кампанию того или иного государственного деятеля. В обмен они получают привилегии, в том числе освобождение от налогов, защиту от судебного преследования, независимость в ведении дел, лицензии на международную торговлю, кредиты с низкими ставками и устранение конкурентов при распродаже государственной собственности. Банк, например, может получить преимущество перед конкурентами, когда чиновники выбирают, где разместить бюджетные деньги. Особая разновидность погони за рентой – это покупка государственных постов. Богатые люди или их доверенные лица захватили контроль над государственными должностями почти на всех уровнях⁵. Для этой цели олигархи и корпорации нанимают различные группы людей, в том числе коррумпированных правительственных чиновников, писателей, журналистов, ученых и многочисленные службы безопасности. Как и в Соединенных Штатах, российские законодатели не склонны принимать законы, направленные против бизнеса (как выразился один из российских экспертов, «законы с зубами»), а корпорации, в свою очередь, делают все возможное, чтобы ослабить, сгладить или вообще разрушить любой закон, который может реально противодействовать коррупции⁶. Государственная дума начала обсуждать законопроект о борьбе с коррупцией, но к февралю 2007 г. он еще не был одобрен, потому что, как шутят россияне, не найдется ни одного бизнесмена, который согласился бы заплатить за него⁷.

Погоня за рентой получила широкое распространение в Средние века, когда различные общественные субъекты добивались привилегий от центральной власти в обмен на деньги. Военная сила была главным ресурсом, который использовали феодалы в конфликтах с королем и другими землевладельцами. Однако роль денег тоже была очень велика. В сущности, деньги стали играть ключевую роль еще во времена классического Средневековья, в период с VIII по XII век. Это было эффективное средство для подкупа властей и для захвата власти⁸. Натуральное хозяйство, которое многие ученые считают основной характеристикой Средневековья, имело отношение в основном к крестьянам и в меньшей степени затрагивало высшие слои общества, предпочитавшие роскошные иностранные товары. В целом, как считает видный историк экономики Майкл Постан, «натуральное хозяйство в чистом виде никогда не существовало, и в Средние века деньги всегда играли важную роль»⁹.

В эпоху Средневековья королевские чиновники и феодалы отчаянно нуждались в деньгах на самые разные цели. Во-первых, деньги требовались для расширения королевских владений (личной собственности главы государства). Во-вторых, центральная власть нуждалась в деньгах для укрепления своей военной силы. В-третьих, деньги были необходимы для поддержания роскошной жизни короля и его окружения. Многие дорогие товары привозились из других стран, в том числе таких дальних, как Индия.

Центральные власти получали деньги из разных источников. Король и другие главные субъекты общества (феодалы и церковь) собирали значительные суммы за счет налогов, а также за счет вымогатель-

ства у гильдий и иностранных купцов. Король, обладавший монополией на чеканку денег, мог «испортить» или девальвировать деньги, преследуя собственные цели¹⁰. Помимо налогов, государство могло принудить состоятельных граждан и города «ссудить» деньги. Кроме того, центральная власть получала деньги от крупных игроков, таких как гильдии и города, посредством переговоров в обмен на обещание автономии и разнообразных привилегий. Еще одним источником средств была продажа государственных должностей – весьма распространенная практика¹¹. Стратегия феодальных правителей по добыванию денег была очень похожа на печально известные залоговые аукционы и торговлю высокими постами в правительстве, которую осуществлял Кремль в 90-х гг. XX века.

Деньги и политическая власть в тоталитарном государстве: Советский Союз

Роль денег в постсоветской России во многих отношениях напоминает роль денег в эпоху Средневековья. В обоих случаях государство было слабым и не могло (а часто и не хотело) предотвратить сращивание больших денег с политической властью. Деньги служили инструментом, связывающим центральную власть и другие субъекты общества, особенно богатых людей и корпорации. Именно деньги во многом виноваты в беззаконии, воцарившемся в обществе. Однако в отличие от феодального и постсоветского общества в Советском Союзе роль денег была относительно невелика. Это не значит, что деньги не были важной составляющей в общественной жизни. Даже в сталинские времена деньги играли определенную роль в экономике и особенно в повседневной жизни советских людей. И действительно, в качестве наем-

ных работников государства люди получали зарплаты, и каждый стремился повысить свои доходы, хотя для получения товаров и услуг большее значение имел социальный статус.

Существование частных земельных участков, домов в сельской местности и небольших городах и функционирование разнообразных «цветных» рынков – нелегального (черного), полулегального (серого) и легального (розового), – где люди могли продавать и покупать товары, также делало деньги важной составляющей жизни в Советском Союзе¹². Значение денег усиливалось с каждым десятилетием развития советского общества. Их роль повысилась после смерти Сталина, когда власти сняли законодательные ограничения на покупку автомобилей, а также квартир в городах. Развитие подпольной экономики еще больше усилило роль денег в Советском Союзе¹³.

Тем не менее даже в последние годы существования СССР деньги были менее важны, чем другие средства достижения более высокого положения в обществе или увеличения потребления. По этой причине уровень коррупции был низок. В 60-х и 70-х гг. коррупция в основном была сосредоточена на нижних уровнях государственной иерархии. Обычные люди давали взятки мелким чиновникам, а также работникам торговли и сферы услуг. Получателями взяток чаще всего были местные чиновники, ведающие распределением квартир, директора магазинов, главные врачи больниц, распространители театральных билетов, а иногда и руководители учебных и научных институтов. Особой областью коррупции была неформальная экономика, где руководители, отвечавшие за выполнение государственного плана, при помощи взяток получали запасные части и сырье¹⁴. Тем не менее в целом взятки в Советском Союзе нельзя назвать очень распространенным явлением.

ем. Подобная практика чаще встречалась в национальных республиках. В Азербайджане количество преступлений, совершенных чиновниками, превышало среднее по стране в 6 раз. В Грузии число таких преступлений превышало среднее по СССР в 5 раз, в Армении — в 3,5 раза, в Молдавии — в 1,5 раза. В Российской Федерации их доля составляла 90% от общесоюзного уровня, а на Украине 60%¹⁵.

Но самое главное, роль денег в высших политических кругах Советского Союза приближалась к нулю. Мне не известно ни одного факта, доказывающего, что взятки оказывали хоть какое-то влияние на политические назначения в Москве или даже в столицах республик европейской части страны. Случаи коррупции в высших эшелонах власти в Москве были крайне редки, и известные факты позволяют сделать вывод, что это были детские игры по сравнению с коррупцией в Кремле после 1991 г. Дело Екатерины Фурцевой было уникальным для московской номенклатуры. Будучи министром культуры, Фурцева брала взятки в размере нескольких сотен долларов от артистов, выступавших за границей¹⁶. В 1973 г. обнаружилось, что она использовала государственные средства для строительства дачи стоимостью 60 000 рублей (около 6000 долларов, что соответствовало ее годовому жалованью). Разгорелся скандал, и Фурцева, не вынеся позора, через год покончила с собой.

В 1983 г., во время недолгого правления Андропова, был арестован Мхитар Амбарцумян, директор торгового предприятия, занимавшегося поставками овощей и фруктов в центральные районы Москвы. Он был приговорен к длительному сроку заключения. Выяснилось, что он получал взятки от нескольких чиновников среднего звена, причем размер денежных сумм варьировался от 720 до 24 300 рублей (от

72 до 2430 долларов по курсу черного рынка в то время)¹⁷. Это сущие гроши по сравнению с размерами взяток в постсоветском обществе.

Ни один из советских лидеров, от Ленина и Сталина до Черненко, не оставил детям значительной собственности или денежных сумм. Брежнев, который увлекался коллекционированием иностранных автомобилей (у него их было шесть – все подарки от руководителей других стран), тоже не был исключением. Он был очень недоволен страстью своей дочери к бриллиантам.

Другой была ситуация в кавказских и среднеазиатских республиках, где после смерти Сталина расцвела коррупция, а должности в партии и государственном аппарате можно было купить, как в Средние века. Однако подобная практика не имела отношения к высшим руководящим постам в республике, поскольку назначение на них контролировалось Москвой.

После 1991 г. внутри страны наблюдалась тенденция – подпитываемая антикоммунистической идеологией и стремлением оправдать беззаконие в постсоветской России – преувеличивать реальный размах коррупции в Советском Союзе. Вопреки здравому смыслу и неопровержимым фактам, некоторые авторы даже утверждали, что перед распадом Советского Союза коррупция была выше, чем после распада¹⁸. Некоторые западные эксперты также полагают, что «коррупция достигла апогея при коммунистах»¹⁹. Другие аналитики указывали на привилегии партийной номенклатуры, которые на самом деле не имеют отношения к коррупции.

В постсоветской России значительно расширилось такое явление, как погоня за рентой. Нелегальный доход от взяток вскоре во много раз превысил официальную зарплату чиновников. Нелегальный или полуправильный доход сделал сотрудников государственных органов и депутатов законодательных собраний менее зависимыми от своей работы. В случае увольнения или не избрания на второй срок накопленные в результате взяточничества средства позволяли поддерживать роскошный образ жизни или открывали дорогу в прибыльный бизнес²⁰.

В 2005 г. приблизительно 41% российских бизнесменов описывали уровень коррупции как «высокий», а 45% как «средний»; в 2001 г. эти цифры составляли соответственно 28 и 47%. Больше всего от коррупции страдает малый и средний бизнес.

Российские чиновники всех уровней — и гражданские, и военные — участвуют в погоне за рентой, как в столице, так и в регионах. Как показывают данные исследования, проведенного фондом ИНДЕМ, наибольшее число таких людей можно найти в ветвях исполнительной власти, на которую приходится 87% взяток, получаемых от бизнеса; законодательной власти остается 7%, а судебным органам только 6.²¹ По данным «Transparency International», в 2002 г. Россия оказалась в числе самых коррумпированных стран в мире наряду с такими государствами (71–76 места), как Кот-д’Ивуар, Гондурас, Индия, Танзания и Зимбабве²².

Один из российских экспертов попытался оценить стоимость каждой должности с точки зрения погони за рентой. В качестве индикатора он использовал размер дохода компаний, находящихся под контролем человека, занимающего данную должность. Высшую

строчку занял глава президентской администрации, который наблюдает за деятельностью компаний с доходом более 10 млрд долларов в год. Вторая позиция принадлежит должности федерального министра, который контролирует около 1 млрд долларов дохода. Далее идут руководители некоторых департаментов в федеральных министерствах (100 млн долларов). Другие высшие руководители министерств контролируют деятельность компаний с доходом от 1 до 10 млн долларов²³. Это перечень должностей очень похож на средневековый королевский перечень более или менее доходных мест в стране. Король назначал своего вассала или просителя на должность сборщика налогов в каком-либо регионе в соответствии с этим списком.

Коррупционная деятельность российских чиновников началась в последние годы перестройки, когда начал рассыпаться Советский Союз. После 1991 г. ее масштабы резко выросли. В сущности, она поощрялась Ельциным, который был одержим идеей личного обогащения и дал зеленый свет своему ближайшему окружению и другим чиновникам. (Более подробно деятельность Ельцина я анализирую в главе 6 «Королевские владения»).

Ярким примером является случай Анатолия Чубайса, одного из ближайших помощников Ельцина. В первой половине 1996 г. «Фонд защиты частной собственности», возглавляемый Чубайсом, получил крупный беспроцентный кредит, который был использован для финансовых спекуляций и как источник личного дохода для самого Чубайса. Для того чтобы получить этот кредит, Чубайс временно (с декабря 1995-го по июль 1996 г.) отказался от должности заместителя председателя правительства, но впоследствии вновь вошел в состав кабинета министров²⁴.

Чубайс и некоторые другие высшие руководители были связаны с «ОНЭКСИМбанком», который при

помощи разнообразных уловок (беспроцентные ссуды, непомерно высокие гонорары и другие методы) обеспечивал им привилегии. Факты, связанные с этим случаем, были обнародованы средствами массовой информации, работавшими на конкурентов «ОНЭКСИМбанка», и вызвали крупный скандал в Москве во второй половине 1997 г.²⁵

Еще один крупный поставщик ренты, Андрей Вавилов, занимавший пост заместителя министра финансов, оказывал поддержку различным российским банкам и даже помогал некоторым банкам (среди которых был «Уникомбанк») в мошеннических операциях с бюджетными средствами²⁶. Глава Федерального агентства правительственной связи и информации Александр Старовойтов и некоторые его коллеги (один из них был арестован в 1997 г.) также были обвинены в коррупции средствами массовой информации²⁷. В конце 90-х гг. в Москве уже никто не сомневался, что «Газпрому» покровительствует председатель правительства Виктор Черномырдин, бывший глава этой корпорации, владевший крупным пакетом ее акций²⁸. При Путине превалировала другая форма погони за рентой — должности в государственном аппарате и выборные посты в Государственной думе, а также назначение в совет директоров крупных корпораций. Почти все члены путинской администрации были введены в состав советов директоров ведущих нефтяных и газовых компаний, в том числе «Газпрома», «Роснефти» и «Транснефти»²⁹. (Более подробно этот вопрос будет рассматриваться ниже.)

Вслед за исполнительной ветвью власти парламент игнорировал конфликт интересов и позволял своим членам заниматься бизнесом. Даже если чиновники не получали официальную зарплату в той или иной компании, существовали, как заметил российский политик и журналист Борис Вишневский,

десятки способов «вознаградить» этих людей за «работу» в компании – от миллионных гонораров за так называемую творческую деятельность, что разрешено законом, до перечисления денег родственникам³⁰.

Поощряемая высшими должностными лицами, коррупция распространилась на все уровни чиновничества. Еще одним примером коррупции может служить дело генерала Виктора Казанцева, который был представителем Путина в Южном федеральном округе в 2000–2004 гг. Занимая эту должность, он собрал столько наличных денег и бриллиантов, что, когда его дом в Ростове был ограблен, он не мог сообщить милиции перечень похищенного, потому что не знал, сколько там было ценностей. На деньги от взяток, которые он получал от бизнесменов, генерал создал несколько фирм, зарегистрированных на имя жены. Среди этих предприятий были супермаркеты, мясоперерабатывающий завод и медицинский центр. В качестве взятки он получил даже не один, а два диплома кандидата наук – один в 2000 г. в Ростовском государственном строительном университете, а другой – в 1999 г. в Адыгейском государственном университете³¹.

Отсутствие борьбы с коррупцией

По мере ослабления государства в 1989–1991 гг. подкуп чиновников большим бизнесом становился все более распространенным явлением. Это явление не встретило серьезного противодействия со стороны государственных органов или других субъектов общества. За 15 лет после распада Советского Союза не было ни одного ареста или суда над высокопоставленным чиновником. В тюрьму отправляли только чиновников помельче, причем большинство без

открытых судебных процессов. Генеральная прокуратура, которая должна возглавлять борьбу с коррупцией, по указке Кремля замалчивала все дела о коррупции, возбуждаемые против чиновников высокого ранга.

Один из самых громких случаев коррупции связан с действиями высокопоставленных чиновников, которые помогали компании «Три кита» снижать пошлину на импортируемую мебель. Этот случай получил огласку в 2002 г., когда подробно обсуждался на заседании Совета безопасности в Государственной думе³². Министр внутренних дел хотел возбудить уголовное дело против бизнесменов, сговорившихся с коррумпированными таможенниками, высокопоставленными руководителями ФСБ и президентской администрации. Расследование выявило достаточные доказательства для предъявления обвинений чиновникам и бизнесменам, но Генеральный прокурор без всяких объяснений закрыл дело и распорядился арестовать самого успешного следователя — под нелепым предлогом. Были убиты несколько человек, в том числе известный российский журналист, которые являлись свидетелями коррупционной деятельности или обладали информацией о ней³³. Четыре года спустя Кремль решил возобновить расследование, и несколько бизнесменов (но не чиновников) были арестованы; как бы то ни было, к сентябрю 2006 г. ни один судебный процесс еще не начался³⁴.

Время от времени некоторые коррумпированные чиновники и олигархи даже восстанавливают свою репутацию. Так, например, в 2002 г. Борис Березовский, ставший символом коррупции, удостоился похвалы от некоторых известных журналистов, в том числе Андрея Углanova и Юлии Латыниной, которые выдвигали разнообразные аргументы, чтобы обелить его имя³⁵. В 2002 г. одна из крупнейших россий-

ских газет «Известия» развернула кампанию по восстановлению репутации президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова, который не только известен как один из самых коррумпированных местных баронов, но и замешан, как считают многие российские журналисты, в гибели их коллеги, несколькими годами ранее собиравшем материал о клане Илюмжинова в республике³⁶.

Откуда взялись состояния олигархов

В эпоху раннего Средневековья феодалы появлялись разными путями. Некоторые принадлежали к старинным родам Римской империи. Они смогли выжить в трудные времена после гибели империи — точно так же, как номенклатура выжила после развала Советского Союза. Другие были незнатного происхождения и возвысились благодаря тому, что короли посвятили их в рыцари. Преемственность знати новой и старой империй и относительная роль каждого элемента нового правящего класса обсуждалась в средневековой литературе точно так же, как в постсоветской социологии³⁷.

Российские магнаты тоже имели разное происхождение — как и средневековые феодалы после падения Римской империи. Среди олигархов есть бывшие партийные и комсомольские работники, их дети, бывшие подпольные предприниматели и даже ученые³⁸. В процессе их обогащения ключевую роль играл Кремль. Именно Кремль создавал их состояния — с условием, что они в той или иной форме будут делиться доходами.

Продвигая либеральные экономические реформы и приватизацию, Ельцин увидел в них возможность для личного обогащения и сохранения своей власти. Ес-

тественно, он был не единственным, кто использовал власть для личного обогащения. Члены правящей элиты и номенклатура, в том числе директора предприятий, увидели эту возможность еще раньше, в 1989–1990 гг., когда начали прибирать к рукам государственную собственность. Кремлевские руководители и люди в высших эшелонах власти почти мгновенно поняли, что Кремль должен взять приватизацию под свой контроль. Они рассматривали приватизацию крупных компаний, особенно в добывающих отраслях, как возможность наделить огромными привилегиями людей, которые расплатятся с ними либо деньгами, либо другим способом. Этот процесс был похож на формирование феодальной структуры в начале Средневековья, когда король раздавал земли и крестьян доверенным лицам, которые становились его вассалами. Аукционы по продаже государственных нефтяных компаний могут служить ярким примером того, как создавались состояния олигархов и как они эксплуатировались Кремлем. Эти аукционы были формальностью, потому что определенным покупателям были обещаны акции еще до начала торгов³⁹.

Состояние Ходорковского

Происхождение богатства Ходорковского служит превосходной иллюстрацией того, как Кремль создавал своих вассалов. Ходорковский разбогател при помощи известного банка «МЕНАТЕП» и тесных связей с правительством. Он работал в правительстве в качестве советника премьер-министра Ивана Силаева в 1990–1991 гг., заместителя министра топлива и энергетики в 1992 г. и как сотрудник этого же министерства в 1998–1999 г. Благодаря своему влиянию, банк «МЕНАТЕП» был выбран чиновниками

для размещения счетов различных министерств, а также правительства Москвы. Банк отвечал за импорт кубинского сахара и вместе с правительством участвовал во многих подозрительных сделках⁴⁰. Банк Ходорковского был также первым банком, начавшим продавать свои акции обычным людям, которые так и не получили обещанного⁴¹. В период высокой инфляции Ходорковский мог манипулировать средствами из различных источников, что позволяло получать огромную прибыль. К 1995 г. Ходорковский, не внося никакого вклада в российскую экономику, стал одним из богатейших людей страны⁴².

В последующие годы действия Ходорковского, значительно увеличившие его состояние, управлялись непосредственно из Кремля. Ходорковский превратился из банкира в нефтяного магната, покупая государственные нефтяные компании, причем он продолжал работать в правительстве. Это еще одна темная история, связанная с так называемыми залоговыми аукционами, которые позволяли избранным банкам получить контроль над крупнейшими государственными компаниями в обмен на кредиты Кремлю⁴³. В 1995 г. Ходорковский купил компанию «ЮКОС» за 350 млн долларов, хотя всего через восемь месяцев ее рыночная стоимость составляла 6,2 млрд, а в 2001 г. — 8,1 млрд долларов. Не вызывает сомнений его участие — вместе с другими олигархами — в финансовой операции под названием «государственные краткосрочные облигации», которые приносили прибыль 200–250% годовых⁴⁴. Ходорковский почти никогда не говорил о происхождении своего состояния, лишь однажды обмолвившись, что никто из «нас» не святой. Он также сказал, что с 1999 г. они начали следовать международным стандартам в отчетах о деятельности компании⁴⁵. Ходорковский и другие олигархи неоднократно заявляли, что не нарушали зако-

нов в процессе обогащения, потому что таких законов просто не существовало. Трудно не согласиться с Путиным, когда он решительно отверг этот аргумент⁴⁶. И действительно, эти люди нарушили множество действовавших в тот период законов, в том числе запрещающий давать взятки чиновникам.

Различные формы погони за рентой

Происхождение богатства – это не единственное, что связывало олигархов и политиков. Определенная близость к политической власти была необходимым условием существования любого крупного бизнеса в постсоветской России. Судьба крупных корпораций зависела не от экономической эффективности, а от получаемых привилегий – в форме бюджетных средств, нелегального или полуполигального приобретения государственной собственности и передела собственности⁴⁷. С помощью Кремля несколько десятков олигархических структур получили контроль над значительной долей национального валового продукта (НВП) России. Самые богатые олигархи участвовали в добыче полезных ископаемых (в первую очередь нефти и газа), а также имели активы в таких сферах, как финансы и торговля. Почти никто не управлял предприятиями в сфере науки и технологий⁴⁸. Погоня за рентой и тесные связи с центральной и местной властью зачастую позволяли олигархам удерживать монопольное положение на региональном или национальном уровне. Эти монополистические тенденции были типичным явлением и для Средневековья⁴⁹.

На первой стадии олигархии, подобно новым феодалам-землевладельцам после падения империи Каролингов, были заняты только консолидацией собственной власти – при помощи центральных и местных органов власти. Однако на второй стадии они предприняли попытку заняться политикой как на региональном, так и на федеральном уровне. У олигархов было несколько причин для вовлечения в политику. Это желание получить иммунитет от преследования за незаконную деятельность, надежда на полноценную политическую карьеру и обеспечение благоприятных условий для своего бизнеса в данном регионе.

Олигархии вступили на политическую сцену с большой помпой накануне президентских выборов 1996 г. Группа из 13 олигархов (в том числе Борис Березовский, Владимир Гусинский и Михаил Ходорковский) финансировала Ельцина и его семью, установила в стране нечто вроде олигархического режима, получившего название «семибанкирщина» (по аналогии с «семибоярщиной», правлением семи бояр в один из самых мрачных периодов российской истории в начале XVII века), и контролировала не только экономику, но и правоохранительные органы. Пользуясь поддержкой Ельцина, олигархии назначили несколько федеральных министров и высокопоставленных чиновников. Они также пытались отменить президентские выборы 1996 г. и активно финансировали избирательную кампанию Ельцина.

Одной из главных характеристик олигархии, как отмечал Аристотель⁵⁰, является обмен богатства на государственный пост, что в свою очередь ведет к сохранению экономической и политической власти олигарха. Подобная практика не только позволяет получить дополнительный денежный доход, но и повышает общественное положение покупателя. Обмен может принимать разные формы, от покупки титулов, как в Средние века, до покупки должности послов, как в Соединенных Штатах. Покупка и продажа государственных должностей получили широкое распространение в постсоветской России⁵¹.

Классическим примером того, как за деньги покупается политическая власть, может служить карьера Бориса Березовского в 1996–1997 гг. Березовский был назначен заместителем секретаря российского Совета безопасности, несмотря на многочисленные препятствия, стоявшие у него на пути. Среди этих препятствий было двойное гражданство (российское и израильское), что запрещалось законом для чиновников такого ранга, и явные антисемитские настроения в Государственной думе и службах безопасности. Ни сомнительная репутация, ни разоблачение источников его состояния, среди которых были активы в Соединенных Штатах⁵², не повлияли на положение Березовского в российском истеблишменте. Березовский продолжал совмещать коммерческую и политическую деятельность вплоть до столкновения с Чубайсом в конце 1997 г. Эту битву он проиграл и впоследствии был уволен Ельциным⁵³. Карьера Владимира Потанина – это еще один яркий пример сплетения денег и власти. Будучи руководителем крупной финансовой империи, он был приглашен в правительство на должность за-

местителя премьер-министра и пробыл на этом посту больше года (1996–1997).

Олигархи в качестве губернаторов и сенаторов

Слияние двух главных феодальных фигур – олигархов и местных баронов – началось после того, как Кремль разрешил олигархам становиться губернаторами. Население не противилось этой идее, поскольку люди считали олигархов хорошими руководителями⁵⁴. Самый известный из подобных случаев – это избрание Романа Абрамовича губернатором Чукотки в 2000 г. Александр Хлопонин был избран губернатором Таймыра в 2002 г., а затем Красноярского края в 2002 г., Сергей Пугачев в 2002 г. стал сенатором от Тувы. Все эти случаи имели место после 2000 г., когда президентом был уже Путин.

Олигархи внутри своих империй

Будучи феодальными субъектами, олигархи пользуются высоким уровнем независимости внутри своих империй. Ограничив их влияние на национальную политику, Путин не тронул их свободу и независимость от федеральных законов в пределах своих владений. Работники российских корпораций, особенно если компания располагалась в маленьком городе или была единственным крупным предприятием в регионе, не имели возможности защищать свои права. Как правило, существующие профсоюзы служат интересам корпораций, а не работников. Иллюстрацией этого тезиса могут служить события в маленьком сибирском городке Мегион. Главным работодателем в городе была нефтяная компания «Славнефть-Меги-

оннефтегаз». Рабочие жили в деревянных бараках, построенных 30 лет назад как временное жилье и до сих пор не имевшие водоснабжения. Большинство бараков находилось на грани разрушения. Однако компания не обращала внимания на жалобы рабочих и разными способами притесняла активистов независимого профсоюза (например, их лишали премий)⁵⁵. Компания также не соблюдала правила техники безопасности и при несчастных случаях заставляла пострадавших приписывать травму факторам, не связанным с производством⁵⁶.

Помимо всего прочего, центральные власти закрывали глаза на сговор бизнеса, криминальных структур и местных властей. Так, например, прежде чем занять пост губернатора Приморского края, Сергей Дарькин был широко известен как коррумпированный олигарх, связанный с преступностью⁵⁷. Анатолий Быков совмещал контроль над алюминиевой промышленностью с криминальной и коррупционной деятельностью, а также с ролью депутата красноярской Думы. Последний губернатор Красноярского края Александр Лебедь арестовал Быкова по обвинению в убийстве. Незадолго до гибели в авиакатастрофе Лебедь написал письмо Путину, в котором просил президента предотвратить запугивание и подкуп судей, которые будут председательствовать на процессе в Москве. Просьба дошла до адресата, но оказалась тщетной⁵⁸. Быкову дали пять лет условно. В тот день он вышел из здания суда, сел в черный «Мерседес» и направился в аэропорт, где его ждал личный самолет⁵⁹. Примечательным было также интервью, данное Быковым НТВ — российскому телеканалу, известному своими либеральными взглядами. Ведущий программы обращался к Быкову с таким почтением, как будто разговаривал с уважаемым общественным деятелем⁶⁰.

Знаменитая характеристика, данная Средневековью Гоббсом, помимо всего прочего, предполагает войну между субъектами феодального общества и королевской властью. Постсоветская Россия прекрасно подходит под это определение.

Феодальные войны: Кремль и олигархи

Отношения между центральной властью и независимыми субъектами в постсоветской России, как и в эпоху Средневековья, были одновременно взаимовыгодными и глубоко конфликтными. Конфликты между правительством и некоторыми олигархами начались в марте 1997 г. после появления в Кремле Бориса Немцова. Вместе с Чубайсом он убедил Бориса Ельцина в необходимости ограничить деятельность чиновников, связанную с погоней за рентой, а также произвол олигархов, особенно Гусинского и Березовского. Битва, разгоревшаяся в 1997 г. между Чубайсом и Березовским, оказалась в центре политической жизни страны. С одной стороны, противостояние было связано с соперничеством между Березовским и Потаниным, которого поддерживал Чубайс. С другой стороны, это была борьба государства и олигархов, желавшими контролировать президента, которому они помогли переизбраться на второй срок в 1996 г. Разумеется, Чубайс подчеркивал второй аспект противостояния, позиционируя себя как политика, стремящегося избавить государство от контроля олигархов⁶¹. Оба конфликта на первом этапе закончились небольшими победами правительства (Березовский лишился поста в Совете безопасности, а «Газпром» и некоторые другие крупные компа-

нии заставили платить налоги, по крайней мере частично), хотя было очевидно, что к началу 1998 г. олигархи, с их огромными состояниями и контролем над средствами массовой информации, практически сохранили все свое могущество. Еще один конфликт разгорелся между Немцовым и «Газпромом», часть акций которого принадлежала правительству, а часть — семье Черномырдина⁶².

Путин против Ходорковского

Если при Ельцине положение олигархов было прочным, то после прихода к власти Путина, стремившегося ограничить их независимость, ситуация резко изменилась. Символичной в этом отношении была кампания Кремля против Ходорковского. До 2000 г. Ходорковский был занят в основном бизнесом и накоплением богатства. Однако после 2000 г. он стал заявлять о своем интересе к политике. В июле 2003 г. он сказал: «Я никогда не говорил, что большой бизнес должен находиться вне политики»⁶³. Он даже осмелился публично спорить с президентом и в открытом споре с Путиным обвинил его администрацию во взяточничестве⁶⁴. Более того, олигарх пообещал остолбеневшей российской публике, что в ближайшие годы оставит бизнес и займется политикой⁶⁵.

В сущности, он принял эстафету у Бориса Березовского как самого могущественного олигарха середины 90-х гг. Ходорковский утверждал, что в руках людей, контролирующих экономику страны, должна находиться и политическая власть⁶⁶. Он предположил, что, если бы олигархи смогли соединить «политическую власть и финансовые возможности... мы с вами были бы счастливой страной по сравнению с тем, что сегодня есть»; современную Россию Ходор-

ковский сравнивал с рабовладельческим государством⁶⁷. Российское общество также было удивлено его словами, что он скорее пойдет в тюрьму, чем покинет Россию⁶⁸. Причиной прямого конфликта между Путиным и Ходорковским послужили приближающиеся президентские выборы 2008 г.

В дуэли с олигархом Путин обладал многочисленными преимуществами. Главным средством, с помощью которого он помешал Ходорковскому войти в политику, была, разумеется, мощь государства. События лета и осени 2003 г. показали, что президент может использовать Генеральную прокуратуру и милицию, чтобы поставить Ходорковского на колени. Кремль терроризировал некоторых приближенных Ходорковского, арестовав их и вызвав самого олигарха на допрос в Генеральную прокуратуру, где ему показали постановление об аресте. Кроме того, были произведены многочисленные обыски в офисах Ходорковского (и даже в доме его друга). Дом олигарха окружили танками, сломав ворота при помощи пожарной техники, а в школу, где училась его 12-летняя дочь, послали агента ФСБ. Арест Ходорковского стал завершением череды преследований, начавшихся в июле 2003 г.⁶⁹

Однако даже Сталину требовалось идеологическое обоснование своих действий против тех, кого он считал реальными или потенциальными врагами. Это в полной мере относилось и к Путину, который нуждался в поддержке общества и элит, а также в понимании Запада. Для этой цели он использовал несколько идеологических инструментов. Начиная партию против олигарха, команда Путина в первую очередь осознала, что все козыри Ходорковского можно нейтрализовать его сомнительным прошлым. Более того, сам Ходорковский и несколько его союзников, в том числе первый заместитель Леонид Не-

взлин, были евреями. Национальный аспект был осторожно, но довольно успешно использован в кампании против «ЮКОСа». Так, например, компанию часто сравнивали с главным конкурентом, государственной нефтяной компанией «Сибнефть», которую возглавлял этнический русский⁷⁰. В статье, опубликованной газетой «Известия», высказывалось предположение, что атака на «ЮКОС» имеет явную антисемитскую составляющую; некоторые люди утверждали, что из-за «ЮКОСа» русские люди не могут в полной мере пользоваться своими нефтяными богатствами⁷¹.

Покупка Романом Абрамовичем английского футбольного клуба лишь подлила масла в огонь ненависти к еврейским финансовым магнатам. Решение Невзлина принять гражданство Израиля также вызвало негативную реакцию общества⁷². Несмотря на то что при анализе российской политики нельзя не учитывать еврейский фактор, большие деньги способны нейтрализовать его, как это продемонстрировали Березовский и Абрамович. По этой причине национальность Ходорковского не могла гарантировать победу Путину.

Путин также обладал информацией о полукриминальном происхождении состояния олигарха. Ходорковский не был известен как последовательный защитник демократии, вроде академика Сахарова или даже Сергея Ковалева, известного российского правозащитника. Кроме того, Путина не беспокоила реакция других стран на политические заявления Ходорковского. Трезво оценивая международную ситуацию, в том числе политику Соединенных Штатов, Путин был уверен, что его поддержка американцев в борьбе с международным терроризмом и распространением ядерного оружия, а также огромные запасы нефти и газа обеспечат невмешательство Запада во

внутренние дела России. Эта оценка ситуации была верной, даже несмотря на заявления «Washington Post», что «сохранение демократии в России больше чем идеал; это жизненно важный интерес Соединенных Штатов»⁷³. Путин не обращал внимания на слова в защиту арестованного бизнесмена, даже если они исходили от высших должностных лиц США, в том числе государственного секретаря Колина Пауэлла⁷⁴. Вероятно, Путин был доволен, что Давосский форум (престижная встреча политиков и бизнесменов) практически проигнорировал обращение Ходорковского. Российский президент невозмутимо отвергал все упреки относительно внутренней политики и постоянно проводил аналогии с Соединенными Штатами (например, он сравнивал сталинский террор с эпохой маккартизма, а дело «ЮКОСа» сравнивал с делами компаний «Enron» и «WorldCom»). Он просто-напросто лгал о некоторых событиях в России, таких как положение в Чечне и ситуация с Левадой⁷⁵. Более того, любовь-ненависть Путина к Западу привела к тому, что президент начал заигрывать с евроазиатской идеологией, провозглашавшей многочисленные отличия России от Запада⁷⁶.

Путин сохранял уверенность в конфликте с Ходорковским во многом благодаря тому, что российское общество было на его стороне. Многочисленные защитники Ходорковского на Западе и в самой России были склонны игнорировать вопрос о происхождении его богатства, но об этом не забыли многие простые россияне. Сведя на нет роль олигархов в политике, Путин никоим образом не стремился уничтожить олигархов как слой общества. Он поддерживал тех, кто демонстрировал лояльность, в том числе Романа Абрамовича, Михаила Фридмана, Владимира Потанина, Александра Мамута и Олега Дерипаску, и помогал новому поколению олигархов, не

стремившихся стать самостоятельными политическими фигурами. В 2006 г. в список журнала «Forbes» попали 33 российских миллиардера – в 2002 г. их было только семь⁷⁷.

Войны между олигархами

Как и в эпоху феодализма, смена «фаворитов» Кремля в 1991–1997 гг. приводила к серьезным политическим событиям. «Любимцы» Ельцина (Геннадий Бурбулис, Александр Коржаков, Анатолий Чубайс, Борис Березовский, Борис Немцов) постоянно боролись за «ухо царя». В любой стране конфликты между корпорациями всегда носят ожесточенный характер. Корпорации сражаются за ведущее положение на рынке и за влияние на центральную власть. В эту форму конкуренции вовлечены лишь «избранные», а для новых фигур установлены высокие барьеры. В России в некоторых олигархических конфликтах определенную роль этнический фактор. По всей видимости, существовала жестокая конкуренция между «еврейскими» (Гусинский, Березовский, Николай Смоленский, Ходорковский) и «русскими» (Владимир Виноградов, Потанин, Лебедев и другие) олигархами⁷⁸. Однако гораздо чаще причины столкновения олигархов были экономическими или политическими.

117

Феодальные войны между олигархами начались в начале 90-х гг., когда бушевали сражения между Березовским и Гусинским, Смоленским и Потаниным, а также между Потаниным и Березовским⁷⁹. Самые жаркие баталии развернулись вокруг организованных правительством аукционов, на которых в 1995–1997 гг. продавались огромные куски государственной собственности⁸⁰. Одно из самых ожесточенных столкновений между олигархами в 1997 г. было вызвано

борьбой за контроль над гигантской государственной телекоммуникационной компанией «Связьинвест». По мнению уважаемого российского журналиста Виктора Травина, в этой битве, где с одной стороны участвовали Борис Березовский и Владимир Гусинский, а с другой — Анатолий Чубайс и Владимир Потанин, были нарушены все юридические и моральные нормы — противники вели себя как преступники⁸¹.

Другое серьезное сражение развернулось между московскими финансовыми и политическими группировками и региональными олигархами⁸². Крупный конфликт имел место и при Путине, когда старые олигархи ельцинской эпохи столкнулись с новым окружением Путина⁸³.

Олигархическая солидарность

Ожесточенные конфликты тем не менее не мешали олигархам периодически заключать временные союзы против общего врага. Так было во время президентских выборов 1996 г., когда олигархи объединились, чтобы предотвратить неизбежную победу коммунистов. Они опубликовали «Письмо 13», в котором призывали Кремль отменить выборы. Как группа, пытавшаяся захватить власть, олигархи стремились сохранить существующее беззаконие и противодействовали попыткам бороться с коррупцией — именно такое обещание давал генерал Александр Лебедь⁸⁴.

При Путине после ареста Ходорковского и усиления центральной власти олигархическая солидарность была разрушена. Слова Ходорковского о зрелости большого бизнеса и готовности защитить его звучали крайне неубедительно⁸⁵. Капитаны большого бизнеса в своем письме Путину в июле 2003 г. «опустились на колени» и просили помиловать Ходорковского, но

даже не называли имени своего дискредитированного коллеги⁸⁶. Следующее письмо президенту, на этот раз после ареста магната, отличалось несколько меньшей покорностью, но и в нем олигархи отказывались называть вещи своими именами⁸⁷. И действительно, ни один из известных олигархов, включая Олега Дерипаску (который сопровождал президента в поездке по Италии в ноябре 2003 г., чтобы привлечь в Россию западные инвестиции), Романа Абрамовича и Владимира Потанина (который, между прочим, заявил о своей поддержке президента), не сказал ни слова в защиту Ходорковского⁸⁸. Как заметил один российский журналист, большой бизнес капитулировал, не сделав по Путину ни единого выстрела⁸⁹. Известный историк Рой Медведев высказал мнение, что малодушное поведение олигархов следует приписывать их комплексу неполноценности, обусловленному темным происхождением их состояний⁹⁰.

Позже, когда Кремль продолжил перераспределение собственности в пользу людей Путина, олигархи остались безразличны к несчастью своего коллеги. Только в редких случаях олигарх просил Кремль сменить гнев на милость в отношении Ходорковского или другого бизнесмена. Идеолог и руководитель приватизации Анатолий Чубайс, имеющий репутацию человека, который открыто высказывает свое мнение, предпочитал хранить молчание по поводу дела Ходорковского. После ареста Ходорковского он произнес лишь несколько слов неодобрения и предупредил, что большой бизнес может объединиться против президента, но не предложил никаких конкретных коллективных действий⁹¹. Друг Чубайса Егор Гайдар, еще один «младореформатор», проявил не меньшую покорность, хотя во время проводимых в стране грандиозных преобразований рассматривал Ходорковского и других олигархов в качестве союзников.

Российские олигархи могут рассматриваться как современная версия феодалов. Как и в эпоху Средневековья, они постоянно противились исполнению законов и подпитывали коррупцию центральной власти. Олигархи не могут действовать без помощи высокопоставленных государственных чиновников, чью поддержку они покупают при помощи наличности, подарков и акций компаний. Отношения между олигархами и центральным правительством со временем менялись. В определенные периоды олигархи могли буквально навязывать свою волю Кремлю, а в другое время они отступали и играли роль послушных вассалов. Неспособные заключать долговременные союзы, они чаще сражались друг с другом, хотя время от времени объединялись для отпора Кремлю.

Олигархическая идеология и ее противоположность либеральной и тоталитарной идеологии

Введение

С древних времен бытует мнение, что только богатые люди могут эффективно управлять государством. Олигархическая идеология предполагает, что богатые в большинстве своем трудолюбивы, добродетельны и талантливы, тогда как большинство бедняков ленивы, склонны к пьянству и нарушению закона. В современной истории олигархическую идеологию редко защищали публично. Впервые она была сформулирована в Древней Греции. Критий, самый жестокий из «тридцати тиранов», правивший поверженными Афинами после пелопоннесской войны (404–403 гг. до н. э.), руководствовался в основном олигархической идеологией. Несколько десятилетий спустя, во времена Сократа, появилось произведение «Старый олигарх», приписываемое другу философа Ксенофону и критиковавшее афинскую демократию¹. И, наконец, Платон рассматривал олигархическую идеологию в своей «Республике». В постсоветской России, пораженной цинизмом гораздо сильнее, чем

другие общества, защитники олигархической идеологии имели возможность публично очертить элементы этой идеологии.

Современная олигархическая идеология, или «корпоративная идеология», признает некоторые элементы либеральной идеологии, в том числе роль рынка, частной собственности и политических свобод. В то же время сторонники олигархической идеологии нередко оправдывают, прямо или косвенно, коррупцию и нарушение законов олигархами и крупными корпорациями. Они разделяют негативные ценности капиталистического общества, такие как консьюмеризм, жадность и нарциссизм, о чем говорят авторы работ «White Collar Crime»² и «The Bourgeois Virtues»³. Как правило, они считают эгоистичное поведение членов корпораций нормальной частью напряженной и насыщенной конкуренцией жизни, даже если такое поведение приносит несчастье или даже смерть другим⁴.

Российские олигархи и их сторонники более откровенны, чем их западные собратья, в публичной защите этих ценностей. Произведения российской литературы, такие как «Большая пайка» Юлия Дубова, «Стальной король» или «Охота на изюбря» Юлии Латыниной, сумели глубоко проникнуть в психологию олигархов⁵. Известные американские романы – «Финансист», «Титан» и «Стоик» Теодора Драйзера, «Великий Гэтсби» Скотта Фицджеральда, «Костер тщеславий» и «Мужчина в полный рост» Тома Вулфа – также описывают менталитет богатых людей⁶.

Противостояние государству

Олигархическая идеология, которая в некоторых аспектах пересекается с либеральной идеологией, враждебна государству и особенно тоталитарному – даже

несмотря на то, что предлагает использовать государственную машину для защиты корпоративных интересов и деятельности, направленной на погоню за рентой. В целом эта идеология антибюрократична, что ясно демонстрирует пример России, где богатые люди, предприниматели и их идеологи в первые годы после крушения коммунизма были настроены против государства. Идеологи олигархии говорили о государстве только как о силе, вредной для экономики.

Государство никогда не считалось важным инструментом выработки и внедрения правил новой экономической системы (особенно в деле борьбы с монополиями и принуждения к исполнению законов); его никогда не рассматривали как покровителя науки, образования, технического прогресса и искусств. Сторонники олигархической идеологии игнорировали значение государственной поддержки в тех секторах экономики, которые удовлетворяют общественные потребности, например, на транспорте⁷. Лариса Пияшева, красноречивый теоретик приватизации времен перестройки и первых лет после развала Советского Союза, была одним из самых последовательных врагов государства. Она критиковала социальную функцию государства и призывала к приватизации всех общественных услуг. Пияшева объясняла, что по мере экономического прогресса траты на социальные нужды должны уменьшаться, и люди станут сами платить за образование и медицину⁸. Она утверждала, что появятся новые фермеры, будут построены новые дома и новые дороги, наладится снабжение товарами. В 1991 г. Пияшева полагала, что для всех этих изменений потребуется всего один год⁹.

Олигархи испытывали явное презрение к бюрократии. Они считали ее лидеров некомпетентными и легко коррумпируемыми. Владимир Перекрест, российский журналист со связями в Кремле, в одной из

своих статей, где содержалась особенно острая критика в адрес Ходорковского, дал следующую характеристику олигархической идеологии: «Олигархи задают образцы нигилистического отношения к государству, стимулируют противоправную активность в хозяйственной жизни. Они последовательно противостоят установлению равных для всех правил ведения бизнеса, широко используют свое влияние в государственных органах на федеральном и региональном уровнях при ведении конкурентной борьбы, открыто попирают легальные нормы и являются основным источником коррупции»¹⁰.

Оправдание коррупции

Пренебрежение коррупцией – это важный элемент олигархической идеологии. Авторитарная и демократическая идеологии, в отличие от олигархической, жестко противостоят коррупции и неограниченному использованию денег в политических целях. Российские либералы 90-х гг., которые часто защищали олигархическую идеологию, были склонны игнорировать проблему коррупции или приуменьшать ее значение. Егор Гайдар, ставший символом либерализма, в своих многочисленных работах вообще избегал этой темы¹¹. Другие либеральные авторитеты говорили о безнадежности борьбы с коррупцией. Одним из защитников идеи «культурного происхождения коррупции», оправдывавшей чиновников и олигархов, был Анатолий Чубайс¹².

Другой способ оправдания коррупции – это ее восхваление как важного общественного института, своего рода «смазки», необходимой для правильного функционирования государственной машины, или противоядия от неэффективной организации общества и

неверной политики государства. Именно эти аргументы выдвигались защитниками коррупции. В начале 90-х гг. одним из первых эту теорию выдвинул Гавриил Попов, бывший московский мэр и видный либерал¹³. Большой почитатель Попова Олег Дерипаска утверждал, что государственные служащие не могут прожить на «мизерное официальное жалование, и поэтому получение ими денег от корпораций следует рассматривать не как коррупцию, а как нормальную составляющую дохода». Дерипаска применял термин «коррупция» только к тем случаям, когда чиновники берут деньги у бизнеса вопреки воле бизнесменов¹⁴. Полезность коррупции в определенных условиях теоретически обосновывали московские экономисты Виктор Полтерович и Алексей Макаров – оба они являются членами Российской академии наук¹⁵.

Одним из главных аргументов в защиту коррупции в России служило утверждение, что она не угрожает экономическому росту. Тем, кому российская коррупция представляется в мрачном свете, следует напомнить, что Южная Корея построила энергичную экономику, несмотря на серьезные проблемы с коррупцией. Аналогичным образом после Второй мировой войны экономика Италии совершила гигантский скачок – задолго до того, как операцией «чистые руки» началось решительное наступление на коррупцию во всех уровнях власти.

Оправдание нарушения демократических принципов

Олигархическая идеология, восхваляющая власть «меньшинства», в отличие от власти «одного» или «большинства», враждебна не только сильному государству, но и демократическому обществу. Эта идеология оправдывает крупные пожертвования в пользу

кандидатов на выборах и негативно влияет на демократические процессы и на политическое равенство в обществе. Кроме того, она оправдывает грубые нарушения законов и, как правило, снисходительно относится к коррупции и манипуляциям при выборах и в средствах массовой информации. Эта форма манипуляции рассматривается лишь как одно из средств привлечения в органы законодательной власти реаллистов (в противовес идеалистам, демагогам или популистам), которые могут работать с большим бизнесом¹⁶. Как писал Роберт Даль в своей недавней работе «On Political Equality» (2006), в таких странах, как Соединенные Штаты и Британия, важная роль «миноритарных денег» в политической жизни обостряет вопрос честной демократической конкуренции и в то же время заставляет избранных политиков отчитываться больше перед деньгами, чем перед избирателями¹⁷.

В условиях России олигархическая идеология не скрывает своего презрения к демократическим процедурам. В сравнении с американскими и западноевропейскими олигархами российские олигархи более открыто пропагандируют свое негативное отношение к обществу и к демократии.

Элитарные взгляды на российское общество

Элитарное представление о народе как о «люмпенах и нецивилизованных людях» было подробно разработано социологами из Центра изучения общественного мнения Юрия Левады. Эта модель описывает россиян как нецивилизованных людей, которые не способны жить при демократии и мнение которых не представляет ценности для тех, кто пытается построить нормальное общество. Наиболее полно эта

модель описана в статье Льва Гудкова «О негативной идентификации», опубликованной в одном из лучших социологических журналов России¹⁸. Гудков описывает россиян, особенно не получивших высшего образования, как архаичных и примитивных людей. Он считает рабочих ленивыми пьяницами и ворами, которые не хотят честно и интенсивно трудиться, а лишь постоянно жалуются на низкую зарплату. У них отсутствует мотивация, и они не способны к творчеству. Им нужны жесткие организационные правила и технологический контроль¹⁹. В то же время они склонны преувеличивать свои успехи. Гудков характеризовал россиян как пассивных и сопротивляющихся переменам людей. Они почитают слабых, бедных и страдающих – разного рода неудачников. Они часто ссорятся с родственниками, коллегами по работе и соседями²⁰. Подъезды и лифты домов они превратили в туалеты. Как человеческим существам, утверждает Гудков, им чужды возвышенные устремления, и они склонны лишь к девиантным и глубоко индивидуалистическим действиям. Они страдают комплексом неполноценности и отличаются пессимизмом (по его оценке, только 4–5% граждан России оптимисты). Они не любят и не уважают самих себя. Россияне, особенно старше 40 лет, обидчивы, злобны и недовольны (по данным ВЦИОМ, которые приводит Гудков, в 2000 г. только 17% россиян сообщили, что довольны жизнью).

В некоторых случаях, утверждал Гудков, представление россиян о себе граничит с фантазией. Они верят, например, что главную роль в их жизни играет «коллективизм». Россияне считают себя, без всяких на то оснований, высокодуховными и радужными людьми, готовыми пожертвовать собой ради других. Другой социолог из Центра общественного мнения Левады, Борис Дубин, поддерживает

Гудкова, полагая, что культурный уровень россиян крайне низок: только 50% населения интересуется зарубежной культурой и историей²¹.

Враждебность по отношению к социальному равенству

Одна из основ олигархической идеологии – это ненависть к социальному равенству и культивирование жадности. В этом отношении она явно отличается от авторитарной идеологии, которая часто тяготеет к идеям социализма и социального равенства. В этом аспекте олигархическая идеология отличается также от либеральной идеологии, уделяющей основное внимание социальному и политическому равенству.

Однако в постсоветской России сложилась несколько иная ситуация – неприятие социального равенства открыто обсуждалось защитниками элитарного подхода. Либеральный истеблишмент 90-х гг. буквально исключил такие термины, как равенство или социальная справедливость, из своего лексикона. В период 1992–1998 гг. эти слова практически отсутствовали в речах Ельцина и его министров, находившихся под сильным влиянием олигархов. Данные темы также отсутствовали в статьях и эссе, восхвалявших режим в 90-е гг.

Пренебрежение социальным равенством после 1991 г. обозначило исторический разрыв с культурными традициями России. Обращение элиты к идее неравенства, к примеру, находилось в глубоком противоречии с русской классической литературой. Со времен Радищева почти каждый русский писатель избегал даже намеков на восхваление богатства и привилегированного образа жизни. Это в полной мере

относится к таким гигантам русской литературы, как Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой и Горький²².

В период с 1992 по 1998 г. архитектор российско-го либерализма Егор Гайдар неизменно оправдывал существующее социальное неравенство. Он заявлял, что всякий, кто действительно хочет заработать деньги, может это сделать²³. Однако после 1998 г. в своих пространственных статьях о преобразованиях в России Гайдар старательно избегал этой темы²⁴. Многие представители общественных наук и деятели культуры вслед за Гайдаром игнорировали данную проблему, возлагая вину за неравенство на самих людей или сосредотачиваясь на так называемых позитивных аспектах коррупции²⁵.

Другой известный либерал, Анатолий Чубайс, который в 1997 г. был одним из руководителей правительства Ельцина, был более откровенен. Пытаясь положить конец вопросам о том, что значительная часть населения России пребывает в бедности, он сказал, что нельзя ожидать, что у всех жизнь будет комфортной и приятной – это попросту невозможно²⁶. В работах Александра Яковлева, ведущего идеолога нового режима и бывшего главы отдела пропаганды Центрального Комитета коммунистической партии, содержится критика советского эгалитаризма, но нет ни слова осуждения социальной поляризации в постсоветской России²⁷.

Экономические проблемы 1998 г., и даже финансовая катастрофа в августе этого года, не способствовали повышению внимания либералов к социальному неравенству и не вызвали сочувствия. В том же году известный либеральный экономист Алексей Улюкаев заявил, что бедные люди должны винить в своих несчастьях только себя²⁸. Еще откровеннее выразился бывший заместитель премьер-министра Альфред Кох, который в интервью американскому радио

утверждал, что русские заслужили свою жалкую судьбу²⁹.

В течение всего процесса приватизации ни один из ведущих либеральных политиков или идеологов не выступил в защиту справедливости и равенства и не критиковал явные преимущества, которые получила элита. Вопиющая несправедливость приватизации так и осталась не признанной представителями политической элиты, такими как Егор Гайдар, Александр Яковлев и Ельцин³⁰.

По всей видимости, отсутствие беспокойства проблемой неравенства со стороны «старых либералов» можно отчасти объяснить периодом становления нового режима (1991–1993) и сильной антипатией к еще «свежей» советской системе с ее бесстыдной демагогией, которой был окружен вопрос социального равенства. Однако этот подход сохранился и в 1995–2006 гг. «Старые либералы сбалансировали свои взгляды на общественные реалии, избавившись от «большевистского» рыночного фанатизма первых лет. Они скорректировали свою модель мира и включили в нее – наряду с любимыми «универсальными» экономическими переменными – набор контекстуальных переменных, которые, как считалось, воздействуют на процессы в России, в том числе влияние прошлого, сложность социальных отношений и формирование глобальной экономики³¹.

«Новые либералы», пришедшие к власти в середине 90-х гг., не критиковали первую волну либерализма, пренебрегавшую социальным равенством. Так, например, типичный «новый либерал» Борис Немцов боролся с олигархами, обвиняя их в попытке управлять и манипулировать обществом. Однако Немцов не считал олигархов создателями социального неравенства и не говорил об их общественном безразличии, аморальном поведении или стремлении при

любой возможности щеголять богатством и властью³².

После прихода к власти Путина и усиления левых тенденций в официальной идеологии российские олигархи стали менее активно восхвалять неравенство. Большинство из них избегали обсуждения этой проблемы, предоставив своим идеологам найти новый, менее вызывающий способ оправдания поляризации общества. Редактор журнала «GQ» Николай Усков на русском экономическом форуме в Лондоне в 2006 г. предложил новую формулу для объяснения социального расслоения: «Нет ни правых, ни левых, есть winners (англ. «победители») и losers (англ. «неудачники»)»³³.

Безразличие либерального истеблишмента было основано – по крайней мере, так утверждали либералы – на неоспоримых теоретических принципах либерального капитализма. «Антиэгалитарные» взгляды либералов зиждились на убеждении – которое при определенных обстоятельствах было вполне оправдано, – что неравенство ускоряет экономический прогресс и является неотъемлемым атрибутом свободного общества. И наоборот, полное равенство, навязываемое людям, осуществимо лишь в рамках авторитарного или тоталитарного общества. Оно препятствует демократии и мешает эффективной работе экономического механизма.

Защищая социальное неравенство, «пионеры» приватизации в России цитировали Фридриха Хайека, который утверждал, что, даже если неравенство невозможно оправдать на основе различий «врожденных способностей», оно все же полезно хотя бы потому, что способствует росту «общего пирога»³⁴.

Александр М. Яковлев, известный юрист и бывший представитель президента в Думе, утверждал, что общество, где властвует закон, порождает неравенство в богатстве и равенство перед законом³⁵. По

всей видимости, Яковлев хочет сказать, что неравенство всегда полезно для гражданского общества.

Кульť жадности и роскоши

Обожествление денег и кульť жадности – это существенные характеристики олигархической идеологии. Эти черты можно обнаружить в любом обществе, однако поклонение богатству особенно сильно среди российских олигархов. Ни одна из групп так не интересуется своим местом в списке самых богатых людей, составляемым журналом «Forbes», как российские олигархи³⁶.

Кульť денег был связан с еще одной доктриной олигархической идеологии – утверждением, что люди имеют право на демонстративное потребление и что их не должно волновать впечатление, производимое на остальную часть общества. На страсть к роскоши, которой отдавались богатые люди после падения коммунизма, повлияли два фактора. Во-первых, это комплекс неполноценности по отношению к западным собратьям. Вторым было то обстоятельство, что жизнь советской политической и культурной элиты регулировалась разнообразными ограничениями, наложенными советским режимом. После 1991 г. богатые люди вдруг получили возможность наслаждаться роскошной жизнью наравне со своими западными собратьями³⁷. К концу 90-х гг. в идеологической идеологии появился новый «теоретический элемент» – восхваление всего «гламурного», в том числе «гламурных автомобилей», «гламурных телефонов», «гламурных платьев», «гламурных журналов», «гламурных романов» и даже «гламурной еды»³⁸.

Истеблишмент демонстрировал богатство и роскошь при помощи многочисленных торжеств, ежегодных

приемов, свадеб детей, потребления дорогих продуктов и напитков, новейших роскошных автомобилей и частных самолетов, поездок в самые дорогие казино и на зарубежные курорты³⁹. Эта демонстрация широко освещалась в новостных и других программах российского телевидения в 1992–1996 гг., а в последующий период лишь немногим меньше. На российском экономическом форуме в Лондоне в мае 2006 г. обсуждалась такая тема, как «роскошь как национальная идея России». Редактор журнала «GQ», обращаясь к самой богатой части населения, говорил о том, что в стране уже «народился целый класс «золотых воротничков», для которых потребление продукции luxury стало жизненным приоритетом». В качестве одного из аргументов он говорил о том, что любовь Путина к роскошным предметам хорошо известна⁴⁰. В 2005 г. объем рынка роскоши вырос в 3 раза по сравнению с 2000 г. и составил около 300 млрд долларов⁴¹.

Неудивительно, что новая идеология с ее неприятием равенства и безразличием к страданиям простых людей нередко помогала оправдывать роскошный образ жизни в глазах и элиты, и общества в целом. Российские средства массовой информации, в том числе «серьезные» газеты, описывали образ жизни богатых людей России без тени осуждения. Так, например, газета «Известия» опубликовала восторженный двухстраничный репортаж о жизни любовниц олигархов. Расходы олигархов на «главных любовниц» включали квартиру (450 000 долларов каждые три года), автомобиль (70 000 долларов каждые три года), повседневные расходы (120 000 долларов в год), подарки и развлечения (130 000 долларов в год) и отдых (260 000 дважды в год). Ежегодная сумма расходов оценивалась в 660 000 долларов. Расходы на «запасную любовницу» были значительно ниже – около 150 000 долларов в год⁴².

Особенно любили российские олигархи демонстрировать свою любовь к гламурной жизни на зарубежных курортах, в частности в Австрии и на юге Франции. Они отдыхали на этих курортах, справляли там дни рождения и устраивали новогодние вечеринки, нередко приглашая сотни гостей из России. Наибольшей популярностью среди российских нуворишей пользовался французский курорт Куршавель. Здесь они могли заплатить до 10 000 евро за однодневное пребывание и потратить 700 евро на бутылку шампанского, которое на этом курорте «лилось рекой»⁴³. Именно в Куршавеле в январе 2007 г. был арестован Михаил Прохоров, один из богатейших людей России; его обвинили в том, что для развлечения своих гостей он нанял проституток. После нескольких дней содержания под стражей Прохорова отпустили, но этот случай продемонстрировал всему миру, как развлекаются некоторые из богатейших людей России⁴⁴. Другой олигарх, металлургический и медиамагнат Владимир Потанин, привлек внимание международных средств массовой информации тем, что пригласил британского поп-певца Джорджа Майкла на новогоднюю вечеринку, заплатив за одночасовой концерт три миллиона долларов⁴⁵.

Еще один пример демонстративного потребления — это публичное бракосочетание олигарха Яна Абрамова и поп-певицы Алсу. Свадьбу устроили в знаменитой московской гостинице «Россия». Во время торжества гостиница была окружена шестью рядами милиции. Церемонию бракосочетания вел московский мэр Лужков, лично поставивший подпись под брачным контрактом. Своим присутствием свадьбу почтили и другие известные лица, в том числе спикер Совета Федерации Сергей Миронов, и также десятки VIP-персон. Гигантский зал, в котором проходило торжество, был украшен бесчисленным количеством цве-

тов стоимостью сотни тысяч долларов. Несколько сотен гостей угощали шампанским и икрой. В числе дорогих подарков (их охраняли шесть человек), полученных молодоженами, был автомобиль «Бентли», преподнесенный близкими друзьями⁴⁶.

Почти никто из известных российских либералов не сказал ни слова протеста против «пира во время чумы», устроенного олигархами⁴⁷. Самоуспокоенность относительно проблемы неравенства и его последствий была бы простительной, если бы страна могла похвастаться высоким уровнем жизни — или по крайней мере таким уровнем жизни, который обеспечивал «достойное» существование для тех, кто оказался «на обочине» либерального капитализма. Однако в сегодняшней России большая часть населения живет в крайней бедности.

Выводы

Олигархическая идеология была глубоко враждебна по отношению и к авторитарной, и к либеральной идеологии. Как правило, олигархическая идеология не озвучивалась ее сторонниками. О сути этой идеологии можно судить по поведению богатых людей, а также по произведениям искусства. Роль олигархической идеологии была недооценена большинством россиян, и ее критику можно было встретить лишь в марксистской и радикальной литературе. Эта идеология предполагала, что эффективно управлять страной способны лишь успешные бизнесмены. Она пренебрегала конфликтом между эгоистическими интересами правящей элиты и интересами нации. Она также оправдывала погоню за рентой и коррупцию среди чиновников, поощряла презрительное отношение к простым людям и демократии.

Королевские владения

*Тонкая грань между
государственной собственностью
и личным состоянием президента*

Введение

Ключевой характеристикой обществ раннего Средневековья было отсутствие четкого разделения между собственностью правителя («королевские владения») и собственностью других феодалов с одной стороны и государственной собственностью – с другой. Аналогичная ситуация сложилась в постсоветской России, где личное состояние президента и его контроль над государственной собственностью оказали огромное влияние на социальный и политический ландшафт страны. Концепция королевских владений имеет гораздо меньшее значение для демократического или тоталитарного общества.

В обществах с сильными феодальными элементами владения служат трем главным целям: (1) гарантируют благосостояние «семьи» и правителя после его ухода с должности; (2) обеспечивают лидера необходимыми ресурсами для сохранения власти и переизбрания; (3) позволяют правителю подкупать чиновников и законодателей при помощи разного рода

привилегий, таких как квартиры, медицинское обслуживание и отдых на курортах. В обществах феодального типа, таких как Россия, владения правителя систематически ослабляют демократические институты, даже если они продолжают играть определенную роль в обществе. В подобном обществе государственные компании, и особенно компании со смешанным капиталом (государственным и частным), являются важными источниками обогащения главы государства.

Из-за неопределенности границ между частной собственностью руководителя и государственной собственностью руководители страны склонны использовать свой пост для получения контроля над существенной долей национальных богатств. Владения главы государства, которые можно выявить в большинстве постсоветских государств, а также во многих развивающихся странах, создавались разного рода незаконными способами, и их легко использовать как основу для будущих обвинений. Концепция владений связывает понятие феодализма с Россией – в последние годы это неоднократно отмечалось российскими средствами массовой информации¹.

Амбиции руководителя в обществах со слабым государством

В демократическом обществе у руководителя нет шансов остаться на своем посту после окончания положенного срока. В тоталитарном обществе (в авторитарном не всегда) человек, достигший вершины власти, практически гарантирует себе пожизненное правление, причем для этого ему не нужно принимать никаких специальных мер. Большинство тоталитарных лидеров в истории были относительно спо-

койны за прочность своего положения. Смена лидера в независимом тоталитарном государстве, наподобие Советского Союза, Кубы или Северной Кореи, была крайне редким явлением. Смена руководителей в советских сателлитах происходила чаще, поскольку Москва могла в любой момент сместить любого лидера. За всю историю Советского Союза только Хрущев был вынужден оставить свой пост, когда в высших эшелонах власти разгорелась политическая борьба. В российском фильме «Брежнев» (2005) убедительно показано, как дряхлый генеральный секретарь, публично играющий в детские игры с голубями, был защищен от противников железной стеной легитимности. В Советском Союзе генеральные секретари укрепляли свои позиции, постепенно принижая роль политбюро. Эту задачу без особого труда решили Сталин, Хрущев, Брежнев и Горбачев, не прибегая к помощи общественных сил за пределами Кремля. При помощи политики репрессий Сталин уничтожил саму возможность участия других людей и организаций в политической жизни. Эту политику продолжили его наследники. В результате политическая жизнь в советском обществе была сведена до отношений между политбюро и генеральным секретарем. Перераспределение власти выразалось в силе влияния отдельных членов политбюро по отношению друг к другу и по отношению к лидеру.

Королевские владения в Средние века

В эпоху Средневековья королевские владения – то есть частная собственность правителя – играли главную роль в борьбе за власть. Обычно правители ставили личные интересы выше интересов нации. Эта тенденция была унаследована от первых государств

варваров, где не существовало различий между «личным» и «общественным»². В эпоху раннего Средневековья король имел личную собственность, которой управляла его свита. Понятие «*res publica*» (общественное дело), унаследованное от Римской империи, вплоть до IX века обычно игнорировалось, и граница между собственностью короля, собственностью феодалов и свободных крестьян признавалась самим королем.

Во Франции до XIV века не существовало такого понятия, как «государственные финансы», и король не нес ответственности за нужды общества – ему позволялось собирать налоги только в том случае, если «нация» находилась в состоянии войны³. Королевские владения играли важную роль в укреплении власти Гуго Капета, первого короля из династии Капетингов⁴. В конце IX века его власть распространялась только на собственные владения. Таким же было положение его наследников в следующем веке. Единственным источником их реальной власти были собственные уделы⁵. Короли использовали любую возможность, чтобы прирастить собственность, находящуюся под их непосредственным контролем. Конец слабости династии Капетингов был положен при Людовике VI, который пришел к власти в начале XII века и укрепил контроль над собственными владениями, где его слово стало законом. После того как в 1229 г. король Филипп II уничтожил еретиков в Лангедоке, он сам и его сын Людовик VIII присоединили эту часть Франции к королевским владениям. Как считает Мартин Вульф, во Франции «непосредственно перед Столетней войной королевские владения занимали практически две трети Франции»⁶.

По мнению знаменитого русского историка Василия Ключевского, московский князь Иван Калита в первой половине XIV века действовал точно так же,

как французский король. Стремясь установить контроль над всей Русью, он укреплял свою власть как московского князя и расширял свой удел, который считал личной собственностью. Он имел больше возможностей пополнять казну, чем его соперники, и использовал это как оружие для установления верховенства Москвы. Он покупал земли обедневших землевладельцев, чтобы расширить свои владения. Калита также заключал сделки с церковью и другими князьями, покупая целые города и распространяя на них свою власть. Такое использование личных средств для сохранения и расширения власти имело место на протяжении всего XIV века, но позже на смену этому методу пришли военная сила и помощь татарских хозяев Руси, для которых Калита играл роль «капо», действуя против других князей. Таким образом наследнику Калиты удалось расширить границы зарождавшегося русского государства⁷. Роль личного состояния князей в расширении их владений отмечал и другой известный русский историк, Сергей Платонов⁸.

Ситуация изменилась в XVII веке, когда Россия превратилась в полноценную абсолютную монархию. После этого цари считались конечными собственниками всех материальных и людских ресурсов. Царские владения утратили особую политическую роль, и теоретически вся страна была собственностью царя. Фернан Бродель, анализирувавший этот период российской истории, предположил, что в России было очень сильное государство, и сравнил его со «скалой посреди моря». Он писал, что «все сводилось к его мощи, сильной полиции и самопровозглашенной власти над городами, консервативной православной церковью и крестьянскими массами (которые были в первую очередь «собственностью» царя и только потом собственностью конкретного владельца)»⁹. В этом

отношении Россия отставала от абсолютных монархий Европы, где проводилась граница между собственностью короля и собственностью «остальных».

Как бы то ни было, русские цари сохраняли свои владения вплоть до свержения царизма в 1917 г. Знаменитый Ливадийский дворец в Крыму (где в 1945 г. состоялась Ялтинская конференция) принадлежал царской семье. Однако царские владения не играли никакой роли в политической жизни монархии.

Владения правителя и тоталитарное государство

В отличие от российских императоров и постсоветских президентов, советские лидеры не имели значительной собственности. Никто из их детей не унаследовал состояния, хотя все они пользовались материальными благами, пока их отцы находились у власти¹⁰. Это в полной мере относится и к Брежневу, который был равнодушен к материальным благам. Просто в Советском Союзе собственность не играла никакой политической роли. Ни один из российских правителей (ни цари, ни генеральные секретари) не использовал личное богатство для расширения политической власти.

Владения постсоветских президентов России

И Ельцин, и Путин — руководители слабого государства, в котором не исполняются законы, — сразу же после прихода к власти развернули активную деятельность, по большей части незаконную, чтобы укрепить свои позиции по отношению к соперникам, расширить свою власть и накопить личное состояние, а также начали планировать безопасный уход

из Кремля. Расширение личных владений помогло им достичь этих целей.

Президентские владения в современной России включают собственность, которая формально принадлежит президентской администрации и полностью или частично управляется ею. Кроме того, к ним относится государственная или частная собственность, захваченная членами «семьи» или отданная в качестве «подарка» частному бизнесу.

Владения Ельцина

Придя к власти, Ельцин сразу же нашел способы наполнить свои карманы. Его политика отражала знаменитый лозунг «обогащайтесь», провозглашенный Гизо, который в 1830 г. был министром в правительстве французского короля Луи-Филиппа. Главным двигателем личного обогащения Ельцина была его семья, и особенно дочь Татьяна. Один из основных методов обогащения – это продажа государственной собственности по мизерной цене олигархам, которые затем расплачивались с семьей акциями компаний, недвижимостью за границей и деньгами. Самые известные примеры подобного рода – это аукционы по продаже крупных нефтяных компаний в 1995–1997 гг., в том числе «ЮКОСа», который достался Ходорковскому.

Реальный размер материальных активов Ельцина и его семьи неизвестен, поскольку Путин, согласившись стать наследником Ельцина, обещал не обнародовать никаких сведений о них. В первом интервью в качестве действующего президента он признал, что обязан своим избранием Ельцину и что он будет относиться к Ельцину как благодарный ребенок к своим родителям¹¹. И совсем не случайно первый указ

Путина был посвящен иммунитету Ельцина и благополучию его семьи¹². О состоянии семьи Ельцина известно совсем немного, например, о существовании замка в Германии, принадлежащего Татьяне, а также о роскошном образе жизни семьи, который часто обсуждается в средствах массовой информации.

Ельцин создал собственное коммерческое предприятие – «управление делами президентской администрации», – которое участвует в разнообразных коммерческих сделках. В соответствии с президентским указом управление делами освобождено от налогов и таможенных сборов. Известная своей дерзостью газета «Московский комсомолец» опубликовала статью «Под «крышей» Бориса Николаевича: тепло и чисто», где высказывалось предположение, что Ельцин создал «самую престижную и коррумпированную коммерческую фирму в стране»¹³.

Как и в раннем Средневековье, когда власть опиралась больше на личные отношения, чем на законы, в России близкие к президенту люди не являлись представителями нации. Такие фигуры, как Александр Коржаков, Михаил Барсуков или Павел Бородин («дворецкий» Кремля), не были подотчетны парламенту или правительству. То же самое происходило во Франции в начале Средневековья, когда домоправитель короля, или *majewedome*, был главной фигурой королевского двора.

Ельцин служил «крышей» (защитой) сотням людей в его администрации. Если бы он лишился власти, эти люди подверглись бы преследованиям. Часть из них, возможно, смогла бы найти другую «крышу» в случае падения президента (так поступали некоторые вассалы в периоды кризиса в Средние века), но большая часть ближнего круга Ельцина рассматривала угрозу президентской власти как угрозу своему благополучию. По этой причине они делали все, что-

бы продлить правление Ельцина, и оставались безразличными к национальным интересам.

Владения Ельцина как источник физической безопасности

В эпоху Ельцина государственная машина была настолько неэффективной и ненадежной, особенно после событий октября 1993 г., когда Ельцин использовал танки в борьбе против парламента, и поэтому президент создал собственную службу безопасности. Эта структура представляла собой часть его владений. В прошлом охраной главы государства занимался КГБ. Ельцин нарушил эту традицию и создал сеть агентств безопасности, подчинявшихся только ему. Он организовал службу кремлевской охраны и назначил ее главой личного друга Александра Коржакова¹⁴. Ельцин также контролировал Главное управление охраны Российской Федерации. Этот орган не подчинялся никаким формальным (законным) правительственным структурам. Более того, в августе 1995 г. Ельцин издал указы, которыми выводил три силовых министерства – обороны, внутренних дел и федеральную службу безопасности – из подчинения правительству и подчинял президентской администрации. Московские газеты единодушно восприняли этот указ как антиконституционный переворот.

Владения и борьба Ельцина за власть

Как только Ельцин достиг вершины власти, высшим приоритетом для него стали личные интересы. Личные мотивы Ельцина и его стремление сохранить власть любыми средствами часто недооценивались московскими обозревателями в некоторые ключевые моменты его правления, в частности, во время жесткого противостояния с парламентом в 1993 г., при

фальсификации президентских выборов в 1996 г. и во время приватизации нефтяных компаний. Лишь немногие авторы говорили о ключевой роли личных интересов в самых важных решениях Ельцина¹⁵. Как отмечал Виталий Третьяков, Ельцин выражал серьезную озабоченность жизнью страны только тогда, когда это имело отношение к сохранению его власти¹⁶. Ельцин использовал деньги, полученные от личных владений, на подкуп членов парламента, и этот маневр спас его от импичмента. Он также использовал деньги, чтобы добиться переизбрания в 1996 г.

Владения Путина

Владения Путина оказались совсем не похожими на владения Ельцина. Не подлежит сомнению, что собственность кремлевской администрации продолжала играть центральную роль в политике. Как и в прошлом, Кремль был глубоко вовлечен в коммерческую деятельность, в том числе в сделки по использованию недвижимости и продаже государственных земель. Доход от этой деятельности не контролировался Думой или любым другим регулятивным органом.

Однако в отличие от эпохи Ельцина, при Путине не было прямого присвоения государственных активов; «семейная собственность» Путина играла гораздо меньшую роль, чем в случае с Ельциным. Тем не менее, начиная с 2003–2004 гг., критики Путина все чаще обвиняли его в умножении личной собственности. Как в классическом случае, он расширял свои владения, стирая границу между личной собственностью и собственностью Кремля. Ярким примером таких действий может служить приобретение огромной яхты «Олимпия» стоимостью 50 млн долларов, которая формально принадлежит кремлевской администрации. Имя реального

владельца яхты остается предметом домыслов, хотя большинство критиков Путина склоняются к версии, что судно – это подарок олигарха Абрамовича своему «другу». Критики были уверены, что Путин единственный человек, имеющий доступ к яхте. Разумеется, никто не знает, что будет с судном, когда Путин покинет свой пост¹⁷.

Самый главный источник владений Путина – это его личный контроль над крупными нефтяными и газовыми компаниями. Гигантская газовая компания «Газпром» и нефтяная компания «Сибнефть», а также несколько связанных с ними фирм со всеми их финансовыми ресурсами находятся под полным контролем Путина и его близкого окружения. Видный экономический аналитик Юлия Латынина при обсуждении обстоятельств, окружающих аукцион по продаже нефтяной компании «Юганскнефтегаз» (значительная часть «ЮКОСа») в 2005 г., не могла не указать на участие президента в этой полукриминальной сделке и на использование им приемов КГБ¹⁸. Бывший чемпион мира по шахматам и активист либерального движения Гарри Каспаров приписывал атаку правительства на оператора мобильной связи «Вымпелком» интригам конкурирующей компании «Мегафон», которая была «тесно связана с мистером Путиным»¹⁹. Многие россияне уверены, что Путин держит деньги на зарубежных счетах²⁰. Политолог Станислав Белковский относится к тем аналитикам, которые утверждают, что накопление личного богатства было главной целью президентства Путина²¹.

Собственность через доверенных лиц

Как указывалось выше, в отличие от Ельцина, Путин расширял свои владения не с помощью семьи, а с помощью доверенных лиц – людей из Петербурга, в большинстве своем чекистов, которые стали чле-

нами советов директоров ведущих монополий по добыче нефти и газа, в электроэнергетике и на железнодорожном транспорте. При Ельцине важную роль в его владениях играли две дочери президента и их мужья, тогда как дочери Путина были еще подростками и оставались далеки от политики.

Бывший экономический советник Путина Андрей Илларионов, знающий функционирование Кремля не понаслышке, после своей отставки рассказывал о происходящих там процессах. Вместо термина «владения» он использовал слово «корпорация», чтобы описать способ обогащения кремлевских чиновников. По мнению Илларионова, эта корпорация рассматривает всю страну, и особенно экономику, как свою собственность²².

И действительно, как указано в разделе экономики одной из уважаемых российских газет, восемь человек (семь кремлевских чиновников и президент) «контролируют капиталы, равные почти трем годовым бюджетам России, а остальные деньги, вернее, их владельцы, к ним лояльны настолько, что могут отдать почти все по первому зову»²³. Заместитель премьер-министра Дмитрий Медведев является председателем совета директоров «Газпрома» (оценивается в 30,1 млрд долларов). Заместитель главы президентской администрации Игорь Сечин является главой «Роснефти» (стоимостью 57 млрд долларов), а еще один заместитель, Владислав Сурков, занимает должность председателя совета директоров компании «Транснефтьпродукт» (стоимостью 400 млн долларов). Три помощника президента – Игорь Шувалов, Виктор Иванов и Сергей Приходько – контролируют компании стоимостью 2,29 млрд долларов, 2,19 млрд долларов и 1,2 млрд долларов соответственно. Помощник Медведева Евгений Школов возглавляет компанию стоимостью 4,1 млрд долларов²⁴.

Один из способов приобретения прямого контроля над прибыльными компаниями и использования их прибылей на личные цели – это новый тип национализации, при котором государственная компания превращается в компанию со смешанной собственностью (государству в ней принадлежит только часть, а остальное – частным лицам). Это открывает людям Кремля доступ к государственным активам. Именно это произошло в 2005 г. с «Роснефтью»²⁵. Кремлевские владения (или «корпорация», если воспользоваться термином Илларионова) включают не только энергетический сектор, но и влияют на большинство крупных компаний страны. Используя государственный аппарат, налоговое давление, милицию и суды, «корпорация» наказывает одни компании и помогает другим. Когда Кремлю требуются деньги, он облагает бизнес незаконными налогами. Так, например, у частного бизнеса Петербурга было изъято 300 млн долларов на реставрацию Константиновского дворца, где в 2006 г. проходила встреча глав государств G8.

Выводы

Частная собственность (владения) правителя играет важную роль в тех обществах, где сильны феодальные элементы. Как было показано в этой главе, владения руководителя были особенно важны в постсоветской России и некоторых других постсоветских республиках. Известно, что лидеры некоторых постсоветских государств, в том числе Назарбаев, Акаев, Шеварнадзе, Ниязов и Алиев, обладали огромными состояниями и что их владения в значительной мере определяли их действия и общий политический климат в этих странах. Однако ключевая роль владений правителя проявляется и за пределами бывшего Со-

ветского Союза, особенно в африканских и азиатских странах.

В России владения руководителя использовались в основном для достижения политических целей и поэтому были несовместимы с демократическими институтами и делали невозможной реальную борьбу с коррупцией. Как предположила Юлия Латынина, Путин не стал решать проблему коррупции в стране, потому что сам глубоко увяз в ней. Вынужденные защищать свои владения, постсоветские лидеры не терпели свободных и честных выборов и всегда ограничивали независимость парламента с его комитетами. Темное происхождение владений заставляет лидеров как можно дольше оставаться у власти или назначать наследника, который гарантирует им иммунитет и защитит личное состояние.

Местные бароны после краха Советского Союза

Идеология и практика (1989–1996)

Введение

Особенности периода, последовавшего за крахом Советского Союза, и особенно отношения между слабой центральной властью и местными баронами, могут быть объяснены при помощи феодальной модели. В советский период могущественное государство контролировало каждый регион и каждую национальную республику. После 1991 г. ситуация резко изменилась, и большинство губернаторов и президентов республик питались освободиться от власти Москвы. События в России в первой половине 90-х гг. очень напоминали то, что происходило в Западной Европе после падения империи Каролингов. Феодальная модель почти идеально объясняет борьбу между центрами и провинциями за собственность, налоги и таможенные сборы, а также другие процессы этого периода, такие как распространение бартера, появление местной валюты и отчуждение провинциалов от столицы, что усиливало их враждебность и презрение к Москве.

Еще до революции, во второй половине XIX века, предпринимались попытки (особенно в Сибири) формирования некой региональной идеологии («областничество»). В результате возникло мощное общественное и культурное движение, которое выдвигало на первый план особенности отдельных российских регионов и пропагандировало местные обычаи и культуру. Наиболее активных участников этой идеологической кампании называли «сепаратистами», и они подвергались преследованиям со стороны царского правительства, однако региональная идеология продолжала играть важную роль в культурной жизни некоторых российских регионов вплоть до Октябрьской революции.

Во время Гражданской войны центральная власть ослабла, а сепаратистское движение и региональная идеология обрели новую жизнь. Некоторые регионы объявили себя независимыми «республиками» – например Сибирь и Калуга. Сама Москва выступала инициатором создания «независимых республик», если была не в состоянии контролировать данную территорию; примером тому служит Дальневосточная республика. До поры до времени Кремль был вынужден терпеть «независимость» местных властей, которых раздражало прямое вмешательство центра в жизнь их регионов.

Однако после того, как большевики укрепили свою власть, любая попытка установить региональную автономию или пропагандировать региональную идеологию жестоко подавлялась. Массовый террор середины 30-х гг. полностью уничтожил региональную идеологию и подавил любые действия, связанные с той или иной формой сепаратизма. *Местничество*

считалось серьезным политическим преступлением. Это означало, что тот, кто обращал внимание на местные проблемы, демонстрировал тем самым пренебрежение национальными интересами и мог очень быстро оказаться в ГУЛАГе. Сталин рассматривал местный сепаратизм как одну из угроз советской системе.

Против местных чиновников, заподозренных в попытках отделиться от центра, устраивались провокации, что, как правило, заканчивалось жестокими репрессиями. В конце 40-х гг. руководство Ленинграда стало жертвой провокации, организованной Кремлем. Сталин обвинил партийных руководителей городского и районного звена в том, что они организовали всероссийскую ярмарку без разрешения союзного правительства. Кремль открыто обвинил некоторых руководителей Ленинграда в сепаратизме. В решении политбюро было сказано, что они пытались вбить клин между Центральным Комитетом и ленинградской организацией и тем самым отделить организацию от остальной партии¹.

Все высшие руководители Ленинграда и еще 200 партийных деятелей были уволены и исключены из партии. Многие из них были расстреляны, а остальные отправлены в тюрьму. Городскую партийную организацию подвергли чистке, в результате которой пострадали тысячи коммунистов.

После смерти Сталина областничество стало медленно возрождаться – в основном в сфере культуры, литературы и так называемого *краеведения* (изучения местного фольклора), а затем и в виде публикаций по истории регионов. Тем не менее советские идеологи зачастую враждебно относились к невинным публикациям, требуя от их авторов писать, к примеру, не о «сибирской литературе», а о «месте Сибири в советской литературе».

В советские времена роль региональных руководителей (первых секретарей областных или республиканских комитетов Коммунистической партии) соответствовала тоталитарной модели. Они были полноправными хозяевами своих регионов, но должны были неукоснительно выполнять указания Москвы и почти не имели свободы действий. Несмотря на то что в глазах подчиненных и наделением региона первый секретарь выглядел влиятельным лицом, он не мог действовать самостоятельно ни в одном вопросе внутренней или внешней политики. У него даже не было свободы в интерпретации политических директив. В случае любых сомнений он должен был консультироваться с центральным комитетом. Во время главных политических кампаний в сталинские времена и позже все секретари партии строго следовали указаниям Москвы относительно числа крестьян, которые должны записаться в колхозы в период коллективизации, а также приблизительного числа «врагов народа», которых следовало арестовать в данном регионе. Разумеется, превышение этих политических ориентиров благосклонно воспринималось Кремлем — хотя и не всегда.

Власть партийного секретаря была также ограничена в том, что касалось подбора кадров. Второй секретарь, другие члены регионального комитета партии, председатель исполкома Совета, главы региональных отделений КГБ и Министерства внутренних дел, прокурор и директора крупных предприятий союзного значения — все они назначались Москвой как номенклатура Центрального Комитета. Однако с остальной армией чиновников первый секретарь регионального комитета партии делал все, что хотел: назначал на должности, увольнял, переводил на другое место. Нередко в послужном списке местного номенклатурного работника были должности руко-

водителей промышленных предприятий, торговых организаций и учреждений культуры. Повседневная жизнь высших региональных руководителей была организована по тем же принципам, что и в столице.

Центральная власть и руководство на местах во время перестройки

После начала перестройки в 1985 г. и постепенного ослабления центральной власти страна вступила в длительный период децентрализации, который лучше всего описывается феодальной моделью. В это время центральные власти постепенно утрачивали абсолютный контроль над страной, а местные партийные руководители все больше уподоблялись средневековым баронам. Они колебались между требованием полной автономии или даже независимости и поддержкой идеи сильного центра для защиты и сохранения порядка в обществе. В то же время руководитель страны, подобно феодальному королю борющийся с соперниками в столице и провинциях, также разрывался между ослаблением его власти и необходимостью привлечь союзников из числа местных баронов.

В 1988 г. 19-я партийная конференция ярко продемонстрировала, что местные руководители явно хотят использовать процесс демократизации и ослабления Кремля для усиления собственной автономии. Они игнорировали явно негативные последствия децентрализации для будущего страны. Их критика центральных властей была такой же резкой, как и нападки на средства массовой информации. Партийные чиновники на местах рассматривали министерства и московскую прессу как врагов, способных ограничить их власть и возможность принимать самостоятельные решения.

Когда Горбачев боролся с оппонентами в Москве, он пытался опереться на местных бюрократов, которые поддерживали бы его в борьбе против сталинистов, видевших в децентрализации путь к анархии и распаду империи. Однако после демонтажа советской системы местных аппаратчиков волновала не столько их автономия, сколько судьба тоталитарного государства. В июле 1990 г. на последнем съезде партии почти все они выступили против Кремля. С этого момента конфликт между ними и генеральным секретарем постепенно усиливался. И совершенно естественно, что в августе 1991 г. во время путча, направленного против Горбачева, а также в процессе последующих реформ местные партийные аппаратчики почти безоговорочно поддерживали консерваторов. Тем не менее партийные секретари регионов не имели опыта независимой политической деятельности, и поэтому лишь немногие из них набрались смелости открыто поддержать путч. Почти все выжидали, кто победит в схватке, прежде чем заявить о своей позиции.

Триумф региональной идеологии при Ельцине

Антикоммунистическая революция 1991 г. и победа либералов ускорили процесс децентрализации. Существенную роль в этом процесс играли два фактора: объективные изменения в стране и попытки местных элит, используя идеологические аргументы, расширить свою власть за счет центра.

Децентрализацию ускорил не только сам распад Советского Союза, но и многие другие события периода 1991–1995 гг. Резкое падение уровня жизни и очевидная неспособность центральной власти предотвратить это стали основой популярности идей регионализма среди россиян, живущих в провинциях. Эти

процессы напоминали то, что происходило во время распада Римской империи, когда местные правители вдруг стали нести ответственность за выживание населения. В те годы миллионы россиян не получали зарплату, а астрономическая инфляция съела все их сбережения. В этих условиях региональные лидеры объявили себя спасителями страны. Они стали поощрять бартерные сделки, чтобы прокормить население своих регионов. Правительства некоторых регионов начали выпускать собственные деньги, заключали торговые соглашения с другими регионами и даже иностранными государствами.

Идеологическая борьба после распада Советского Союза также внесла свой вклад в усиление феодальных тенденций. И действительно, призывы к расширению прав регионов соответствовали демократической идеологии, доминировавшей в Кремле в 1992–1993 гг., и отвечали интересам региональных лидеров, пришедших к власти после 1991 г.

Как и любая другая идеология, региональная идеология была сформулирована и продвигалась элитами – в основном местными элитами, а также некоторыми либеральными политиками, которые видели в регионализме союзника в борьбе против тоталитарного государства. Региональная идеология была тесно переплетена с националистической идеологией республик с преобладанием нерусского населения, которая в этот период набирала силу во всех национальных республиках, особенно в Татарстане, Башкортостане и Чечне.

Действительно, удар либеральной идеологии был направлен против тоталитарного государства, которое по определению является в высшей степени централизованным. По этой причине в российских условиях атака на тоталитаризм поощряла региональную идеологию. В этот период идеология выдвигала

на первый план негативную роль централизованного государства и даже государства вообще. Демократы относились к Советскому Союзу как к тоталитарному государству, не учитывавшему интересы регионов.

В этот период одним из самых убедительных аргументов в пользу регионализации служило обвинение, что центр поражен бюрократизмом, безволием и некомпетентностью, что сковывает развитие регионов. Вырождение и коррупция московских политиков, а также общее моральное разложение москвичей – эти доводы присутствовали практически в каждой речи, защищавшей регионализм.

Региональная идеология того времени предполагала, что не только центр не способен эффективно управлять страной, но и что региональные лидеры, объединив усилия, смогут сохранить целостность страны². Представление о централизованном российском государстве сменила идея о Российской Конфедерации. В 1991–1995 гг. некоторые региональные руководители выступали как выразители интересов не только своих регионов, но и страны в целом. Защитники региональной идеологии различались по взглядам на уровень автономии. Некоторые были готовы удовлетвориться скромным уровнем свободы в незначительных вопросах местного значения. Как правило, это были элиты экономически слабых регионов, получавших дотации из центра. Другая группа, представлявшая экономически развитые регионы, и особенно крупные национальные республики, выступала за полную независимость от Москвы.

Сторонники региональной идеологии были едины в критике центра, но расходились во взглядах на управление регионами. Регионалисты с либеральными взглядами настаивали на самостоятельных правительствах регионов и честных выборах губернаторов и местных парламентов. Девиз «демократия и

централизм несовместимы» превратился в главный боевой клич для многих регионалистов. Ссылки на опыт Запада, и особенно на автономию американских штатов и немецких земель, были обязательным дополнением к любому идеологическому оправданию регионализации. Либеральные регионалисты поддерживали либеральные реформы, которые пытался проводить режим Ельцина в 1992–1995 гг. Они также выступали за политические реформы, в том числе свободу средств массовой информации. В начале 90-х гг. бастионами либерального регионализма считались Нижний Новгород и Екатеринбург³. Регионалисты с авторитарными взглядами хотели, чтобы их территории управлялись точно так же, как в Советском Союзе. В большинстве своем они были врагами либеральных реформ и желали сохранить советские порядки в своих регионах.

Региональную идеологию 90-х гг. критиковали приерженцы сильной центральной власти (в большинстве своем коммунисты и националисты), а также некоторые демократы, которые видели в местных элитах врага либеральных реформ. Противники регионализации отвергали идею о полезности роста региональной бюрократии. Они указывали, что эта бюрократия становится еще более неуправляемой и жадной, чем центральное правительство. Для них регионализация означала усиление бюрократии и существенное ослабление защиты личных свобод. Критики регионализации также утверждали, что без сильной центральной власти, которой подчиняются армия и правоохранительные органы, государство не сможет достичь поставленных целей, поддерживать порядок и единство и защитить страну от внешних врагов.

Еще одним влиятельным фактором, толкавшим страну к феодализации, был конфликт внутри правящей политической элиты. И действительно, пик регионализма пришелся на начало 90-х гг., когда Ельцин, пытавшийся укрепить свою власть в Кремле, всемерно поощрял региональную идеологию, что в конечном итоге привело к тому, что многие регионы объявили себя независимыми республиками – этот шаг угрожал самому существованию Российской Федерации⁴.

В борьбе против центральной власти в последние годы перестройки, когда советское централизованное государство еще оставалось относительно сильным, Ельцин действовал как типичный феодальный король, ища союзников в регионах. Он поощрял каждую национальную республику, особенно Татарстан и Башкортостан, а также чисто русские регионы, входящие в состав Российской Федерации, брать как можно больше суверенитета, о чем ему пришлось пожалеть всего лишь год спустя. Чувствуя себя неуверенно в кресле хозяина Кремля после распада Советского Союза в 1991 г., Ельцин продолжал искать поддержки у местных элит.

Тон этим шагам по пути феодализации задавали национальные республики, вытягивавшие из Кремля разнообразные привилегии, особенно в том, что касалось доходов от налогов и субсидий. Эти особые привилегии, которыми пользовались национальные республики, стали главным аргументом региональных элит, выступавших за повышение статуса их регионов. Такая тактика использовалась для давления на центр, а также для того, чтобы убедить местное население поддержать элиты в их противостоянии с Москвой.

В начале 1992 г. один регион за другим начали требовать расширения своего условного суверенитета. Вскоре стало ясно, что усилия регионов, направленные на расширение автономии, граничат с сепаратизмом, что было расценено как самая серьезная угроза единству России.

По примеру национальных республик этнические регионы России начали отменять или игнорировать принятые парламентом законы, президентские указы, решения Конституционного суда и распоряжения правительства. Региональные элиты, особенно национальные, демонстративно принимали законы, противоречащие Конституции, брали под контроль правоохранительные органы, поддерживали связь с воинскими частями, дислоцированными на данной территории, вводили таможенные пошлины на товары, ввозимые из других регионов страны, печатали региональные деньги, использовали бартер как основную форму межрегиональных экономических отношений и поддерживали связи с другими странами. В определенном смысле региональные элиты обладали большей властью, чем в советские времена, потому что простые люди больше не имели возможности жаловаться в Москву, как это было в Советском Союзе. Региональные элиты получили свободу в манипулировании выборами, в контроле над средствами массовой информации и в поддержании связей с криминальными структурами.

Феодалная борьба за налоги и собственность

Как и в эпоху Средневековья, особую важность приобретала борьба между центром и регионами за до-

ход от налоговых поступлений. После 1991 г. требование перераспределения налогов превратилось в один из центральных элементов регионалистских программ. Регионы, и особенно так называемые доноры (экономически развитые регионы), требовали радикального снижения доли налогов, отдаваемой в центр. Экономически слабые регионы, зависевшие от субсидий из центра, были гораздо менее агрессивными в этом отношении. Сильные регионы были готовы отказаться от централизованных субсидий, которые обычно были меньше, чем суммы, направляемые из региона в центр. В 1993–1995 гг. некоторые регионы достигли значительных успехов в борьбе за финансовую независимость.

В конечном счете часть регионов (Волгоград, Ярославль, Самара, Красноярск, Алтай и некоторые другие) либо прекратили платить налоги в федеральную казну, либо значительно уменьшили их размер⁵. К середине 1993 г. 30 регионов вовремя не уплатили налоги в федеральный бюджет⁶. В этой налоговой войне наиболее агрессивными были национальные республики. В 1993 г. Чечня, Татарстан и Тува практически перестали перечислять налоги в центр⁷. В этом же году власти Красноярска решили подать в суд на Москву за несколько принятых законов, возлагавших дополнительные расходы на бюджет региона — по мнению местных властей, эти расходы должен был нести центр.

Еще одним объектом споров между центром и регионами была собственность. Как только процесс регионализации сделал первые шаги, местные элиты поставили перед Москвой вопрос о региональной собственности. Элиты национальных республик категорически потребовали расширения контроля над средствами производства в своих регионах. В 1991–1992 гг. национальные республики значительно расширили

список производственных предприятий, находящихся под их юрисдикцией. Если в Советском Союзе от 80 до 90% всех предприятий в республике подчинялись союзным министерствам, то в 1993–1995 гг. от 60 до 70% предприятий контролировались местной, республиканской властью⁸. Русские и особенно национальные регионы также стремились добиться от центра разнообразных «исключений». Так, например, они требовали (и во многих случаях получали) экспортные привилегии, прибыль от которых оставалась в регионах. Иркутск, например, потребовал специальные квоты на экспорт древесины, а Тюмень получила нефтяные и газовые концессии. Многие другие регионы, такие как Калининград, Архангельск, Кемерово, Екатеринбург, Мурманск, Челябинск и Чита, также требовали квот на экспорт своей продукции⁹. (Более подробно этот вопрос будут обсуждаться ниже.)

Альянсы местных баронов: еще один феодальный элемент

Как и в Средние века, находящийся у власти Ельцин был вынужден терпеть, когда региональные бароны объединялись против центрального правительства. Центр даже формально поддерживал Ассоциацию губернаторов и Сибирское соглашение, несмотря на то что эти объединения были враждебны Москве. Во многих уголках России возникали разнообразные объединения региональных политиков. В одних случаях это были довольно прочные и однородные группы, в других образования получались неустойчивыми. Среди многочисленных объединений можно назвать такие организации, как Союз российских городов, Союз северных городов, Ассоциация регионов и республик Урала, дальневосточная реги-

ональная ассоциация с центром в Москве, Северо-запад в Санкт-Петербурге, Центральная Россия, Ассоциация регионов Центральной России со штаб-квартирой в Белгороде. Сибирское соглашение с центром в Новосибирске. Ассоциация территорий и районов Северного Кавказа с центром в Ростове-на-Дону, Великая Волга в Самаре, Уральская региональная ассоциация с центром в Екатеринбурге и Ассоциация восточных территорий с центром в Хабаровске. К концу 1995 г. активно действовали восемь межрегиональных организаций¹⁰.

С восстановлением президентской власти после выборов 12 декабря 1993 г. активность межрегиональных организаций практически сразу же уменьшилась. Он забыли о своем ультиматуме Москве, который не побоялись выдвинуть всего лишь несколько месяцев назад¹¹.

Призывы к сепаратизму

Местные элиты всегда стремились к большей независимости от Москвы. В 1991–1993 гг. региональные власти продолжали жаловаться, как и в прежние времена, что они лишены «реальных рычагов власти» — именно так выразился глава Волгоградской областной администрации Иван Шабунин в 1993 г. В этот период многие регионы принимали свои уставы и конституции, о которых даже не упоминалось в Конституции Российской Федерации.

Некоторые региональные лидеры — например, председатели челябинского и алтайского советов в 1993 г. — объявили, что имеют право отменять действие любого указа президента на своей территории. Кроме того, в начале 1993 г. политические партии Кузбасса обсуждали проект регионального устава, где,

помимо всего прочего, объявлялись законными политические забастовки, направленные против властей в Москве. Дальнейшие события помешали некоторым местным политикам реализовать эти планы, но отношения между центром и регионами радикально изменились. В том же году стало нормой слышать и читать о том, что регионы требуют отделения от России и даже создания независимых республик. Лидерами в этом отношении были Сибирь и Дальний Восток. Конференции, созванные для обсуждения регионального сепаратизма, отражали современный политический ландшафт новой России. Одно из таких собраний, Конгресс депутатов сибирских регионов, проводилось в Красноярске в марте 1992 г. Федеральному правительству, по всей видимости, эти конференции не причиняли беспокойства.

В 1991–1992 гг. на периферии сложилось впечатление, что Москва не обладает должной политической властью и что единственный способ спасти регионы – передать всю полноту власти в руки местных элит. Как утверждал Валентин Федоров, который в то время был губернатором Сахалина, государство разрушилось, и если осталась хоть какая-то власть, то она находится в руках местных администраций. Иностранцы уже поняли это и хотят иметь дело не с центральным правительством, а с региональными властями¹². Другой известный идеолог регионализма, Эдуард Россель из Екатеринбурга, создал движение «Преобразование России», в основе которого лежала идея, что прогресс в России будет возможен только в том случае, если ведущей политической силой в стране станут регионы.

Не встречая активного сопротивления Москвы, регионы с усиленной энергией – особенно после марта 1993 г. – стали нащупывать границы своей автономии. Летом 1993 г. статья одного из московских обозревателей, озаглавленная «Броуновское движение в России», начиналась словами о том, что в июле российские регионы окончательно перестали подчиняться центральным властям¹³.

Как основные участники составления проекта новой конституции региональные лидеры предъявляли Ельцину один ультиматум за другим и угрожали бойкотом и разрушением конституционного процесса, если не будут выполнены их требования равного с национальными республиками статуса. Появление в период 1989–1992 гг. восьми межрегиональных союзов, явно враждебных Москве, также указывало на усиление регионализации в России.

Зимой и весной 1992–1993 гг. несколько регионов проверяли, как далеко они могут зайти. Ведущей силой регионализма была Сибирь (один из регионов, где возникло местничество). Так, например, в этот период в Томске несколько регионалистов разработали проект конституции Томского региона, вдохновленный сторонниками *областничества* с его идеей независимости Сибири¹⁴. Статья в одном из сибирских периодических изданий обличала «русский империализм» и призывала к созданию «Сибирской Федеративной Республики» как «лучшего цветка из сотни цветов независимых государств», которые возникнут на территории России¹⁵. В Томске, который считался духовной столицей сибирского регионализма, появление «партии независимости Сибири», во главе которой стоял Борис Перов, ничуть не удивило россиян.

В 1993 г. несколько регионов, как русских, так и национальных, объявили, что не будут участвовать в общероссийском референдуме о доверии президенту и парламенту, а также в обсуждении других вопросов, жаркие споры о которых велись с конца 1992 г. В результате этих и других событий несколько регионов действительно не позволили своим жителям участвовать в референдуме в апреле 1993 г.

Идея создания республик на основе унификации нескольких регионов возникла еще в 1992 г., но достигла наивысшей точки своего развития только в 1993 г. Несколько российских регионов, представленных политиками разного ранга, в той или иной форме объявили о намерении повысить статус региона до статуса республики. Новая волна событий поднялась 14 марта 1993 г., когда Вологда, сельскохозяйственный регион неподалеку от Белого моря, объявила «городу и миру», что хочет стать независимой республикой в составе России. Тем не менее это смелое заявление вологодских властей было проигнорировано Москвой, и «республика» постепенно испарилась из общественного сознания. Однако последующие события показали, что сама идея не исчезла совсем.

По нескольким регионам пронесли разного рода эпидемии — нечто вроде регионалистского эффекта домино, который распространялся, по всей видимости, без консультаций с президентом и другими центральными органами власти, а также без объявления регионами своего нового политического статуса или намерения сделать подобное заявление в ближайшем будущем. Новые республики росли, как грибы. В европейской части России появилась Поморская республика с центром в Архангельске, Центральная российская республика с центром в Оле, якобы объединявшая 11 областей, Ленинградская республика с центром в Санкт-Петербурге и городская республика

Санкт-Петербурга, получившая название «Республика Нева». На Урале это были Уральская республика с центром в Екатеринбурге и Южноуральская республика с центром в Челябинске. В Сибири речь шла о Сибирской республике с центром в Новосибирске и Восточносибирской (или Енисейской) республике с центром в Иркутске. На Дальнем Востоке появилась Приморская республика с центром во Владивостоке. Из всех этих образований политическое развитие получила только Уральская республика и в определенной степени Вологодская республика.

Ни один местный лидер, московский теоретик или юрист, в том числе близкий к Кремлю, не воспринимал эту тенденцию всерьез вплоть до лета 1993 г. Один из них, Сергей Алексеев, написал статью «Провинция хочет свободы: не драматизируйте создание региональных республик». Алексеев утверждал, что с увеличением числа республик, таких как Среднерусская, Московская, Уральская, Сибирская и Приморская, станет возможным процветание русского народа¹⁶.

Москва как феодальное поместье

После антикоммунистической революции Москва занимала двойственное положение в российском государстве. Город явно утратил доминирующее положение как столица централизованного тоталитарного государства. Провинция больше не уважала Москву, которая превратилась в объект ненависти и презрения. В то же время в Москве по-прежнему располагалась центральная власть, обладавшая огромной политической и финансовой силой. Эти обстоятельства обусловили ожесточенную борьбу за контроль над ресурсами в столице – как в средневековом Лондоне или Париже. В 90-х гг. в результате ослабле-

ния центральной власти Москва превратилась в подобие феодального поместья, которое могло противостоять Кремлю.

После 1991 г. Москва была не только столицей России, но также главным полуфеодальным помещением, управляемым Юрием Лужковым. В 90-х гг. он правил городом при помощи сети вассалов (то есть глав городских районов и высокопоставленных московских чиновников), превратив московский парламент в инструмент личной власти¹⁷. Послушные суды всегда выступали на стороне Лужкова, кем бы он ни выступал в деле, обвиняемым или потерпевшим. Лужков и его свита соединяли политическую власть с прямым контролем над огромной муниципальной собственностью, к которой относились банки и автозаводы. Лужков поддерживал близкие отношения с несколькими олигархами (среди них был Владимир Гусинский, владелец «МОСТ-банка») и политическими союзниками из числа элиты, доминировавшей в Государственной думе. Он также контролировал средства массовой информации при помощи таких газет, как популярный «Московский комсомолец», где его действия освещались только в позитивном свете¹⁸. Обладая огромными административными и финансовыми ресурсами, Лужков, подобно губернаторам многих областей, мог обеспечить свое переизбрание с гораздо большим запасом, нежели должностные лица в демократических странах Запада¹⁹.

Попытка обуздать феодализацию

Политика центральной власти в России по отношению к регионам была двойственной и нерешительной – как в средневековой Франции. Наблюдая за центробежными процессами и враждебностью регио-

нальных властей к Ельцину во время неудачной попытки путча в августе 1991 г., Кремль сразу же принял шаги для подавления регионализма на местах, надеясь остановить его рост. Одним из первых шагов в этом направлении был президентский указ, одобренный российским парламентом 1 ноября 1991 г., согласно которому Кремль получал право назначать глав администраций, что было встречено в штыки местными Советами.

В последующие годы Ельцин пытался как можно дольше сохранить за собой право назначать глав администраций и губернаторов, несколько раз откладывая их выборы. Однако он не возражал против президентских выборов в национальных республиках, и этот факт возмущал местную элиту во многих российских регионах. И лишь летом 1995 г. было разрешено провести выборы губернаторов, сначала в Свердловске, а затем и в других регионах.

Еще одной мерой противодействия усиливающейся автономии местных властей было создание в 1992 г. должности «представителя президента» в регионе. Эти чиновники надзирали за надлежащим исполнением законов и распоряжений Москвы в регионах.

Несмотря на усилия восстановить власть центра, Кремль почти ничего не сделал для обуздания дерзости региональных лидеров, и особенно глав местных советов, которые были избраны народом и считали себя практически независимыми от Кремля. Они оказывали сопротивление — как правило, успешно — действиям губернаторов, президента и правительства. В прессе появились многочисленные статьи, описывающие конфликты между разными ветвями власти в регионах.

Если на первом этапе (1990–1991) феодализация в России подпитывалась борьбой за власть между Горбачевым и Ельциным, то в последующие годы (1992–1993) ее стимулировал новый конфликт среди элит, на этот раз между либералами во главе с Ельциным и парламентом, во главе которого стояли коммунисты. В 1992–1993 гг. осью политической жизни было столкновение между исполнительной и законодательной ветвями власти. И действительно, пик феодализации России пришелся именно на это противостояние. Наиболее тесная параллель из истории Средневековья – это борьба между германским императором и католической церковью. Подобно российскому парламенту, церковь могла поставить под сомнение легитимность главы государства.

В этот период жестокая борьба между парламентом и Кремлем сыграла на руку региональным лидерам, подняв их статус – даже вопреки их желанию. Президент и другие высокопоставленные чиновники начали созывать разнообразные совещания, чтобы «проконсультироваться» с местными руководителями, которые, подобно председателю Верховного совета Карелии Виктору Степанову, вели себя все более и более независимо по отношению к Москве.

Председатель парламента Руслан Хасбулатов и вице-президент Руцкой, возглавившие оппозицию Ельцину в 1993 г., тоже активно искали поддержку регионов в своей политической борьбе с центром. Во время визита в Восточную Сибирь в конце 1992 г. Руцкой потребовал для российских регионов таких же прав, как и для национальных республик. Хасбулатов также ездил по стране, принимая участие в разных встречах и делая все возможное, чтобы зару-

читься поддержкой местных элит. На одной из таких встреч (конференция депутатов всех уровней, от районных советов до Верховного совета всей Федерации) в июне 1993 г. он поощрял местные советы противостоять исполнительной власти как в их регионах, так и в Москве.

Важная роль регионов стала очевидна в марте 1993 г., когда противостояние Ельцина и парламента достигло первого пика. Оба лагеря делали все возможное, чтобы заручиться поддержкой региональных элит, а также народа. Президент и парламент пытались переиграть друг друга, ограничить власть противника и, как правило, представляли другую сторону врагом народа. Тем временем региональные лидеры почувствовали, что их время пришло и что они должны утвердить себя как реальную силу.

К марту 1993 г. разница в подходах и в отношении к конфликту усилилась как между регионами, так и внутри регионов. Местные законодательные собрания многих регионов симпатизировали парламенту, тогда как главы администраций демонстрировали верность президенту. Интересно, что большинство этих руководителей были назначены Ельциным, в том числе мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак и губернатор Нижнего Новгорода Борис Немцов. Подобный раскол наблюдался в Самаре, где глава местной администрации Константин Титов поддержал указ Ельцина, направленный против парламента, а так называемый малый совет местного законодательного органа отказывался подчиниться ему. То же самое происходило в Томске, Воронеже, Туле, Красноярске, Хабаровске и других местах. Эти события также ясно показали, насколько хрупка региональная политическая структура. До решающего поединка в октябре 1993 г. парламент, вне всякого сомнения, пользовался большей поддержкой регионов.

Несмотря на то что внутренние конфликты бушевали почти везде, во многих городах и регионах симпатии были на стороне одного из противников. Так, например, одним из центров поддержки парламента являлся Красноярск, где были сильны коммунисты и русские националисты. В 1992–1993 гг. русские националисты активно действовали также в Вологде, Иркутске, Перми и некоторых других городах. И лишь в немногих регионах и городах, в том числе в Санкт-Петербурге и Москве, преобладали сторонники президента.

Страх развала страны

Движение к автономии и сепаратизму в России было таким неожиданным и пугающим, что в 1992–1993 гг. страх перед развалом распространился по всей стране. Большинство журналистов и политиков главную угрозу Российской Федерации усматривали не столько в сепаратистской риторике национальных республик, сколько в амбициях русских регионов, взгляды которых поддерживались некоторыми западными наблюдателями. Известный политик Николай Травкин в конце 1992 г. говорил, что дезинтеграция России является очевидным фактом²⁰. Типичная статья этого периода называлась «Развалится ли Россия?»²¹. Леонид Шебаршин, бывший руководитель КГБ и начальник советской внешней разведки, также был настроен пессимистично. В середине 1993 г. он писал, что процесс развала России продолжается и что страхи искренне озабоченных судьбой страны людей, которые боятся, что Россия развалится на несколько независимых государств, вовсе не кажутся ему фантастическими²².

Андраник Мигранян, член Президентского совета и видный политолог, в конце 1992 г. также сокру-

шался по поводу неминуемого распада страны. Протестуя против возможного роспуска парламента президентом, Мигранян говорил, что распад идет сам по себе, но без парламента, который является символом единства Российского государства, трудно представить, как Москва сумеет сохранить контроль над регионами и республиками²³. Те же чувства выражали десятки других политиков²⁴.

Пессимистов особенно беспокоили последствия регионализации в тех регионах, которые граничили с другими странами, например на Дальнем Востоке. Указывая на огромные экономические и социальные различия между регионами, они предсказывали межрегиональные конфликты, причиной которых должны были стать экономические споры и которые перерастут в вооруженные конфликты и полномасштабную гражданскую войну. Российские пессимисты также предсказывали региональные союзы, направленные против Москвы, — эта идея, которую прежде можно было встретить лишь в научной фантастике, могла превратиться в реальность. Кроме того, они поднимали вопрос о том, смогут ли региональные лидеры гарантировать безопасность атомных электростанций, химических заводов и нефтепроводов. По мнению этих критиков, регионализация не принесет пользы населению, а выиграют от нее региональные элиты и мафия.

При опросе 20 экспертов, который был проведен в апреле–мае 1993 г. Московским центром изучения общественного мнения, 53% прогнозировали, что все большее число регионов объявят о своей независимости, а 5% даже предсказывали полный распад России. 52% опрошенных полагали, что сепаратизм усилится или останется на том же уровне, и только 18% верили в процесс интеграции. По данным другого опроса «выразителей общественного мнения», выпол-

ненного фирмой Бориса Грушина «Vox Populi» в ноябре 1993 г., 38% респондентов на вопрос о вероятности распада России на несколько независимых государств дали ответ «высокая» или «очень высокая»²⁵.

Ослабление феодализма в середине 90-х гг.

Противостояние Кремля и парламента закончилось 3–4 октября 1993 г. после того, как Ельцин приказал стрелять по зданию парламента и арестовать лидеров мятежа. Победив врагов, Ельцин укрепил свои позиции по отношению к местным баронам. Вскоре после победы он резко изменил отношение к региональным лидерам, забыв свои заявления об их особой роли. Президент объявил войну региональным элитам и их административным органам. Большинство элит были напуганы расстрелом Белого дома. Администрация Ельцина избавилась от многих региональных руководителей и региональных советов. Затем президент объявил, что все губернаторы будут назначаться им.

Ельцин также подписал указ о введении экономических санкций против территориальных образований России, которые не платят налогов в государственную казну. Этот указ давал правительству остановить финансирование предприятий, расположенных в районах, областях и национальных республиках, не выплативших всю сумму налогов в федеральный бюджет.

Однако Кремль смог сохранить пренебрежительное отношение к региональным лидерам лишь на протяжении короткого периода после разгрома мятежников в 1993 г. Через несколько месяцев после октябрьской победы Ельцин, как типичный феодальный монарх, осознал, что у него нет никаких гаран-

тий, что страна стабильна и находится под его полным контролем. На самом деле ужасное экономическое положение, игравшее ключевую роль в политических процессах в России, сохранялось и в 1994–1995 гг. Вскоре выяснилось, что октябрьская победа Ельцина лишь временно усилила его режим. Поддержка Ельцина среди населения в 1994–1995 гг. постепенно таяла, и его режим ослабевал. Поэтому победа оппозиции на парламентских выборах в декабре 1995 г. не стала неожиданностью. Эта победа вынудила режим пойти на некоторые уступки коммунистам и националистам, которые во время избирательной кампании пытались представить себя защитниками регионов от прозападной и коррумпированной Москвы.

По мере ослабления режима изнутри в 1994–1995 гг. регионализация вступила в новую фазу. Общество уже привыкло к усиливающейся роли регионов в политической и экономической жизни страны, что привело к утрате интереса к этой теме со стороны средств массовой информации по сравнению с 1992–1993 гг. Тем не менее в 1994–1995 гг. национальные республики постепенно добивались все большей независимости.

Выработка соглашений между Москвой и регионами

Одним из самых значительных событий этого периода стало подписание в феврале 1994 г. договора между Москвой и Казанью, в состав которого вошли 12 особых соглашений. Этот договор признавал «государственность Татарстана» и подчинение республики международным законам. Его рассматривали как средство разграничения полномочий между федеральными и местными властями.

Тем не менее договор не удовлетворил экстремистские группы ни в Москве, ни в Казани. Русские сторонники централизованного государства, исповедующие националистическую идеологию, отвергали договор как слишком большую уступку татарским сепаратистам. Татарские националисты видели в договоре отход элиты Татарстана от прежних позиций, поскольку в договоре даже ни разу не был упомянут термин «суверенитет». Кроме того, они считали, что договор, рассматривающий Татарстан как обычный субъект Российской Федерации, противоречит татарской конституции.

Несмотря на все эти споры, соглашение между Москвой и Казанью стало примером, привлекательным для всех остальных республик. В 1994–1995 гг. Москва подписала аналогичные договоры с Башкортостаном, Бурятией, Кабардино-Балкарией, Саха-Якутией, Удмуртией и Северной Осетией. Как правило, разграничение полномочий между республиками и Москвой в этих договорах было сформулировано весьма расплывчато, что оставляло обеим сторонам возможность по-своему интерпретировать достигнутые соглашения.

Многие российские регионы также потребовали аналогичных отношений с Москвой. После событий октября 1993 г. Кремль поначалу отверг давление со стороны большинства крупных регионов, таких как Нижний Новгород и Екатеринбург, и не стал подписывать с ними особые соглашения. Однако по прошествии двух лет Москва отступила и начала подписывать подобные договоры с чисто русскими регионами. Примечательно, что первым из них был Свердловск. Затем, в конце 1995-го и начале 1996 г., специальные соглашения о «разделении полномочий» были подписаны с Нижним Новгородом, Оренбургом и Калининградом.

Одновременно с этим несколько регионов, по большей части с низким экономическим потенциалом, в 1993–1994 гг. заявили о том, что не стремятся заключить особые соглашения с центром и предпочитают стандартные нормы взаимоотношений. Они полагали, что такая процедура не поставит их в невыгодное положение по сравнению с более сильными регионами.

Смена курса: война против Чечни

Если в первой половине 90-х гг. Кремль был все еще слаб и избегал столкновения с регионами – что видно, например, по конфликту между Москвой и губернатором Приморского края Евгением Наздратенко, – то к середине десятилетия он перешел к более агрессивной политике. Поворотным пунктом стал 1994 г., когда Москва решила объявить войну президенту сепаратистской Чечни генералу Джохару Дудаеву и умиротворить республику, объявившую о своей независимости. Однако это решение обернулось катастрофой, и перед президентскими выборами 1996 г. Москва подписала мирный договор с чеченским лидером, де-факто признав независимость Чечни.

Тем не менее, несмотря на поражение Российской армии в Чечне, устроенная в республике кровавая баня стала сигналом для региональных руководителей, и особенно лидеров национальных республик, – они поняли, что цена сепаратизма может быть очень высока. Как бы то ни было, после 1996 г. движение к распаду России было остановлено. Более того, после прихода к власти Путина в 1999–2000 гг. и начала второй чеченской войны наступление центра на региональных баронов с новой силой развернулось по всей стране.

Отношение простых граждан России к идеологии и практике регионализации в 90-х гг. было крайне противоречивым. Их взгляды формировались под влиянием двух обстоятельств: глубокого безразличия россиян к общественной жизни и презрения к центральной власти.

Настроения в России после распада Советского Союза можно сравнить с настроениями в Европе после краха Римской империи. В обоих случаях люди боролись за выживание и утратили интерес к общественным делам. Приватизация государственных должностей и поглощенность чиновников личными интересами – феодальный процесс, не имеющий почти ничего общего с переходом к капитализму, – лишь усиливали безразличие людей к проблемам страны. И действительно, согласно данным ВЦИОМ за 1994 г., только 3–7% населения поддерживали тот или иной «политический лозунг», в том числе такие, как «социальная справедливость» (не более 3%) и «сильное государство» (7%)²⁶. В этот период россияне демонстрировали отсутствие интереса к судьбе страны. Они выражали явную враждебность по отношению к Москве и отказывались видеть в ней столицу единого государства. Патриотизм, одна из главных советских ценностей, которую искренне разделяли большинство советских людей, достиг своего низшего уровня в 1994 г. Несмотря на ностальгию по «прежней стране» (Советскому Союзу), в 1992–1995 гг. они не желали идти даже на минимальные жертвы ради реставрации империи. По этой причине граждане России прохладно относились к возможному объединению с Белоруссией и Украиной, считая эти две славянские республики бедными родственниками, союз с которыми лишь подстегнет инфляцию.

Учитывая настроение «пещерного индивидуализма» и преобладание личных интересов в общественных делах, россияне отказывались верить общенациональным политическим институтам или московским политикам. В глазах народа почти все политики, особенно московские, были коррумпированными, озбоченными лишь собственными интересами и личным обогащением. В 90-х гг. менее 10% россиян доверяли Ельцину как руководителю²⁷.

Большинство россиян не разделяли взглядов ни одной из общенациональных политических партий, и это обстоятельство способствовало враждебности по отношению к центру и распространению региональной идеологии. По данным различных опросов, в 1992–1995 гг. лишь 5–10% граждан России считали себя членами политического объединения или даже симпатизировали конкретному политику в правительстве или среди оппозиции.

Люди не только не были заинтересованы в реставрации Советского Союза, но и безразлично относились к вопросу целостности Российской Федерации. Большинство россиян не поддерживали официальные объяснения войны в Чечне как меру, необходимую для сохранения Российского государства. Они отказывались жертвовать своими сыновьями и деньгами ради достижения этой цели. На самом деле большая часть населения выступала за отделение Чечни от России. Лишь меньшинство россиян (не более 20–25%) соглашалось с объяснением Ельцина, что война была необходима для сохранения территориальной целостности страны²⁸. Людей явно не пугала идея почти полностью независимой Чечни, и они не желали приносить жертвы ради пресечения национального сепаратизма. Средства массовой информации осуждали Кремль, критикуя политику Ельцина на Северном Кавказе, причем не только в национальных

республиках, но и в регионах с преобладанием этнических русских²⁹.

Несмотря на враждебность людей в отношении государственных институтов, в провинции отношение к местным властям было несколько мягче – даже несмотря на их явную коррумпированность. По данным опроса, проведенного в июле 2000 г., 60% москвичей считали, что городские власти внимательнее относятся к их нуждам, чем государственные органы; 10% придерживались противоположной точки зрения. В Санкт-Петербурге это соотношение составляло 2:1. Примечательной можно считать громкую победу Росселя на губернаторских выборах в Екатеринбурге в 1995 г., поскольку этот политик был основателем Уральской республики. Однако в других регионах, включенных в исследование, «произвол» и «равнодушие» представителей региональной власти перевешивали негативное отношение к центру (в Новосибирске, например, это соотношение было 0,7:1, а в Дагестане 1:9)³⁰.

С учетом того, что граждане России были заняты частной жизнью, выражали недоверие к политическим институтам и двойственное отношение к региональным лидерам, и центристы, и регионалисты имели равные шансы заручиться поддержкой общества в своей борьбе. Как показали дальнейшие события, укрепление президентской власти в Москве и стремление россиян к порядку как к главной ценности привели к тому, что Кремль получил поддержку общества в своем движении к централизации.

Во время перестройки под воздействием либерализации моноцентрического советского общества Россия начала движение к полицентрическому, децентрализованному обществу. Исчезновение тоталитарного государства немедленно вызвало процесс децентрализации. Местные элиты начали расширять свою власть. Столкновения между разными фракциями в столице и появление нескольких центров власти усиливали степень децентрализации. В то же время слабый центр способствовал укреплению власти региональных элит, поскольку не мог ни удовлетворять основные потребности местного населения, ни поддерживать порядок в регионах. Эти социальные и политические процессы были очень похожи на то, что происходило в Европе в эпоху раннего Средневековья.

Местные бароны при умеренном феодализме Путина (2000–2006)

Введение

С приходом Путина к власти Россия вступила в новую фазу своей истории. Путин укрепил свои позиции за счет местных баронов, власть которых в общенациональном масштабе уменьшилась, но внутри регионов осталась неизменной. Такая же тенденция наблюдалась в Средние века, когда королевская власть укреплялась, а произвол и хаос в стране постепенно ослабевали. Это произошло, например, во время «Каролингского Ренессанса», после того как в VIII веке трон покинул последний король из династии Меровингов. Карл Великий (768–814) восстановил всласть центрального правительства, потребовав, помимо всего прочего, клятву верности от местных феодалов. Сын Карла Великого Людовик Благочестивый в начале IX века ввел такое понятие, как «*res publica*», как символ верховенства интересов государства над личными интересами¹.

Первые шаги Путина на посту президента были направлены на ограничение власти местных баронов и олигархов. Население в большинстве своем испытывало двойственные чувства, наблюдая за противостоянием Путина и местных автократов. По данным Фонда общественного мнения, в 2006 г. одна треть населения поддерживала местных руководителей, одна треть проявляла безразличие, и 17% выражали недовольство. В то же время 52% россиян были не удовлетворены состоянием дел в их регионах, и почти столько же были убеждены, что местные руководители систематически нарушают закон². С учетом таких смешанных чувств в отношении губернаторов и президентов республик Путин вряд ли ожидал встретить сопротивление своим решениям, урезающим их политическую роль.

Путин доказал свою способность подорвать влияние любого потенциального противника, причем не только московских политиков, таких как либерал Григорий Явлинский и коммунист Геннадий Зюганов, и олигархов, таких как Березовский, Гусинский и Ходорковский. Он также устранил местных баронов, в том числе курского губернатора Александра Руцкого и петербургского губернатора Владимира Яковлева. Несмотря на то что Путин оставил на своих местах президентов национальных республик, ему удалось ослабить их влияние на федеральную политику. Путин также укоротил амбиции Юрия Лужкова, и в первые годы XXI века хозяин Москвы превратился в послушного феодального барона.

Губернатор Приморского края (на Дальнем Востоке) Евгений Наздратенко в 90-е гг. также держал себя очень надменно по отношению к Кремлю. Провалились все попытки Москвы убрать его, и особенно

усилия Чубайса в 1996 г. Но Путин разрешил эту проблему, сместив Наздратенко с должности губернатора и переведя его на службу в Москву.

До 2004 г. некоторые губернаторы и президенты национальных республик, например Николай Федоров из Чувашии, могли высказывать свою точку зрения, даже если она не совпадала с мнением Путина. Однако вскоре губернаторы и президенты республик вообще перестали возражать Путину. В 2004 г., после захвата террористами школы в Беслане (Северная Осетия), президент отменил выборы губернаторов и стал назначать их сам. Этот шаг Путина уничтожил последний относительно независимый институт в стране. Губернаторы больше не могли выступать в качестве «избранных руководителей»³.

Закат Совета Федерации

В 1993 г., для того чтобы втереться в доверие к региональным руководителям, Ельцин создал Совет Федерации – орган государственной власти, состоявший из местных лидеров. Региональные власти рассматривали новый орган как институт, который поможет эффективно управлять страной, в отличие от недееспособного парламента и правительства, а президент видел в нем противоядие парламенту, проявлявшему все большую враждебность.

Первое заседание этого органа, существование которого не было прописано в действующей Конституции, состоялось в сентябре 1993 г. накануне прямого столкновения между президентом и парламентом. Было очевидно, что Ельцин, пытаясь использовать региональных баронов в борьбе против своих московских оппонентов, хочет заменить парламент, инструмент его врагов, этим новым органом, значитель-

ное число членов которого он назначил сам. В то же время местные руководители (и русских регионов, и национальных республик) почувствовали свою власть и потребовали, чтобы будущий президент избирался из их числа. Похоже, российские губернаторы хотели последовать примеру Священной Римской империи эпохи Средневековья, когда немецкие князья избирали императора. Одним из первых шагов Путина в качестве президента было радикальное изменение роли Совета Федерации в лишение губернаторов сколько-нибудь серьезной роли в общенациональной политике.

Превратив Совет Федерации в формальный орган, Путин назначил его главой своего верного слугу Сергея Миронова. Миронов был готов выполнить любое поручение босса, в том числе сыграть нелепую роль соперника Путина во время президентских выборов 2004 г. На протяжении всей избирательной кампании Миронов на самом деле поддерживал Путина. Он также был в числе тех «придворных», которые предложили изменить Конституцию, чтобы дать возможность Путину баллотироваться на третий срок.

Представители президента

Прежде чем обсуждать эмиссаров Путина, вернемся еще раз в Средние века. Чтобы ограничить власть местных баронов, Карл Великий стал широко использовать *missi dominici*, то есть доверенных лиц, которые служили средством связи между центральным правительством и местными властями и отвечали за то, чтобы держать последних в повиновении. Чтобы усилить свою власть над населением, Карл Великий попытался развивать посреднические органы и использовал вассальную зависимость и иммунитет как инст-

рументы управления — в первую очередь путем создания класса королевских вассалов и раздачи им государственных должностей, а также при помощи контроля над институтами, находившимися под его защитой, в том числе монастырями и еврейской общиной.

При помощи аналогичных маневров Путин создал институт региональных представителей для наблюдения за семью федеральными округами, чтобы ограничить власть местных баронов. Он ясно дал понять, что намерен поставить всех губернаторов и президентов национальных республик под контроль своих представителей. Главная задача нового института заключалась в том, чтобы привести местные законы в соответствие с федеральными и в первую очередь с Конституцией. Вне всякого сомнения, представители президента добились определенных успехов в унификации законодательства на территории Российской Федерации. Однако, по мнению большинства экспертов, они не смогли существенно ограничить власть губернаторов и президентов национальных республик⁴.

Особый интерес представляет случай с Дмитрием Козаком. Имея репутацию одного из лучших путинских администраторов, он был назначен представителем президента в Южном федеральном округе, в состав которого входит Северный Кавказ. Тем не менее он не смог даже существенно ограничить произвол и коррупцию местных баронов. Он почти никак не мог повлиять на действия чеченского лидера Рамзана Кадырова, на руководителей Дагестана или на президента Адыгеи Хазрета Совмена⁵.

Вопреки призыву Путина укрепить общественный порядок и федеральные законы по всей стране, Кремль позволял региональным руководителям чувствовать себя феодалами, пока они оставались лояльными к Кремлю и были готовы поддержать Путина в борьбе против его врагов. Путин почти никогда не увольнял

губернатора за неверные или незаконные действия на своей территории. Многочисленные источники свидетельствуют, что губернаторы, смещенные со своих должностей Путиным, проявляли нелояльность или были признаны не заслуживающими доверия.

Почему московский «царь» дал столько власти местным баронам

Исключив губернаторов и президентов национальных республик из федеральной политики, Путин тем не менее не пытался контролировать их действия внутри подвластных им регионов. Один из специалистов по внутренней политике России утверждал (возможно, это некоторое преувеличение), что ни один из указов Путина не был принят губернаторами всерьез⁶. Есть несколько объяснений, почему Путин не вмешивался во внутренние дела регионов и республик и во многих случаях сквозь пальцы смотрел на произвол местных баронов.

Отсутствие лояльного и эффективного аппарата

У Путина не было государственного аппарата или политического инструмента, подобного коммунистической партии прошлого, который обеспечил бы проведение политики Москвы в провинциях⁷. Смена одного регионального руководителя другим не приводила к серьезным изменениям в состоянии коррупции или преступности в регионе. Замена Наздратенко на Сергея Дарькина в Приморском крае не улучшила политический климат в регионе. Оба были глубоко коррумпированными чиновниками, напрямую связанными с организованной преступностью.

Пытаясь установить порядок в обществе, Кремль под- держивал любых лидеров национальных республик, способных поддерживать порядок, и не обращал внимания на вопиющие нарушения закона с их стороны. Эта политика отражала убеждение, что Москва не в состоянии, как и в советские времена, поддерживать порядок в национальных республиках из-за высокого уровня национализма. Многие национальные республики усвоили урок кровавых репрессий в Чечне, но и Кремль осознал, что, даже если ценой огромных усилий и финансовых потерь ему удастся умиротворить Чечню, он не сможет справиться со всеми остальными республиками, если они решат бросить вызов Москве. По этой причине путинский Кремль не отказался от феодальной политики Ельцина и заключил соглашения между Москвой и республиками по различным вопросам, в том числе налогам и статусу государственного языка⁸.

В то же время Кремль предоставил руководителям национальных республик почти полную свободу на их территориях. Так, например, Минтимер Шаймиев мог делать практически все, что хотел, внутри Республики Татарстан при условии, что он не будет противодействовать Кремлю или крупным корпорациям, пользовавшимся поддержкой центра. Понимая проблемы Шаймиева с татарскими националистами и даже с исламскими экстремистами⁹, Кремль разрешил в конституции Татарстана употреблять такие термины, как «государство» и «субъект международного права». Центральная власть также разрешила ввести для граждан республики дополнительную страницу в паспорте с записями на татарском языке и признала татарский язык (наряду с русским) официальным языком республики¹⁰. Власти Татарста-

на часто игнорировали российскую Конституцию. Казань создала собственную почтовую службу, действующую на территории республики. Телефонная связь также оказалась под контролем местных властей. Оценивая эти процессы, московский журналист отмечал: «Республика обзавелась своей связью, своей нефтью и энергетикой... Создается устойчивое впечатление, что медленно, но верно в Российской Федерации выстраивается новое государство – Татарстан»¹¹.

Несмотря на поддержку русской националистической идеологии, Кремль закрывал глаза на дискриминацию этнических русских (и других этнических групп), живущих в национальных республиках¹². Это был разительный контраст с советской – с 30-х гг. XX века до 1985 г. – политикой русификации, проводившейся во всех национальных республиках и направленной на то, чтобы высшие должности в партийном и государственном аппарате, а также культуре и образовании занимали этнические русские. Москва жестоко наказывала тех, кто хоть в какой-то мере подрывал ведущую роль русских (старших братьев) в национальных республиках.

Дискриминация проявлялась при приеме на работу и увольнении, а также в многочисленных преимуществах, которые предоставлялись людям, владеющим национальным языком. Этническая дискриминация была довольно сильна почти во всех национальных республиках. В Чечне в период с 1989 по 2002 г. – отчасти из-за войны – доля этнических русских сократилась в восемь раз, в Дагестане в два раза, в Северной Осетии на 29%, а в Кабардино-Балкарской Республике – на 27%¹³.

Кремль не возражал против того, что некоторые лидеры национальных республик на протяжении многих лет управляли своими территориями как феодальными вотчинами и подавляли любое сопротив-

ление, не брезгуя никакими методами, в том числе насилием¹⁴. Во многих случаях Путин не использовал полученное в 2004 г. право и не заменял старых президентов новыми. Он даже уговаривал их остаться у власти – так произошло, например, с татарским президентом Шаймиевым, третий срок которого истек в 2006 г.¹⁵. Путин позволил Шаймиеву занимать должность президента Татарстана четыре срока подряд. Примерно столько же Рахимов правил в Башкортостане, а Кирсан Илюмжинов в Калмыкии.

Случай Кадырова

Показательным примером потребности Кремля опираться на феодальных лордов в национальных республиках может служить Чечня, где просматриваются явные параллели с эпохой Средневековья. Будучи неспособен усмирить мятежную республику после нескольких лет войны, Путин назначил руководителем Чечни Ахмада Кадырова, дав ему почти неограниченную власть. После убийства Кадырова в 2004 г. его место занял сын Рамзан. Опираясь только на свой клан, игнорируя федеральные законы и прибегая к неприкрытому насилию, Рамзан Кадыров действительно смог навести в республике относительный порядок. Российские журналисты говорили о том, что Москва сдала Чечню в аренду Кадырову, что представляет собой пример феодальных отношений¹⁶. Требуя политической лояльности от местного руководства, Путин терпимо относился к большинству аспектов их деятельности внутри Чечни, особенно к коррупции и кумовству. Более того, известный журналист Юлия Латынина, освещавшая события в Чечне на протяжении нескольких лет, в своей статье «Один день с хозяином Чечни» предположи-

ла, что отношения между Путиным и Рамзаном Кадыровым в определенном смысле перевернулись. Именно Путин платил «дань» Кадырову за поддержание порядка в Чечне. Путин позволил Кадырову распоряжаться доходами от добываемой в республике нефти и поступлениями из федерального бюджета. Он сделал его практически независимым от федеральных властей, в том числе от федеральных войск, дислоцированных в Чечне¹⁷.

Что московский сюзерен ожидает от своих баронов

Местные руководители призваны освободить президента от разного рода обязательств. Такую политику проводило правительство Путина в 2003–2006 гг., когда в попытке реформировать сферы социального обеспечения, здравоохранения и жилищного строительства стремилось сделать так, чтобы ответственными за удовлетворение основных потребностей населения стали регионы. Многие эксперты увидели в печально известной реформе льгот начала 2005 г. признак того, что Кремль планирует перенести ответственность за социальную сферу (в первую очередь медицинское обслуживание и транспорт) на плечи местной власти, прекрасно понимая, что бюджеты регионов не справятся с этой функцией¹⁸.

Кремль стал назначать богатых людей на должности губернаторов, надеясь, что они используют личные средства для улучшения жизни в своих регионах, как это было в случае губернатора Чукотки Романа Абрамовича. В 2005 г. один российский журналист писал, что «решение сложных проблем той или иной территории центр фактически перекладывает на нового главу субъекта Федерации с его финансовыми возможностями, связями в политических кру-

гах и госаппарате»¹⁹. Совершенно очевидно, что такой подход явно противоречил попыткам Путина централизовать управление страной²⁰.

Значение лояльности при президентских и парламентских выборах

От российских губернаторов на президентских и парламентских выборах требовалось обеспечить большинство голосов в пользу правящего лидера. Губернаторы областей и президенты национальных республик были обязаны поддерживать все действия президента внутри страны и на международной арене. Получение необходимого числа голосов стало главной обязанностью местных баронов еще при Ельцине. И действительно, в 1996 г. Кремль ожидал, что губернаторы и президенты республик сделают все, что в их силах, для переизбрания Ельцина. Кремль потребовал, чтобы местные бароны были готовы подтасовать результаты выборов. Руководители Татарстана, Башкортостана и некоторых других регионов сфальсифицировали результаты, чтобы гарантировать победу Ельцина во втором туре, потому что первый тур продемонстрировал, что кандидат от коммунистов Геннадий Зюганов имел значительное преимущество и мог быть избран президентом²¹.

Примечательно, что президент Республики Чувашия Николай Федоров подал Ельцину прошение об отставке (хотя оно не было принято), поскольку не справился с обязанностью обеспечить победу Ельцина на своей территории²².

Как отметил известный российский журналист Сергей Доренко, «мы живем при феодализме»; губернаторы могут делать все, что хотят, пока поддерживают президентскую партию и обеспечивают

нужные результаты на парламентских и президентских выборах²³.

Безразличие центра к коррупции на местах

Если губернаторы и президенты демонстрировали лояльность к Кремлю, центр не обращал внимания на их усилия по собственному обогащению, а также обогащению родственников и друзей. В путинской России губернаторы напоминали немецких министериалов (рыцарей низшего ранга в эпоху Средневековья, которые занимали временные должности при дворе правителя), использовавших любую возможность, чтобы разбогатеть. Но это было не так легко, потому что самым главным активом считалась земля, а она полностью контролировалась феодалами. В постсоветской России задача была не такой сложной, поскольку ведущая роль в политической и экономической жизни принадлежала деньгам.

Российская газета «Коммерсант-дейли» проанализировала 11 случаев нарушения закона губернаторами в период с 1996 по 2006 г. (девять из них произошли после 2000 г., когда президентом стал Путин). Ни один из 11 губернаторов не провел в тюрьме и дня. Выдвинутые против них обвинения были признаны необоснованными, либо попавших под суд губернаторов от тюрьмы спасла амнистия²⁴.

В 2006 г. Кремль инициировал судебные преследования нескольких губернаторов и мэров, в том числе губернатора Ненецкого автономного округа Алексея Барина и мэра Волгограда Евгения Ищенко, но эти действия не изменили общего климата терпимости по отношению к коррупции чиновников на местах²⁵. Редкие обвинения губернаторов и мэров в коррупции были результатом конфликтов среди местных

политических элит или недовольства Кремлем конкретным политиком, причем причины этого недовольства не имели отношения к коррупции²⁶.

В распоряжении руководителей регионов имелись многочисленные способы обогащения, не считая прямого присвоения государственных средств. Самое главное, губернаторы и президенты республик имели огромную власть над бизнесом. Как правило, ни одна компания не могла работать в регионе, если глава администрации был враждебно настроен по отношению к ней. Как отметила Юлия Латынина, «если губернатор меняется, то любая компания, кроме олигарха, может потерять завод, который уже считала своим». В качестве примера она приводит компанию «Ренова», потерявшую электродный завод в Новосибирске после того, как дружественного «Ренове» губернатора Муху сменил дружественный TWG губернатор Толоконский²⁷. Местные российские бароны были особенно активны в таких регионах, как Дальний Восток и Сибирь с их богатыми природными ресурсами, в том числе нефтью и газом. Эти ресурсы привлекали иностранные инвестиции – важный актив в погоне за рентой. Губернаторам было проще получать нелегальный доход от нефтяных и газовых компаний, чем от присвоения бюджетных денег²⁸.

Среди других способов обогащения губернаторов, их родственников и друзей было создание частной компании, которой без всякого конкурса поручалось обслуживание населения. Так, например, в Красноярске губернатор Александр Хлопонин заставил население платить за обслуживание жилищного фонда фирме «Краском», пользовавшейся его покровительством. Чтобы увеличить доходы компании, губернатор в 2006 г. поднял тарифы на обслуживание на 30%, тогда как в целом по стране рост тарифов составил 20%. Эти действия возмутили жителей го-

рода, но никаких действий не последовало, потому что в данном деле губернатора поддержала Москва²⁹.

В некоторых случаях местные чиновники под руководством губернатора создали своего рода мафию, установившую собственные правила деятельности. Эта мафия коллективно обогащалась при помощи взяток и присвоения государственных средств. Примером тому может служить Орловская область, которой на протяжении 15 лет управлял Егор Строев. Коррупция здесь процветала все время, пока губернатором был Строев. В 2006 г. уровень коррупции был предан гласности, когда борьбу с ней начала Москва. В апреле 2006 г. несколько десятков чиновников высокого ранга, в том числе бывшие заместители губернатора и бывшие мэры, были арестованы и обвинены в получении взяток. Орловские чиновники организовали группу, собиравшую взятки в общую кассу, как это делают преступные группировки, а затем распределяли деньги в соответствии с положением каждого члена группы. Все эти люди, как отмечала московская газета, на протяжении многих лет были защищены от судебных преследований³⁰. В то же время «погром» среди чиновников не причинил никакого вреда Строеву³¹. Кроме того, Строев сделал свою дочь сенатором, что несколько не удивило многих людей в регионе³².

Очень похожей на орловскую была ситуация на Чукотке. Управление территорией осуществлялось людьми губернатора Абрамовича, преимущественно из Москвы и других городов европейской части России. Все должности раздавались родственникам и друзьям высокопоставленных чиновников. Обычно эти люди работали в течение года или двух, обогащались и уезжали домой, чтобы скрыть свою незаконную деятельность в регионе³³. Чиновники поднимали себе зарплаты до астрономических размеров и

практически не занимались непосредственными обязанностями. Вместо этого они отдавали предпочтение роскошным вечеринкам, выездам на охоту и сексуальным развлечениям.

Типичная стратегия личного обогащения губернаторов и мэров – это создание собственного фонда, не контролируемого местными законодателями. Так, например, губернатор белгородской области Евгений Савченко создал «внебюджетный фонд», пополнявшийся в основном за счет «пожертвований» местных бизнесменов. Фонд был полностью неподконтролен депутатам местной Думы. Кроме того, губернатор создал фиктивные общественные институты, которые финансировались из бюджета, но контролировались самим Савченко³⁴.

После того как в июле 2006 г. был арестован мэр Волгограда Евгений Ищенко, общественность узнала, что у него есть личный самолет, а также яхта стоимостью 3 млн евро, которую он держит в Монако. Накануне своего ареста он купил один из Мальдивских островов. Его роскошные апартаменты в Волгограде оцениваются в 500 000 долларов, а официальная зарплата мэра составляет 18 000 долларов в год. Заняв пост мэра, Ищенко тут же принялся поддерживать собственную компанию «Союзнефтегазстрой». Эта компания создала новую фирму под названием «Тамерлан», которая занялась строительством и которой выделялись лучшие муниципальные земли.

Случай Бооса

Георгий Боос принадлежит к путинской когорте феодалов баронов. Он был назначен Путиным на должность губернатора Калининградской области после того, как президент отменил выборы губерна-

торов. Многие жители региона надеялись, что новый губернатор изменит глубоко коррумпированную и криминализированную атмосферу в области. Их ожидания не оправдались. При Боосе судебная система осталась такой же коррумпированной, как и прежде. Его супруга и дети работали одновременно судьями, прокурорами и адвокатами. Боос пригласил московских бизнесменов для совместной работы в Калининграде. Местному бизнесу тоже предложили сотрудничать с администрацией, если он будет выполнять указания губернатора. Тот, кто не желал сотрудничать с администрацией или не давал денег на «социальные проекты», подвергался преследованиям со стороны прокуратуры, которая всегда могла найти способ отправить непокорных за решетку. В этой атмосфере коррупции выборы местных законодателей превратились в полный фарс³⁵.

Местные бароны и криминалитет

Путин проявил безразличие не только к коррупции местных баронов, но и к их прямым связям с преступностью. В 2000–2006 гг. московские средства массовой информации опубликовали многочисленные статьи о произволе местных баронов, о подборе ими кадров (на основе коммерческих интересов), о связях с криминалом и об успешной войне против независимых средств массовой информации, одним из методов которой было убийство журналистов³⁶.

Показательным примером такой ситуации может служить Сергей Дарькин, назначенный Путиным на должность губернатора Приморского края. Российские средства массовой информации не раз писали о том, что он, несмотря на свою новую должность, поддерживает связи с преступным миром³⁷. Один из при-

ближенных Дарькина, Юрий Копылов, имеющий богатое криминальное прошлое, перед президентскими выборами присутствовал на встрече с Путиным в Москве в качестве активиста партии «Единая Россия»; в июле 2004 г. он был избран мэром Владивостока, а в 2006 г. арестован за совершенные преступления³⁸.

Криминальное прошлое Дмитрия Фотьянова было хорошо известно в его родном Дальнегорске (Дальний Восток), но это не помешало правящей партии «Единая Россия» помочь ему победить на выборах мэра города в 2005 г. и поддерживать его на выборах 2006 г. Конец его политической карьере положила не партия, а коллеги из местной мафии — Фотьянов был убит накануне выборов³⁹.

Иммунитет элит, как местных, так и в центре, против уголовного преследования стал практически нормой для постсоветского периода, что напоминает ситуацию, сложившуюся в эпоху Средневековья. Типичный пример — освобождение от ответственности высокопоставленных виновников дорожно-транспортных происшествий, даже если эти происшествия повлекли за собой смерть людей. Так, в августе 2006 г. мэр Пятигорска — города на Северном Кавказе — в результате неосторожной езды на автомобиле убил пятерых человек. Однако даже при наличии неопровержимых доказательств суд практически освободил его от какой-либо ответственности. В 2006 г. сын министра обороны Сергея Иванова в похожем инциденте насмерть сбил пожилую женщину и сумел избежать уголовной и гражданской ответственности⁴⁰.

Произвол по отношению к населению

Поскольку губернаторы и президенты республик были полезными для Путина людьми, их власть над

местным населением редко ограничивалась. Во многих отношениях они обладали большей независимостью от Москвы, чем при Брежневе, хотя и в советские времена первые секретари обкомов и республик могли делать у себя в регионах все, что хотели. Однако при советском строе люди могли жаловаться в Москву и в некоторых случаях даже одерживали верх над местными властями. При Путине это было невозможно. Когда система надзора над региональными властями исчезла, жители регионов оказались абсолютно беззащитными перед местными руководителями. Людям могли помочь только средства массовой информации, хотя свобода прессы в постсоветской России была ограниченной, особенно в провинции. Другими словами, шансы на то, что жертвы произвола в провинциях будут услышаны, были крайне невелики. В 2006 г. лишь несколько либеральных газет в Москве – в первую очередь «Новая газета» со своим скромным тиражом (менее 100 000 экземпляров) – продолжали публиковать критические статьи о жизни в провинциях.

Кирсан Илюмжинов, президент Республики Калмыкия, одного из беднейших регионов России с 50% безработного населения, однажды похвастался американскому журналисту, что на личные средства построил 38 буддистских храмов, 22 православные церкви, католический собор (единственный в республике), мечеть и роскошный дворец шахмат стоимостью 40 млн долларов⁴¹.

Оппозиция в республике подвергается жестоким преследованиям. Было совершено убийство известной журналистки, критиковавшей режим⁴². Илюмжинов превратил республику в свою вотчину. Население по-прежнему живет в крайней бедности, а он превратил главный город республики Элисту в «шахматную столицу» мира. Он заплатил Бобби Фише-

ру, бывшему чемпиону мира по шахматам и экстравагантной личности, 100 000 долларов в качестве признания его вклада в шахматы. Согласно его указу преподавание шахмат в трех первых классах школы становилось обязательным. Полный произвол президентов Башкортостана и Татарстана также известен всей стране⁴³.

Местные бароны и демократия

Почти все без исключения губернаторы превратились во врагов демократии – при полном согласии Кремля. До 2005 г. губернаторы «избирались», хотя в большинстве случаев победа на выборах обеспечивалась неприкрытым популизмом и использованием местного бюрократического аппарата, а также поддержкой бизнеса и даже части криминальных структур.

В тех регионах, где кандидаты на пост губернаторов уже занимали эту должность, выборы были похожи на те, что проводились в советские времена⁴⁴. Самыми бесстыдными были выборы в московскую Думу. Мэр Москвы Лужков, явно нарушая закон, напрямую вмешивался в избирательный процесс и сумел отстранить от выборов некоторых кандидатов. Более того, существуют серьезные сомнения в законности московских выборов 1997 г. Однако из-за того, что Лужков контролировал все политические институты Москвы, подать жалобу на него было практически невозможно⁴⁵. Отмена губернаторских выборов в 2004 г. только усилила неприязнь губернаторов и президентов республик к демократии, и они совсем перестали интересоваться мнением населения о своей деятельности.

В этих условиях можно считать естественным, что в большинстве регионов, и особенно в национальных

республиках, руководители свели роль местных парламентов практически к нулю. Практически везде региональные руководители держат под жестким контролем (почти как в советские времена) выборы в местную Думу, чтобы обеспечить ее абсолютную послушность. Подобная практика получила распространение во второй половине 90-х гг. и продолжилась при Путине, когда Москва демонстрировала полное безразличие к нарушениям выборного законодательства в регионах⁴⁶. Губернатор Приморского края Сергей Дарькин заполнил почти весь список кандидатов от правящей партии «Единая Россия» людьми из своего ближайшего окружения. Действия Дарькина вызвали недовольство лидеров партии в Москве, которые были вынуждены смириться с амбициями губернатора⁴⁷. Екатеринбургский губернатор Эдуард Россель тоже манипулировал выборами в местный парламент. Так, например, он не позволил некоторым партиям принять участие в выборах⁴⁸.

Отсутствие свободы прессы

В 90-х гг. уровень свободы местной прессы был относительно высок. Однако к началу XXI века свобода прессы в провинциях была существенно ограничена. По данным «Фонда защиты гласности», в 2006 г. ни один из 89 регионов России не мог похвастаться полностью свободной прессой. В трех четвертях регионов пресса была названа «относительно» или «полностью» «несвободной». Свобода прессы отсутствовала в 19 из 21 национальных республик (исключение составляли Чувашия и Алтай)⁴⁹. Показательными в этом отношении были слушания, проведенные Общественной палатой в 2006 г. в Казани. Николай Сванидзе, член Общественной палаты Рос-

сийской Федерации, назвал конкретные регионы с ужасным состоянием дел в области свободы слова. К таким регионам он отнес Мари-Эл, Башкортостан и Саратов⁵⁰. Аресты и убийства журналистов стали привычным делом во многих областях России. Об арестах башкирского журналиста Виктора Шмакова в мае 2006 г. и журналиста Владимира Королева из Перми местные жители узнали только потому, что эти истории попали в московские газеты⁵¹. Редактор «Московского комсомольца» Павел Гусев в интервью радиостанции «Эхо Москвы» рассказывал, что в середине первого десятилетия XXI века десятки местных журналистов, работавших на его газету, были избиты, арестованы, убиты или просто исчезли⁵².

Культ местных руководителей

Феодалные элементы в региональной власти также проявляются в культе местных руководителей. Им присваиваются многочисленные звания и награды. Так, например, президент Татарстана Минтимер Шаймиев, занимающий этот пост в четвертый раз, был удостоен премии «Добрый ангел мира», награды в журналистском конкурсе, медали за достижения в химии и памятной медали в честь Октябрьской революции. Семидесятилетие Шаймиева отмечалось в республике как национальный праздник. С юбилеем Шаймиева поздравили Путин и десятки других высокопоставленных лиц⁵³. Президент республики Удмуртия Александр Волков получил медаль «Держава», звания «почетного строителя», «заслуженного инженера», «заслуженного работника транспорта» и «почетного академика». Президент Чувашии Николай Федоров также удостоился десятков медалей и званий.

К 2004–2005 гг. сложился новый баланс власти между Кремлем и местными баронами. Губернаторы и президенты национальных республик отказались от прежней роли активных политиков на общенациональной политической арене, но сохранили контроль над своими регионами. Руководители регионов – это автократические правители, назначенные президентом и почти полностью игнорирующие демократические принципы. Они управляют регионами, как вотчинами, в таком же авторитарном стиле, в каком Путин управляет страной. **Феодальная модель с ее фокусом на полицентризме лучше всего подходит для описания отношений между центральной властью и провинциями страны. Ни либеральная модель, предполагающая существование демократических выборов, ни тоталитарная модель, которая предусматривает почти абсолютный контроль центра над регионами, не могут быть использованы для этой цели.**

Отсутствие гарантий сохранения частной собственности в современной России и в Средние века

Введение

В советскую эпоху частная собственность не играла значимой роли в общественной жизни. Средства производства, а также большая часть жилья в городах принадлежали государству и управлялись им. Количество объектов, признаваемых «частными» (или «индивидуальными» в советской терминологии), было ограничено. Только в 60-х гг. советские люди получили право купить машину или владеть квартирой в городе. В деревнях советская система мирилась с частной собственностью на крестьянские дома, но даже здесь людям не позволяли иметь в хозяйстве лошадь или грузовик; эти объекты относились к средствам производства. Существовали важные различия между разными формами общественной собственности – например, между государственной собственностью и собственностью колхозов или между собственностью, контролируемой центральным правительством, и собственностью местных органов власти¹. Но самой социально значимой была разница

между общественной собственностью в целом и личной собственностью отдельных граждан.

Для советских людей была особенно важна «наполовину частная» собственность в виде небольших участков земли, на которых сельские жители выращивали овощи и фрукты и держали ограниченное количество домашнего скота (одну корову, несколько свиней и несколько десятков кур). Однако формально советские крестьяне арендовали свои участки земли у государства, которое могло, используя любой предлог, изъять эту собственность. Разумеется, крестьяне не имели права продавать свою землю. В СССР владельцы земельных участков напоминали средневековых вассалов, права которых на землю обуславливались верной службой сюзерену. Если советский крестьянин уезжал из деревни или не выполнял свои обязанности колхозника, он терял право на землю.

Советское государство до самого своего краха так и не смогло решить вопрос о размере земельных участков и личном подсобном хозяйстве. При Брежнев, когда начала ощущаться нехватка продовольствия, Кремль перешел от жестких ограничений к более мягким, что контрастировало с хрущевскими мерами по ограничению размера участков и количеству голов скота на домашнем подворье.

Еще одна аналогия со Средневековьем просматривается в том факте, что власти Советского Союза возродили своего рода натуральное сельское хозяйство, типичное для доиндустриальной эры. И действительно, небольшие приусадебные участки и огороды кормили миллионы россиян. Эти земли, составлявшие 3% обрабатываемых площадей страны, давали не менее трети всей сельскохозяйственной продукции, которая до 1985 г. потреблялась в основном сельским населением. Важную роль эти зе-

мельные участки сыграли в 90-х гг., во время экономического спада после краха советского государства. Две трети населения обеспечивали себе средства к существованию при помощи небольших участков земли и огородов².

Судьба этих участков и огородов беспокоила россиян, особенно жителей сельской местности. Страна с волнением следила за переменами в официальной политике в отношении владения или использования земли. Однако настоящий всплеск интереса к отношениям собственности произошел во время перестройки, когда вопрос собственности превратился в главную политическую и теоретическую тему в Советском Союзе. Частная собственность получала все более широкое распространение, а независимость регионов усилилась. После 1989–1991 гг. российское общество вступило в период с крайне нестабильными отношениями собственности, и эта ситуация напоминала положение дел в Европе в начале Средневековья. Нестабильность отношений собственности в России стала одним из главных факторов общественной и политической жизни страны в период 1991–2007 гг.

Слабость прав собственности в Средние века

В начале Средневековья права собственности были условными и неустойчивыми. В сущности, условный характер собственности, пожалованной королем или феодалом тому, кто должен был служить им, был важным признаком классического феодализма эпохи раннего Средневековья. Система прав собственности разительно отличалась от римской. Она была в высшей степени условной, а не абсолютной. «Поместные законы» представляли собой формальные или подразумеваемые соглашения относительно не

связанных между собой взаимных прав и обязанностей. Как отмечал британский историк Уильям Кингстон, *вилланы*, или *арендаторы*, владели собственными полосками земли при условии, что они будут выполнять оговоренный объем работ для владельца поместья, который, в свою очередь, был обязан предоставлять определенное число людей на военную службу для более крупного землевладельца. Автор добавляет, что эти обязанности дополнялись правами в ряде сложных и тщательно сбалансированных договоров собственности³.

В эпоху раннего Средневековья не существовало единого определения собственности. Как предположил известный британский историк Пол Виноградофф, на начальной стадии феодализма можно выделить два элемента в понятии собственности. Римская собственность (*dominium*) в этот период отличалась безраздельным единством. Доминиум в отношении какой-то вещи, в том числе земли, предполагал, что она принадлежит только этому человеку, и больше никому. Далее Виноградофф утверждает, что средневековые юристы, в отличие от римских, имели дело с участками земли, принадлежавшими одновременно двум владельцам, главному и второстепенному, первый из которых обладал прямым правом собственности (*dominium directum* или *dominium eminens*), а второй правом пользования землей (*dominium utile*). Необходимость различать два этих вида собственности косвенным образом способствовала ослаблению понятия абсолютной собственности на землю. Вместо того чтобы подтверждать абсолютное право владения, английские суды занимались практическим вопросом, какая из двух тяжущихся сторон имеет «лучшее» право (*ius merum*) на поместье или землю. Процесс феодализации, как считает Виноградофф, в целом был очень сложен и противо-

речив – вследствие конфликтов из-за собственности в период раннего Средневековья⁴.

В Средние века конфискация собственности королем или могущественным феодалом была «нормальным» элементом жизни. Даже церковь не была застрахована от потери собственности. Так, например, в VIII веке, после прихода к власти Карла Мартелла и военных реформ, его наследники под предлогом военной необходимости конфисковали большую часть принадлежавших церкви земель. Церковь пыталась представить это отчуждение земли как «временный» дар и надеялась на последующее возвращение собственности. Однако эти надежды не оправдались. Монархи и магнаты, получившие землю, не имели желания ее возвращать. Правда, при Карле Великом, который открыто покровительствовал церкви, церковная собственность стала более устойчивой⁵.

Что касается порядка в эпоху Средневековья, и особенно в ранний период, то существует две основные точки зрения на роль силы в разрешении имущественных споров. Норман Кантор при анализе раннего Средневековья основное внимание уделял роли силы в разрешении конфликтов из-за собственности. Уильям Норман полагал, что даже во времена империи Каролингов доминирующим был «закон джунглей»⁶. По предположению историка Кристофера Доусона, «власть закона и политический авторитет государства исчезли, и единственным принципом, сплачивающим общество, осталась личная преданность и взаимопомощь воина и командира, а также отношения службы и защиты между слугой и хозяином»⁷. В XII веке в Англии у короля Ричарда Плантагенета можно было купить королевский указ о восстановлении прав на спорную землю⁸.

Фредерик Шейет и Стивен Уайт придерживаются другой точки зрения. Они пишут об эффективности

правовой системы и большой роли компромисса даже во Франции XI и XII веков. Эти авторы признают отсутствие «реального закона» после «исчезновения правовых институтов Каролингов» – нечто похожее произошло в России после распада СССР. В то же время они высказывают предположение, что неформальные арбитры были способны разрешить споры из-за земли мирным путем⁹.

В нашу задачу не входит установление относительных ролей силы, принуждения и справедливого суда в разрешении имущественных конфликтов. Нет никаких сомнений, что в Средние века в отношениях собственности царила неразбериха, и это позволяет провести параллели между постсоветской Россией и Европой эпохи раннего Средневековья. Мне кажутся убедительными слова Маркуса Фишера, указывавшего на существование громадного разрыва между «рассуждениями о единстве, гетерономии, общности и справедливости», которые мы слышим от церкви, и реальной практикой, основанной на «силовом разрешении конфликта»¹⁰.

Нестабильность отношений собственности между центром и регионами в России

210

Примерно посередине периода перестройки дестабилизация отношений собственности наблюдалась в трех областях: (1) в разделении общественной собственности между центром и регионами, (2) между общественной и частной собственностью и (3) между частными собственниками. В сущности, стремление регионального чиновничества увеличить собственность, находящуюся под их контролем, было одним из важнейших элементов регионализации. Этот процесс значительно ускорился после распада

Советского Союза. Как отметил один из московских авторов, в 90-х гг. вопрос «суверенитета» сводился лишь к ожесточенной борьбе за собственность, охватившей все бывшее советское общество¹¹.

Если распределение ресурсов между федеральной и местной властью в странах Запада имело второстепенное значение (львиная доля ресурсов принадлежала частным собственникам), то в России объем общественной собственности был гораздо больше, а государственный контроль над средствами производства и природными ресурсами очень силен. По этой причине борьба за распределение общественной собственности между центральной и местными элитами имело огромное значение в политической жизни страны после начала перестройки.

И действительно, как только начался процесс феодализации общества, местные элиты сразу же поставили перед Москвой вопрос о собственности регионов. Как уже отмечалось выше, в 90-х гг. Москва, столкнувшись с необходимостью пересмотреть отношения между центром и периферией, оказалась под сильным давлением региональных движений, желавших возложить ответственность за экономическое развитие на власти регионов. В конечном итоге Кремль согласился на многие требования по вопросам собственности, выдвинутые республиками и областями.

В то же время центральное правительство старалось не потерять контроль над главными природными богатствами страны. Российская конституция 1993 г. (статья 72.1) декларирует: «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся... вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами». Неопределенность этой статьи, выраженная в термине «совместное ведение», отражает тот факт, что в первые годы постком-

мунистической эры отношения собственности между уровнями управленческой иерархии оставались неурегулированными и продолжали вызывать напряжение и конфликты между регионами и центром.

Национальные республики

Как уже отмечалось выше, элиты национальных республик были наиболее откровенны в своих требованиях контроля над средствами производства. В некоторых случаях руководители этих республик открыто заявляли, что самый главный вопрос для них – это распределение прав собственности между республиками и Российской Федерацией. В 1991–1992 гг. национальные республики значительно увеличили долю производственных мощностей, находящихся под их юрисдикцией. В Российской Федерации в 1993 г. «субъекты Федерации» владели в среднем 22% всей приватизированной собственности, но в некоторых территориях эта доля была гораздо выше: в Калмыкии 96%, в Северной Осетии 83%, в Якутии и Алтае по 81%, в Дагестане 65%, в Туве 52%, в Мордовии 41%, в Коми 38%¹².

Особенно важен был контроль над природными ресурсами. Якутия, например, потребовала и получила частичный контроль над своими запасами алмазов и золота – только третья часть доходов от них поступала в Москву. Якутия также получила право выхода на международный рынок алмазов. Башкирия добилась контроля над большей частью своих природных ресурсов, включая нефть, а также над значительной частью нефтеперерабатывающей и химической промышленности.

С одной стороны, Москва формально согласилась с требованиями республик относительно почти пол-

ного контроля над своими ресурсами. Согласно соответствующим договорам, подписанным в начале 1995 г. между Российской Федерацией и Татарстаном, Башкортостаном и тремя другими республиками, земля и природные ресурсы признавались собственностью республик. С другой стороны, эти договоры закрепляли за федеральной властью право контролировать по крайней мере часть природных ресурсов республик, что оставляло за Москвой легальную возможность сохранять или даже расширять контроль над ресурсами этих административных образований.

Российские регионы

Российские регионы последовали примеру республик и в 90-х гг. также заявили о необходимости контролировать свои ресурсы. Однако в этих случаях Москва проявила большую твердость в защите своей монополии на природные ресурсы, чем в споре с республиками. Типичным в этом отношении был спор с Оренбургской областью. В октябре 1994 г. законодательное собрание области включило в устав региона статью, касающуюся прав на природные ресурсы и аналогичную статьям, имевшимся в конституциях национальных республик. Однако российское Министерство юстиции отказалось утвердить эту статью, и Оренбург довольствовался лишь ограниченным контролем над ресурсами области.

Похожие разногласия возникли между Москвой и Екатеринбургом, административным центром Свердловской области. После разгрома парламента в 1993 г. местные законодатели включили в устав Свердловской области статью, аналогичную статье новой Конституции, в которой присутствовала туманная фраза о «совместном ведении» Федерации и облас-

ти в том, что касается природных ресурсов. Однако в 1995 г., и особенно после победы Эдуарда Росселя на губернаторских выборах, местные законодатели перешли в наступление, требуя от Москвы разрешения включить в устав области статью, утверждающую полный контроль региона над своими ресурсами – как в национальных республиках.

Помимо крупных областей, права на природные ресурсы предъявили и мелкие национальные образования. В 1994–1995 гг., например, Ханты-Мансийский национальный округ вел борьбу за эти права с Тюменской областью (в состав которой он входил), которая, в свою очередь, была «субъектом Российской Федерации». Местный парламент, председателем которого был Сергей Собянин, потребовал для Ханты-Мансийского национального округа полного контроля над природными ресурсами, и особенно нефтью (в то время округ обеспечивал 30% поступлений твердой валюты в Россию), а также прямого контакта с Москвой в отношении распределения дохода.

Противоречие интересов центра и регионов в вопросах собственности в полной мере проявилось в процессе приватизации государственной собственности в 1992–1995 гг. Каждая из сторон пыталась управлять этим процессом. И поскольку состав российского парламента во многих случаях в большей степени представлял интересы регионов, а не центра, некоторые из принятых Думой законов помогали регионам контролировать процесс приватизации. Одним из таких законов был «Закон о приватизации государственных предприятий и общих принципах приватизации муниципальных предприятий Российской Федерации», принятый Думой в октябре 1995 г.

К концу 90-х гг., по мере усиления центральной власти, отношения собственности между центром и регионами стабилизировались. В первые годы XXI

века только Чечня, используя заинтересованность Москвы в умиротворении республики, продолжала добиваться уступок от центра (например, в том, что касается добычи нефти). Однако совершенно очевидно, что при первых же признаках слабости центральной власти отношения собственности, особенно между центром и регионами, могут стать причиной ожесточенных конфликтов.

Частная и общественная собственность: противоречивое отношение людей

Неразбериха, возникшая в результате изменения отношений частной собственности, была еще большей, чем при разделении федеральной и региональной собственности. Развал существовавших отношений собственности в конце 80-х и в начале 90-х гг. XX века в России был похож на то, что происходило после краха Римской империи. Приватизация средств производства была сопряжена с трудностями. Она диверсифицировала отношения собственности и стала главной причиной нестабильности.

Нестабильность в значительной степени усиливалась двойственным отношением населения к различным формам собственности, что также наблюдалось в эпоху раннего Средневековья, когда римские законы перестали действовать и разные формы собственности были поставлены под сомнение. **В сущности, одна из самых убедительных побед российских коммунистов состояла не в запрещении частной собственности на средства производства, а в успешном убеждении большинства людей в правильности этой меры и в преимуществе общественной собственности над частной.** Незадолго до краха коммунизма большинство россиян верили, как того требовала пропаганда,

в исключительность русской культуры, в превосходство плановой системы и в ценность общественной собственности. В 1989 г. только 10% россиян выступали за «легализацию» частного предпринимательства¹³. Два года спустя, перед самым распадом советского государства, половина населения все еще была против приватизации государственной собственности — это при том, что отдаленные последствия приватизации еще не мог предсказать никто¹⁴. В середине 90-х гг. негативное отношение к приватизации стало еще более явным. Большинство населения выступало против частной собственности на крупные предприятия, а около половины предпочитали социалистическую систему для России; одна треть респондентов были твердыми сторонниками капитализма¹⁵.

Вера в фундаментальное преимущество общественной собственности перед частной сочеталась с поведением, искажавшим истинное отношение россиян к общественной и частной собственности. И действительно, несмотря на старания государства защитить общественную собственность, в стране процветало воровство на рабочих местах¹⁶. И если вынос материальных ценностей с заводов, колхозов,строек и учреждений не считался аморальным, то воровство личных вещей резко осуждалось. Советские люди не заботились об оборудовании и машинах, принадлежащих государству. На государственных предприятиях разбазаривались огромные средства. В то же время советские люди тщательно следили за состоянием личной собственности, от небольших участков земли и огородов до автомобилей и телевизоров¹⁷. Советские люди, как показали проведенные в 90-х гг. исследования, по-разному относились к частной собственности на крупные и мелкие предприятия. Они выступали за право собственности на мелкий, но не на крупный бизнес. Эти данные свидетель-

ствовали в пользу идеи советских либералов, что советский народ втайне восхищается частной собственностью¹⁸, однако эта идея оказалась верной лишь отчасти. После антикоммунистической революции 1991 г. отношение людей к общественной и частной собственности существенно не изменилось.

Номенклатура как будущие феодалы

Номенклатура (то есть партийные аппаратчики, чиновники в различных органах власти) еще в большей степени, чем простые люди, поддерживали идею общественной собственности – даже в отношении малого бизнеса. До 1991 г. они рассматривали общественную собственность как смысл своего существования. Разные авторы – в том числе знаменитый реформатор Егор Гайдар – при анализе прошлых событий предполагали, что аппаратчики были жадными ворами, стремившиеся жить так же, как на Западе, и поэтому жаждавшие приватизации и инициировавшие перестройку¹⁹. Однако это очень неточная оценка. На самом деле вплоть до последних лет периода перестройки большая часть номенклатуры была решительно против приватизации. Горбачев избегал употреблять этот термин вплоть до последнего года своего правления²⁰. Впоследствии он начал приватизацию государственной собственности. В 1987–1988 гг. горбачевская команда издала несколько документов, которые резко ограничили контроль государства над экономикой. Среди них был важный «закон о кооперативной деятельности» (март 1988 г.), «закон о предприятиях», значительно расширивший самостоятельность производственных предприятий (1987 г.), и указ об «аренде предприятий работниками», позволявший предприятиям устанавливать цены на

свою продукцию (начал действовать в 1986 г.)²¹. Радикальный разрыв с плановой системой произошел в 1989 г., когда Кремль публично признал рыночную экономику своей целью на следующий период.

Апологеты приватизации были уверены, что государственная собственность попадет в руки «эффективных собственников», эффективных менеджеров и активных инвесторов. Как выяснилось, эти «эффективные собственники» принадлежали к номенклатуре, управлявшей экономическими преобразованиями. Другими словами, они использовали свои связи и положение, чтобы превратить государственную собственность в личную²².

Отношение к частной собственности в постсоветской России

В постсоветской России приватизация и сильное социальное расслоение оказали огромное влияние на отношение людей к собственности. Реакцию на приватизацию после 1991 г. можно сравнить с чувствами римских землевладельцев с VI по VIII век н. э., наблюдавших, как после краха Римской империи варвары захватывают их собственность. К концу 90-х гг. XX века только 3% россиян были вовлечены в частную экономическую деятельность²³. В начале 2000 г. три четверти населения считали приватизацию крупных предприятий «незаконной»²⁴. В этот период не менее половины населения выступало за пересмотр результатов приватизации²⁵. Россияне признавали только приватизацию мелких предприятий и квартир.

В начале XXI века права собственности в России были крайне нестабильны, и это состояние было обусловлено двумя главными факторами: отказом населения признать законность приватизации и беззаконие, царившее в обществе. И действительно, через десять лет после пика приватизации россияне все еще были враждебно настроены по отношению к большому бизнесу, хотя соглашались с правами собственности малого бизнеса и частной собственностью на квартиры. По данным исследования, выполненного «Фондом общественного мнения» в 2000 г., 40% граждан России выступали за частную собственность, а 42% — против²⁶.

В то же время слабость государства и беззаконие, царившее в обществе, усиливали ощущение нестабильности в отношениях собственности. В первом десятилетии XXI века почти все формы частной собственности могли быть экспроприированы государством, частными компаниями или отдельными лицами. Как и в эпоху Средневековья, права собственности стали до некоторой степени «условными».

Примечательно, что многие принадлежавшие государству компании не выпускали официальных документов для своих акционеров. Права держателей акций якобы гарантировал совет директоров компании²⁷. Многие собственники, которые приобрели землю или капитальные вложения во время «дикой приватизации», не были уверены в безопасности своих активов. Они полагали, как отмечал Юрий Борисов, что их собственность была своего рода «феодальной вотчиной», которую в любой момент могут отобрать, потому что у них нет документов, подтверждающих их права²⁸. В отсутствие законности и порядка в об-

шестве многие работники государственного аппарата, а также преступные организации начали «захватывать» разные формы государственной и частной собственности, используя законные, полузаконные и незаконные методы.

Технология рейдерства

Для захвата контроля над разными формами собственности была разработана сложная технология, получившая название «рейдерства». Это понятие близко, но не эквивалентно термину «враждебное поглощение», которым пользуются на Западе²⁹. В российских условиях рейдерство включало использование налогового механизма с целью искусственного банкротства, принуждение акционеров к продаже акций, фальсификацию документов, подкуп судов и милиции, преследование компаний при помощи разного рода государственных инспекций (пожарной, санитарной и т. п.), конфискацию продаваемых компанией товаров как контрафактных, физическое устранение собственников и отмывание незаконно приобретенной собственности путем продажи посредническим компаниям. Величина взяток доходила до 17% стоимости захватываемой собственности³⁰. Эта технология была очень похожа на методы, использовавшиеся королями и феодалами для захвата чужих земель.

Борьба за землю

Во многих случаях желанной целью рейдерства были не средства производства и даже не здание, а земля, принадлежащая компании или используемая ей. Ожесточенная борьба за землю, особенно в городах

или поблизости от них, была похожа на феодальные битвы за поместья и замки в эпоху Средневековья. Особенно сильным стремление завладеть землей – независимо от того, что на ней построено, – было в Москве и в окрестностях столицы.

Не менее яростная борьба за землю разгорелась в сельской местности. После 1991 г., когда часть колхозов была распущена, статус земли оставался таким же запутанным, как после падения Римской империи. В постсоветском обществе миллионы крестьян оказались в ситуации, когда их права на землю стали крайне неопределенными. В некоторых регионах крестьяне хотели сохранить колхозы, и положение оставалось таким же, как до 1991 г. (большая часть обрабатываемой земли была общественной). В других местах колхозы были поделены на индивидуальные наделы. Однако чиновники создавали многочисленные препятствия для крестьян, пытавшихся документально оформить права на землю. По официальным данным, в 2006 г. существовало 40 млн земельных наделов, но только у 20% имелись официальные собственники³¹. Аналогичная ситуация сложилась в раннем Средневековье, когда, например, во Франции крестьяне могли в течение многих лет обрабатывать землю, не зная, принадлежит ли она им.

Такое положение наблюдалось в Московской области в 2006 г., когда многие крестьяне обнаружили, что их права на земельные наделы как членов колхоза без их ведома перешли к владельцам новых агропромышленных фирм, а также компаний, торгующих недвижимостью. Суды и прокуратура не защищали крестьян, лишившихся земли. «Крестьянский фронт» – организация, созданная бывшими членами колхозов Московской области, – принимала отчаянные попытки спасти свои права собственности, но столкнулась, как выразилась извест-

ный журналист Эльвира Горюхина, с полным равнодушием местных властей³².

Рейдеры

В России появились многочисленные компании, специализирующиеся на захвате собственности или на ее защите от рейдеров. По данным Министерства внутренних дел, в 2005 г. в стране насчитывалось не менее 100 рейдерских фирм³³. Некоторые авторы даже видели позитивный аспект в деятельности рейдеров³⁴, однако большинство подобных компаний были хищниками – такими же, как в Средние века, когда более сильный феодал при помощи юристов отбирал земли у слабого, как описано у Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль». Изучавший рейдерство Юрий Борисов предполагает, что прибыль таких фирм достигает астрономических величин³⁵.

Одна московская фирма под названием «Ведомство» осуществила серию рейдерских захватов, отобрав земли у владельцев и арендаторов на территории Московской области. Как предположил в своей статье «Рейдеры. Как это делается» журналист Александр Травин, глава фирмы Илья Дыскин добился успеха благодаря тому, что установил тесные связи не только с московской бизнес-элитой, но и с высокопоставленными федеральными чиновниками (один из них, например, получил от Дыскина БМВ). Дыскин имел тесные контакты с Управлением юстиции по городу Москве, которое регистрировало все его сделки. Для осуществления своих схем Дыскин широко использовал российские суды, причем не только в Москве (несколько исков против него были отклонены), но и в других городах, например в Казани. Одновременно Дыскин нанял несколько бывших

работников юстиции и милиционеров, которые помогали ему отбирать чужую собственность³⁶.

Захват частных компаний

Перераспределение собственности стало важным элементом политического и экономического ландшафта России в начале XXI века. Один из экспертов, бывший экономический советник президента Андрей Илларионов, даже признал, что перераспределение собственности в пользу Кремля было «главной движущей силой» путинского режима³⁷. Судебная система в постсоветской России во многих отношениях была похожа на судебную систему Западной Европы в эпоху Средневековья, когда суды нередко решали имущественные споры в пользу того, кто даст большую взятку. Многочисленные факты свидетельствуют, что российские олигархи и губернаторы почти полностью контролируют суды и другие правоохранительные органы в своих регионах. В 2006 г. создатели фильма «Охота на изюбря», снятого по роману Латыниной, убедительно показали, как крупный металлургический комбинат, расположенный в одном из городов Сибири, стал центром жестокой схватки, в которой участвовали владелец предприятия, московский банк и местный губернатор. Все три претендента на комбинат оказывали давление на судью, председательствовавшего на процессе, и в конечном итоге судья уступил одному из них. Непрерывное перераспределение собственности – в основном союзом криминальных структур с коррумпированной милицией и высокопоставленными чиновниками – было темой еще одного фильма под названием «Бандитский Петербург», снятого Владимиром Бортко в 2003 г.

В статье о бизнесмене Сергее Одинарцеве подробно описывается, как работают рейдеры. Однажды утром он приехал на работу и обнаружил, что принадлежащий ему склад чая и кофе в Туле (150 миль к югу от Москвы) захвачен вооруженными головорезами. Он знал, что жаловаться в милицию бесполезно. Рейдеры, захватившие его бизнес, имели полный набор должным образом оформленных документов, подтверждающих, что они – ее новые владельцы. «У них есть влиятельные покровители, – рассказывает бизнесмен. – Я мог бы обратиться в суд, но уже понимаю, что это будет пустая трата времени».

В другом случае «жертвой» оказался бизнесмен, который сам попытался стать рейдером, но проиграл, поскольку его административная «крыша» оказалась недостаточно сильна. Московский бизнесмен Владимир Моисеев сделал предложение о поглощении крупного парикмахерского салона в Москве. Он уже владел 30% акций предприятия и имел близких друзей в управлении по борьбе с организованной преступностью Министерства внутренних дел. Но, к несчастью для Моисеева, объявился другой претендент со связями в президентской администрации. Как в карточной игре, козыри Моисеева были побиты более весомыми связями соперника³⁸.

Тщательно подготовленными были попытки компании РАТМ захватить контроль над цементными заводами Сибири. Наряду с другими средствами компания использовала ложные обвинения в судах³⁹.

Москва против регионов

В борьбе за собственность московские корпорации, которые обычно имеют более тесные связи с центральной властью и ее «административными ресурса-

ми», включая военную силу, часто пытаются захватить активы в других регионах. Показательным примером может служить смена собственника мясоперерабатывающего предприятия «Самсон», расположенного в Санкт-Петербурге. Самым ценным активом предприятия был участок земли. Московская фирма «Салолин» хотела построить на этой земле жилые и офисные здания. Петербургское предприятие не признало права московской фирмы, ссылаясь на предыдущее решение суда. Используя связи в «силовых структурах», москвичи пригласили отряд спецназа из Чечни, чтобы силой изгнать руководство петербургского предприятия⁴⁰.

Конфискация товаров

В 2006 г. рейдерским атакам подверглись даже розничные сети. Магазины, торгующие мобильными телефонами и микроволновыми печами, подверглись атаке под тем предлогом, что они торгуют контрафактным товаром. Эти события показали, что рейдерство, ранее ограничивавшееся крупными предприятиями, проникло в новую сферу экономики⁴¹. Товары, конфискованные во время таких акций, создавали богатый источник нелегального дохода для чиновников. Они могли незаконно продать товары на открытом рынке или купить их по чрезвычайно низкой цене.

Работники таможни часто конфисковывали импортные товары, используя смехотворные предлоги (например, любую ошибку в документах). Незаконная деятельность российских таможенников признавалась высокопоставленными чиновниками, в том числе президентом. Конфискованные товары могли быть проданы на аукционе избранным фирмам по минимальной цене⁴².

В Москве и других городах, где стоимость земли очень высока, захват общественных организаций, таких как клубы, библиотеки и театры, стал привычным явлением начала XXI века. Главы учреждений культуры, сопротивлявшиеся захвату, сталкивались с угрозами физического насилия и другими формами давления. Распространенным методом убеждения стал поджог. В 2005 г. и в первые месяцы 2006 г. сообщалось о нескольких подобных случаях. В марте 2005 г. председатель Союза композиторов России Владислав Казенин получил предупреждение от рейдеров, претендовавших на здание возглавляемой им организации: стекло его автомобиля было разбито, а на сиденье лежала граната. В 2005 г. для давления на директора знаменитого московского театра «Эрмитаж» был использован другой метод. Группа неизвестных попыталась ворваться в квартиру директора, после чего он ушел из театра. В марте 2006 г. при помощи поджога криминальные структуры пытались заставить Центр ремесел и народных промыслов уступить свою территорию. В мае 2005 г. поджог также использовали для попытки захвата здания знаменитого Московского академического музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко⁴³.

Конфискация частных квартир

Неопределенность прав собственности распространилась даже на приватизированные квартиры. Эта проблема особенно важна для россиян, поскольку значительная доля населения страны владеет жильем (в 2001 г. в Москве половина жителей столицы были собственниками квартир). Журналисты, анализирую-

вавшие эту проблему, назвали свою статью: «Новый феодализм. Забудьте слово «коррупция»: в путинской России система «кормлений» и патронажа носит почти средневековый характер, затрагивая все сферы жизни»⁴⁴.

Частные компании, государственные организации, а также отдельные лица участвовали в захвате частного жилья. Они пользовались поддержкой правоохранительных органов, судов и криминальных структур. Российские средства массовой информации часто писали о случаях захвата жилья. Авторы упомянутой выше статьи приводили типичный пример: когда в московскую квартиру Зураба Джапаридзе явились вооруженные люди в милицейской форме, он сразу догадался о причине их визита. По их словам, Джапаридзе нарушил закон: документы на покупку квартиры не оформлены должным образом и он должен освободить жилплощадь. Однако тридцатичетырехлетний организатор кинофестивалей понимал, что на самом деле дело в другом. Его подлинное преступление заключается в том, что он грузин. С тех пор как после шпионского скандала в конце сентября Кремль выразил недовольство действиями Тбилиси, российская полиция и бюрократия открыли «сезон охоты» на грузин, их бизнес и имущество. Джапаридзе заплатил крупную взятку, чтобы милиционеры ушли⁴⁵.

История с частными жилыми домами в Бутово, на окраине Москвы, привлекла внимание всей страны. В 2006 г. московское правительство по какой-то причине решило снести дома на этой территории – вероятно, из-за того, что земля здесь стоила очень дорого. Владельцы домов сопротивлялись захвату. В конфликт были вовлечены суды, милиция, Государственная дума и другие организации. Средства массовой информации рассматривали «бутовский

конфликт» как еще одно свидетельство ненадежности прав собственности в стране⁴⁶.

Ренационализация, или феодализация, частной собственности

Одной из самых могущественных фигур в смене собственности было само государство. В начале XXI века оно начало ренационализировать частную собственность. Как отмечал Сергей Гуреев, профессор Новой экономической школы в Москве, исследования Всемирного банка показали, что доля государства в промышленном производстве и занятости в 2005 г. выросла до 40% – с 30% в 2003 г. «Ощущение и того хуже, – писал он, – поскольку даже частные собственники зависят от взаимоотношений с Кремлем»⁴⁷.

В отличие от всех других случаев ренационализации, известных в истории, захват компаний российским государством был обусловлен исключительно личными интересами правящей политической элиты. В сущности, ренационализация была разновидностью реприватизации, на этот раз в пользу новой группы «феодалов собственников», из которых состояла путинская правящая элита. В действительности это была феодальная приватизация, антипод капиталистической приватизации, потому что если во втором случае собственность становится основой рыночной экономики, то в первом случае собственность стала частью феодальных владений, контролируемых элитой. Феодализация частной собственности под видом ренационализации, в отличие от настоящей национализации в 20-х гг. XX века, не имела ничего общего с централизацией управления экономикой, как это происходило после Октябрьской революции, когда возникла новая плановая система.

И действительно, типичный аргумент для оправдания истинной национализации заключался в том, что она сделает экономику более эффективной. Однако после 2000 г. официальные идеологи почти никогда не говорили о важности ренационализации крупных компаний с целью повышения их эффективности⁴⁸.

Довольно часто российское государство использовало ту же технологию рейдерства, что и частный и криминальный бизнес. Показательным примером может служить дело «ЮКОСа». Отправив руководителя в тюрьму, Кремль обанкротил компанию, а затем организовал поглощение «ЮКОСа» государственной компанией «Роснефть».

В 2005–2006 гг. Кремль организовал слияние нескольких конкурирующих авиастроительных компаний, государственных и частных, в Объединенную авиастроительную корпорацию, подчиненную премьер-министру, назначенному Путиным. Эта корпорация поглотила несколько независимых частных авиапредприятий, в том числе «Пулково» и ГТК «Россия». Кроме того, Кремль назначил управленцев из «Рособоронэкспорта» руководить «АвтоВАЗом», крупнейшим производителем легковых автомобилей в России, который превратился в наполовину частное предприятие⁴⁹. Как уже отмечалось выше, в начале XXI века Кремль назначил своих людей в советы директоров нескольких крупных корпораций.

Перераспределение собственности и шансы во власти

Ненадежность прав собственности в постсоветской России стала особенно очевидна после того, как к власти пришли новые люди. Появление новой фигуры в центральном или региональном правительстве

всегда сопровождалось значительным изменением структуры собственности в стране. Как отмечал известный российский политик Григорий Явлинский в своем интервью газете «Известия», любое перемещение с одной должности на другую означает «смену субъекта контроля над финансовыми потоками». Он добавляет, что в таких условиях у собственника «нет неоспоримых прав ни на что и никаких гарантий защищенной перспективы»⁵⁰.

И действительно, при путинском режиме отношения собственности радикально изменились. В начале 2007 г., когда была написана эта книга, правящие элиты России с тревогой ожидали 2008 г., когда в соответствии с Конституцией Путин должен уступить власть над страной новому президенту. Ни один из тех, кто сделал себе состояние в период с 2000 по 2008 г. или даже раньше, не может быть уверен в своих правах на собственность при новом лидере. По этой причине в 2007 г. большинство элит принадлежали к «партии третьего срока» и хотели бы, чтобы Путин оставался у власти вечно⁵¹.

Выводы

Неустойчивость отношений частной собственности и использование насилия в имущественных спорах — это ключевые аспекты жизни в Средние века, а также феодальной модели, наилучшим образом описывающей эту эпоху. В начале XXI века в России разгорелся ряд сражений за перераспределение собственности. И почти во всех случаях использовались незаконные методы и насилие. Западный термин «враждебное поглощение» не совсем адекватно объясняет технологии, используемые в России. Могущественные рейдеры могут опираться на суды, губернаторов, ми-

лицейских чинов, спецподразделения Министерства внутренних дел, ФСБ, налоговые органы, все организации, имеющие права проверять здания и офисы, средства массовой информации и, конечно, криминальные структуры. В постсоветской России, как и в эпоху Средневековья, почти все собственники, от акционеров компаний до владельцев частных квартир и домов, беззащитны перед полузаконными манипуляциями их правами собственности и незаконными методами захвата криминальных структур.

ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСНОВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ФЕОДАЛИЗМА

Введение

Один из самых главных элементов феодализма в современном обществе – это важная роль личных отношений в политике, экономике и других сферах общественной жизни. Личные отношения можно разделить на два типа. Один основан на взаимодействии между независимыми субъектами, которые пытаются добиться своих целей посредством взаимопомощи, а другой на принципе клиентуры (отношения сюзерена и вассала), предполагающем иерархию в отношениях между людьми. Второй тип отношений социально более значим, и именно он будет главным предметом данной главы¹.

Существенная роль в общественной жизни личных отношений и родства – это один из главных признаков, отличающих общества эпохи Средневековья (или общества, близкие к феодальной модели) от тоталитарного или либерального общества. Это обстоятельство не должно рассматриваться как достоинство или недостаток, когда речь идет о Средневековье или других примитивных обществах, где подобные отношения играли важную роль. В неко-

торых случаях личные отношения помогали организовать общественную жизнь и установить порядок. Даже в Соединенных Штатах для многих людей персональный фактор политических или экономических решений является нормой жизни, а не разновидностью коррупции, с которой часто связывают личные отношения. Адам Беллоу в своей книге «In Praise of Nepotism: A Natural History», признавая широкое распространение кумовства в американском обществе, утверждает, что «новая семейственность» в Америке полезна для ее экономики и других аспектов жизни общества².

Это мнение находит широкую поддержку у простых россиян, которые не считают высокую роль личного фактора и кумовства главным злом общества. Они гораздо хуже относятся к вымогательству, взяточничеству и присвоению имущества, чем к личным связям между чиновниками и бизнесменами. Исследование, проведенное в 2006 г. «Фондом общественного мнения» (в нем использовались открытые вопросы), выявило, что под термином «коррупция» граждане России понимают в первую очередь взятку (39%); затем идет воровство в высших эшелонах власти (15%), злоупотребление служебным положением (9%) и семейственность (2%)³. Некоторые российские интеллектуалы, например Андрей Кончаловский, осуждали роль кумовства в современной России, сравнивая ее с ролью родственных связей в политической жизни Средневековья. Однако эти авторы не нашли поддержки у простых россиян, считавших кумовство неизбежной составляющей повседневной жизни⁴.

Марксисты и социологи, в той или иной форме принимавшие идею «объективного» расслоения общества, были правы, когда говорили, что общество обычно разделяется на классы, группы или слои на

основе разнообразных объективных факторов, в том числе экономического и социального статуса, экономических и политических интересов, демографии и места жительства.

Однако описание общества, основанное на феодальной модели, и особенно обществ со слабым государством, как в постсоветской России, позволяет увидеть другое разделение – на кланы, «команды» и «клики», объединяющие людей, которые хранят верность одному лидеру. Члены клана поддерживают друг друга не по причине одного социального статуса или происхождения, как утверждают марксисты (хотя эти факторы тоже очень важны), а потому, что у них общая судьба, и они преуспеют или погибнут вместе – подобное поведение и менталитет мы можем видеть в кинофильмах и телевизионных сериалах, таких как «Крестный отец» или «Клан Сопрано». В первом десятилетии XXI века Россия была разделена не только на богатых и бедных, образованных и необразованных, жителей столиц и маленьких городов, людей живущих на востоке или на западе страны, граждан и нелегальных иммигрантов, но также на различные кланы, на людей, использующих разные «крыши» и с разными покровителями.

Среди других важных сфер социальной жизни, где роль личных связей очень велика, следует отметить подбор людей на различные посты, особенно в управлении, политике, экономике и культуре. Нет никаких сомнений, что личный фактор в подборе кадров и в контроле над их работой оказывает сильное влияние на эффективность всех основных институтов страны – в первую очередь экономических, политических и военных, – а также на политическую и социальную стабильность общества и на положение правящих элит⁵. Несмотря на то что в большинстве случаев личные пристрастия и кумовство оказывали

негативное влияние на эффективность социальных институтов, они также способствовали укреплению общественного и политического порядка. Для россиян личные связи особенно важны тем, что позволяют решить проблемы без помощи государственных учреждений.

Российский историк Михаил Афанасьев описывал важную роль личных отношений в современной России и сравнивал их с вассальными отношениями в Средние века. Он также связывал их с «невыносимой слабостью государства» (аллюзия на название знаменитого романа Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия»), или «дефицитом государства». Значение личных связей в жизни общества отражало враждебность граждан России по отношению к государству и недоверие к официальным институтам⁶. С Афанасьевым согласен директор Московского института прав человека Валентин Гефтер, который также утверждает, что личные факторы в России важнее закона⁷.

Подбор людей на различные посты в обществе иллюстрирует контраст между личными и обезличенными отношениями. В общем случае существует три способа подбора кадров и контроля над их работой. В авторитарном и особенно тоталитарном обществе личный фактор полностью игнорируется – считается, что к номенклатуре могут принадлежать только те, кто безраздельно предан высшему руководителю и главным ценностям системы (государству, партии и доминирующей идеологии или религии). Подобный механизм также предполагает, что деятельность аппаратчика оценивается по тем же критериям. Это значит, что лидер не терпит любой формы разделения лояльности (к непосредственному начальству, церкви или даже супругу и детям). Преданность другим считается почти государственной изме-

ной. Лидер жестоко наказывает членов правящей элиты, попавших под влияние личных или клановых интересов. Если обратиться к примерам только из современной истории, то последовательный иерархический принцип подбора кадров и оценки их деятельности воплотился в сталинском и гитлеровском государствах.

Второй принцип подбора кадров и оценки их деятельности реализован в демократическом обществе. Он основан на демократических и рыночных постулатах и в конечном итоге на достоинствах, компетентности и рациональности, как описано Вебером и Парсонсом. Он предполагает, что люди избирают гражданина, наиболее подходящего для выполнения данной работы, и что избранные органы будут контролировать назначенных чиновников, а рыночная конкуренция отберет лучших менеджеров в экономике и некоторых других сферах общественной жизни. В демократических обществах вторжение личных отношений в процесс принятия решений в политике считается неправильным, а иногда и незаконным — угрозой основам общества.

В отличие от авторитарного и демократического обществ, в феодальных обществах личные отношения всегда были важным элементом. В этих обществах подбор кадров основывался в первую очередь на лояльности к тем, кто назначал на должность. Эмоциональное и интеллектуальное доверие к подчиненным — помимо институциональных гарантий от предательства — было фундаментальным фактором функционирования любой организации. Назначение родственников на высокие посты в правительстве диктовалось также желанием, чтобы исполнителям важных решений можно было доверять. При феодальном типе подбора кадров компетентность тоже принималась во внимание, как и в тоталитарных обществах (конфликт

между «партийцами» и «специалистами» типичен для обществ советского типа), но считалась менее важной, чем преданность непосредственному начальнику. Личный фактор существенно уменьшал жесткость контроля над работой подчиненных до тех пор, пока они сохраняли преданность начальникам.

Личные отношения феодального типа в общественных науках

Тем временем в политологии и социологии XX века наблюдалась тенденция серьезно недооценивать роль личных отношений в политической и общественной жизни. Среди всех общественных наук исключение составляла лишь антропология, занимавшаяся древними обществами⁸. В тех случаях, когда обойти молчанием этот предмет не удавалось, ученые рассматривали влияние личных отношений на политику и другие сферы жизни общества как «естественное», само собой разумеющееся и поэтому не требующее особого внимания при изучении макроэкономических вопросов. В учебниках по управлению и политологии, а также в социологической литературе, посвященной политике, практически невозможно найти обсуждение этого важного социального вопроса.

Даже современная социальная психология, которая уделяет серьезное внимание человеческим отношениям, в большинстве случаев игнорирует не только модель поведения начальник-подчиненный в личных отношениях и ее влияние на политическую и экономическую жизнь общества, но и взаимодействие независимых субъектов, не подчиненное институциональным факторам. Более того, социальная психология, как правило, недооценивала значение родственных связей в общественной жизни.

ни (важный аспект не только средневековых, но и современных обществ)⁹.

После 1964 г., когда У. Д. Гамильтон занялся исследованием родственных отношений в современной жизни, некоторые ученые начали уделять больше внимания этому вопросу¹⁰. Интерес к проблеме усилился в 70-х гг. после работы Ричарда Доукинса об альтруистическом поведении и стремлении людей помочь тому, кто является носителем общих генов¹¹. Тем не менее даже эти подкрепленные эмпирическими данными исследования не подтолкнули представителей общественных наук к важным выводам, касающимся общественной и политической жизни. Главной причиной такого положения дел было убеждение, что существенная роль личных отношений в политике и общественной жизни принадлежит прошлому и что она не совместима с современным обществом, рациональным и законопослушным.

Пренебрежение личными отношениями как важным политическим и социальным фактором было типичной чертой макросоциальных теорий. В первую очередь это было справедливо для анализа общества как целого. Влиятельная школа символического интеракционизма не изменила пренебрежительного взгляда на личные отношения при анализе главных социальных и политических процессов в современном обществе. Видные представители этого течения, такие как Герберт Блумер и Эрвинг Гофман, были увлечены взаимодействием независимых личностей в малых группах и не проявляли интереса к изучению влияния этого взаимодействия на политические и социальные конфликты.

Вебер, а вслед за ним и Парсонс предложили теоретическое обоснование пренебрежения личными отношениями при анализе доминантных составляющих современного западного общества. Вебер пред-

ставлял идеальное общество как основанное на обезличенных отношениях, рационализме и компетентности. Убежденный в рациональности современного буржуазного общества, он считал анонимность – в противоположность личным отношениям – главным родовым признаком современного общества, отличающим его от феодального. Он противопоставлял *gemeinschaft*, или «общину» с личными отношениями людей, и *gesellschaft*, или «общество», основанное на анонимности, с восхваляемыми Вебером обезличенными отношениями.

Впоследствии Парсонс, с его утопической и идеалистической верой в триумф рационализма и универсализма, выражал уверенность, что роль «аскрипции» – когда социальный статус человека определяется факторами, не связанными с его усилиями или квалификацией, – будет постепенно уменьшаться и ее сменят «достижения».

Взгляды марксистов и левых радикалов на человеческие отношения были близки к вере Вебера и Парсонса в ведущую роль обезличенного подхода в общественных отношениях. Они предполагали, что в капиталистическом обществе подбор кадров определяют классовая близость и общность идеологии. Такова была одна из главных идей С. Райта Милза, изучавшего формирование элит в американском обществе¹². Обе теории – Вебера–Парсонса и марксистская – деперсонализировали человеческие отношения, представляя их зависимыми в основном от внешних факторов, таких как класс (или группа) и социальные ценности, которые не контролировались индивидуумом.

Концепции сетей и социального капитала, которые стали популярными во второй половине XX века, противоречили тезису Вебера и Парсонса об анонимности человеческих отношений в современ-

ном обществе. Появление этих теорий в 70-х гг. отчасти компенсировало этот недостаток, поскольку в них пристальное внимание уделялось роли доверия людей друг к другу. Однако эти понятия использовались в основном для анализа микросоциальных явлений, и практически никто из авторов, исследовавших данный вопрос, не распространял свои идеи на высокую политику¹³. Еще более значимым был тот факт, что обе эти концепции оперировали автономными и независимыми индивидуумами, взаимодействующими друг с другом на равной основе, поскольку никто не имел преимуществ перед остальными с точки зрения власти (политической, экономической или идеологической). Таков был посыл новаторской работы Марка Грановеттера, вышедшей в 1973 г.¹⁴ Большинство исследований на тему социального капитала и сетей были посвящены таким организациям, как школьные комитеты, скаутские организации, спортивные любительские лиги, братства и Интернет. Даже такой критически настроенный социолог, как Пьер Бурдьё, в своей работе «The Forms of Capital» (1986) в основном рассматривал социальный капитал не вне сферы отношений власти, а лишь как существующий между членами групп, основанный на взаимном знакомстве и признании¹⁵. Роберт Патнэм, автор «Bowling Alone» и сторонник концепции социального капитала, также говорит о социальных сетях, которые объединяют людей и подготавливают их для того, чтобы помогать друг другу. Естественно, что Патнэм и его последователи считали социальный капитал важным фактором построения и сохранения демократии¹⁶. Другие авторы, например Джеймс Коулмен и Фрэнсис Фукуяма, писавшие о социальном капитале, оперировали индивидуумами, которые имели дело с другими ординарными фигурами в сетях на основе равенства. И лишь несколько

других экспертов, в большинстве своем не социологов и не социальных психологов, широко освещали вопрос семейственности.

Главное направление экономической литературы также проявляло слабый интерес к личным отношениям и родственным связям. Большая часть публикаций на эту тему была посвящена ранним стадиям капитализма или несовременным обществам¹⁷. Вебер упоминал о родственных связях в экономике только по отношению к Китаю в начале XX века¹⁸. При анализе современных обществ развитого капитализма этот аспект по большей части игнорировался. Исключение делалось для особых случаев, таких как семейный бизнес или дискриминация женщин в бизнесе¹⁹. В учебниках по экономике и работах, посвященных капитализму как системе, эта тема затрагивалась спорадически и освещалась крайне поверхностно.

Доминировавшие в Америке экономисты неоклассического направления, и особенно либертарианцы, лишь вынужденно обсуждали этот предмет. Разделяя веберовское представление о капитализме как о рациональной, эффективной системе, а также концепцию Джефферсона о меритократии, они предпочитали не анализировать препятствия к идеальной конкуренции и наиболее эффективному использованию ресурсов. В любом случае, не стоило надеяться, что в знаменитой работе Милтона Фридмана «Capitalism and Democracy» вы найдете анализ влияния наследства или семейственности на эффективность частного бизнеса²⁰. Наиболее ярко семейственность описана в великих романах о капитализме, таких как «Будденброки» Томаса Манна (1901), «Дело Артамонова» Максима Горького (1927), «Джунгли» Эптона Синклера (1928) и «Финансист» Теодора Драйзера (1940), а также в статьях журналистов, которые рассказывали истории разных частных фирм,

когда каждое новое поколение собственников все больше утрачивало интерес к семейному бизнесу²¹.

Лишь немногие профессиональные экономисты поднимали этот вопрос в своих публикациях. Как уже отмечалось выше, только Беллоу писал о роли личных отношений и родства в экономике. Он утверждал, что поколения Фордов, Курзов, Грейсов, Сульцбергеров и Голдманов были успешными бизнесменами, которые продолжали традиции первенства в автомобилестроении, производстве потребительских товаров, газетном деле и инвестиционном бизнесе, а также эффективными менеджерами, редко использовавшими влияние своих кланов. Другие авторы, например Лоисо Мбабани, эксперт по приватизации в Южной Африке, защищали «знакомство» или семейственность просто потому, что считали это явление нормальным аспектом капитализма. Мбабани писал, что на месте владельца многомиллионного бизнеса не стал бы доверять его абсолютно незнакомому человеку. Он утверждает, что наследник или любой человек, привлеченный к руководству, должен быть хорошо знаком либо ему, либо топ-менеджерам (принцип «кого ты знаешь, а не что ты знаешь»). Мбабани уверен, что это справедливо для любого типа серьезного предприятия или института (включая правительство). Когда в Соединенных Штатах к власти приходит новая политическая партия, она меняет все высшее чиновничество страны, назначая на эти посты людей, лояльных к новому руководству. В сущности, лояльность к новому руководству рассматривается как главная составляющая «компетентности» претендента на должность на государственной службе²².

Личные отношения между лордом и его вассалами, а также между членами семьи были основаны на иерархическом принципе, и в этом качестве они составляли важную часть структуры общества в эпоху Средневековья. Значение личных отношений в этот период подчеркивалось двумя социальными факторами: преданностью и доверием.

Пол Виноградофф описывал церемонию установления отношений между лордом и арендатором как ключевой элемент жизни в Средние века. Арендатор должен был лично предстать перед лордом, окруженным придворными, опуститься на колени, положить сложенные ладони в руку лорда и поклясться в верности. Этот акт уважения сопровождался «инвеститурой» со стороны лорда, который вручал вассалу стяг, жезл, грамоту или любой другой символ владения собственностью²³.

Преданность была одной из важнейших тем в пьесах Шекспира. Так, например, в «Короле Лире» Корделия олицетворяет преданность отцу. Преданность также была ведущей темой в пьесах «Макбет» и «Много шума из ничего». Преданность восхвалялась почти во всех произведениях эпохи классицизма, в первую очередь Расина и Корнеля, но высмеивалась авторами новой, буржуазной эры, Мольером и Бомарше.

Родство и личные отношения

Родство — это особый тип личных отношений, игравший важную роль во всех обществах на всех этапах человеческой истории. В примитивных обществах, еще до появления государства, и особенно в

Средние века, значение родства достигло своего пика. В сущности, родство представляло собой превалирующую форму отношений во многих племенах до формирования государства²⁴. Общества эпохи Средневековья были основаны на родственных отношениях, даже если термин родства использовался достаточно широко. В Средние века люди говорили не о товарищах по работе, а о родственниках, не о сверстниках, а о братьях, не об обществах, а о братствах.

Существенной была разница в средневековом понимании взаимной выгоды и родства. Должность, власть и место в обществе определялись не индивидуальными свободами и обезличенными отношениями, а глубоко личными отношениями, основанными на взаимной выгоде, устанавливаемыми в результате договора и описываемыми в терминах родства. В политике самым главным было родство, право наследования королевской власти²⁵.

Родственные отношения имели огромное значение в средневековой России. Как писал один из русских летописцев, киевский князь Святослав в своей речи к русским князьям обращался к ним согласно степени родства. По мнению Василия Ключевского, социальная сеть, основанная на родстве, играла огромную роль в средневековой России вплоть до правления Ивана Грозного²⁶.

Тоталитарное общество: Советский Союз

В тоталитарном обществе роль личных отношений, особенно основанных на родстве, была сведена до минимума, хотя никогда не исчезала совсем. Сталин не терпел влияния родственных отношений на подбор кадров и допускал это явление лишь в редких случаях, таких как активная политическая деятельность семьи Лазаря Кагановича и роль Юрия Жда-

нова – сына члена политбюро Андрея Жданова и впоследствии мужа дочери Сталина Светланы – как главы отдела науки в Центральном Комитете партии²⁷. Сталин также был против подбора кадров на основе личной преданности. Он публично критиковал тех партийных аппаратчиков, которые нарушали этот железный постулат советской системы²⁸.

Семейственность явно усилилась после смерти Сталина, даже несмотря на то, что дети руководителей по-прежнему почти не участвовали в общественной жизни²⁹. Однако типичным явлением стал подбор на должности в партийном и государственном аппарате лично преданных людей. Новый генеральный секретарь обычно приводил в высшие эшелоны власти людей, с которыми он работал в регионах. Хрущев поставил на многие должности людей из Киева, где он работал на протяжении многих лет. Брежнев пригласил бывших подчиненных из Днепропетровска в Москву, где они образовали так называемую «днепропетровскую мафию»; Горбачев привлек к работе в ЦК многих людей из своего родного Ставрополя, а Ельцин привел преданных людей из Свердловска³⁰.

Сталин не одобрял, когда члены политбюро встречаются друг с другом в неформальной обстановке, потому что боялся, что они плетут интриги против него. И действительно, заговор против Хрущева в 1964 г. стал возможен только потому, что недовольные члены политбюро пренебрегли правилами и интенсивно общались друг с другом в частном порядке. Однако в брежневские времена личные и семейные контакты между членами политбюро по-прежнему решительно не одобрялись³¹.

Как уже отмечалось выше, роль полулегальных и нелегальных личных отношений в экономике, политике и других сферах общественной жизни была го-

раздо значительно на Кавказе и в Средней Азии, где существовали клановые и племенные отношения наподобие вассальных. Каждый чиновник, министр или партийный секретарь в этих республиках имел собственную сеть вассалов, многие из которых были родственниками или соплеменниками руководителя региона. Советское тоталитарное государство, в котором на ключевые посты в национальных республиках назначались этнические русские и в котором местные контролирующие органы напрямую подчинялись Москве (местные управления КГБ, министерства внутренних дел, министерства обороны и центрального статистического управления), могло до некоторой степени ограничивать влияние личных отношений и клановости на жизнь этих республик³². Но после распада империи большая часть ограничителей исчезла, и эти отношения почти открыто стали основой организации общества в Центральной Азии³³.

Еще одна важная часть жизни советского общества — это личные отношения среди людей одного ранга, основанные на нелегальном обмене товарами и услугами. Эти отношения существовали даже при Сталине, но особенно расцвели после его смерти. Почти у каждого, особенно у интеллигенции и управленцев, была собственная сеть друзей (социальный капитал). Российский термин «блат», обозначающий возможности, определяемые личными связями, начал использоваться в России гораздо раньше, чем термины «социальный капитал» или «сеть». Важная роль межличностных отношений в общественной жизни проявлялась в культе дружбы, существовавшем в Советском Союзе и многих других тоталитарных обществах. Этот культ явно напоминал кодекс чести средневековых рыцарей, превозносивший преданность не только сюзерену, но также товарищам по оружию и любимой женщине³⁴.

Крах тоталитарного государства открыл ворота для личных отношений, в том числе родственных, в экономической и политической жизни. Падение советской системы сопровождалось быстрым ослаблением государства и разрушением общественного порядка и идеологии, что повлияло на поведение и чиновников, и простых людей. В среднеазиатских республиках распад империи позволил в полной мере развиться традиционным структурам общества, а в России и других славянских республиках личные отношения приобрели такое значение, какого никогда не имели прежде, за исключением Средних веков. Если, как отмечалось выше, личные отношения в советские времена использовались как защита от государства и от специфического характера государственной экономики, то теперь эти отношения выступали в качестве замены слабому и коррумпированному государству, а также дискредитированным общественным институтам, как противовес усиливающемуся хаосу и как средство адаптации к новому обществу.

Даже в начале XXI века, через 15 лет после падения советской системы, Россия была страной, в которой в большей степени, чем в других, не доверяли всем общественным институтам, и в первую очередь политическим. По данным «Левада-Центра», в 2005 г. в России не было ни одного института, уровень доверия к которому превышал бы 40–50%. Три самых популярных института (президент, церковь и армия) смогли набрать 47, 41 и 31% соответственно. Однако уровень доверия к большинству политических институтов составлял от 10 до 30%, а иногда и меньше. Только 15% населения доверяли судам и 10% милиции. Престиж Государственной

думы и политических партий был еще ниже – соответственно 10 и 5%³⁵. Данные других опросов подтверждают эти цифры³⁶.

В противовес недоверию общественным институтам в постсоветский период усилилась вера россиян в семью как в самый важный институт. В 2001 г. две трети граждан России поддерживали идею, что интересы семьи важнее интересов общества³⁷. Следует отметить, что уровень оптимизма гораздо выше у тех, кто жил в семье, чем у одиночек. Кроме того, чем больше семья, тем выше оптимизм. Так, например, в 2004 г. только 30% одиноких людей были уверены в завтрашнем дне, по сравнению с 46% среди тех, семья которых состояла из четырех человек³⁸.

Семья Ельцина

Повышение роли личных отношений после краха советской системы в значительной степени обусловлено поведением Ельцина и его «семьи». Собственно говоря, семьи советских руководителей не играли практически никакой роли в общественной жизни Советского Союза (единственным исключением была Надежда Крупская, жена Ленина, которая как старый большевик занимала хотя и скромное, но собственное место в политике).

На самом деле советские люди даже не знали имен жен и детей Сталина, Брежнева, Андропова или Черненко³⁹. Супруга Хрущева была единственной, кого до начала перестройки можно было увидеть на фотографиях рядом с мужем во время зарубежных поездок⁴⁰. Жены руководителей никогда не участвовали в политической деятельности мужей⁴¹. Жена Горбачева Раиса была первой, кто появился на политической сцене. Ее частое присутствие рядом с мужем на раз-

личных мероприятиях вызывало сильные эмоции в обществе, по большей части негативные. Тем не менее даже Раиса Горбачева формально не участвовала в процессе принятия решений в Кремле⁴².

Семья Ельцина вошла в политическую и экономическую жизнь страны почти сразу же после 1991 г. Уже в первые годы правления Ельцина термин «семья» занял ведущее место в российском политическом словаре. Он получил такое широкое распространение, что исследователи общественного мнения могли без проблем включать его в опросные листы, когда речь заходила о том, кто управляет страной. Как бы то ни было, российское общество вскоре стало считать «семью» одной из самой влиятельных сил в стране. Даже через два года после отставки Ельцина (в 1999 г.) 22% россиян были уверены, что страной правит «семья»⁴³.

Младшая дочь Ельцина Татьяна и два ее сменивших друг друга мужа, Леонид Дьяченко и Валентин Юмашев, а также старшая дочь Елена с мужем Владимиром Окуневым к концу ельцинского срока стали сказочно богатыми. Второй муж Татьяны (в действительности он был третьим, если считать того, с кем она развелась до 1991 г.) был зятем Олега Дерипаски, алюминиевого магната и одного из богатейших людей России. Дерипаска также приобрел свое гигантское состояние в первые годы ельцинского режима⁴⁴. Об участии семьи в коррупционной деятельности было широко известно и в России, и за рубежом. Так, например, Борис Березовский в то время, когда он входил в правящую элиту, подарил Татьяне два дорогих автомобиля⁴⁵. В России, как и в других обществах, коррупцию в высших эшелонах власти выявить очень сложно, и поэтому невозможно документально подтвердить все случаи коррупции, в которых участвовала «семья». Среди многочисленных

историй об обогащении «семьи» есть надежные свидетельства, что две дочери Ельцина участвовали в финансовых спекуляциях, используя внутреннюю информацию, доступную лишь государственным чиновникам. Эта схема принесла огромную прибыль, тогда как вся страна в августе 1998 г. оказалась на краю финансовой катастрофы. Сведения об этих финансовых махинациях сообщил Юрий Скуратов, бывший Генеральным прокурором при Ельцине и впоследствии уволенный⁴⁶. Существование тайных счетов Татьяны в швейцарских банках и двух счетов ее мужа Дьяченко в «Bank of New-York» обсуждалось не только в российской и зарубежной прессе, но и на заседаниях американского Конгресса⁴⁷. Другие источники, в том числе известный российский журналист Юрий Щекочихин (по мнению некоторых его коллег, он был отравлен в 2003 г.), писали о принадлежащей Татьяне вилле в Антибе на Лазурном Берегу Франции (стоимостью 11 млн долларов), а также о замке в немецком городе Гармих⁴⁸.

Прокуроры из Соединенных Штатов, Швейцарии и Италии несколько раз пытались доказать незаконное происхождение богатства «семьи», но из-за отсутствия помощи со стороны Генеральной прокуратуры России эти попытки закончились неудачей. То же самое происходило и с другими делами о коррупции в России, например с делом Павла Бородина, который в качестве управляющего делами президентской администрации непосредственно участвовал в обогащении «семьи»⁴⁹.

Еще важнее для российского общества была активная роль членов «семьи», и в первую очередь Татьяны, в процессе принятия политических решений. Она даже занимала особую должность в администрации президента. Так, например, Татьяна и жена Ельцина Наина стояли за решением Ельцина выдви-

нуть свою кандидатуру на второй президентский срок, что подвергло серьезной опасности его здоровье. Татьяна была крупной политической фигурой в ельцинской России и занимала высокое место в иерархии самых влиятельных российских политиков. И действительно, в опросе, выявлявшем самых влиятельных политиков в стране (опрос проводила компания Бориса Грушина «Vox Populi» в декабре 1999 г.), первые два места заняли Путин и Ельцин, набрав соответственно 7,42 и 6,81 балла по 10-балльной шкале, третье место досталось Березовскому (6,41), а четвертое – Татьяне Дьяченко (6,25)⁵⁰.

Выбор наследника: российский монархический принцип

Выбор наследника Ельциным был обусловлен исключительно желанием найти человека, которому можно доверять и который не отправит его или членов его семьи в тюрьму за нарушения закона, в том числе за попрание Конституции, расстрел здания парламента в 1993 г., а также за другие незаконные действия и деятельность по самообогащению. Прежде чем выбрать Путина, Ельцин проверял нескольких кандидатов, временно назначая их на должность премьер-министра. Как бы то ни было, не существует прямых свидетельств того, что Путин в той или иной форме поклялся защищать Ельцина. Соглашение между ними носило чисто личный характер, в духе отношений сеньора и вассала, и никогда не предавалось гласности⁵¹.

В любом случае, первый указ Путина после вступления в должность содержал заявление об иммунитете Ельцина и некоторые другие меры, гарантировавшие бывшему президенту щедрые материальные блага и высокий статус; ни один из членов семьи

Ельцина не был привлечен к суду за незаконную деятельность⁵².

При монархическом режиме наследник трона в большинстве случаев связан родственными узами с предыдущим правителем. В некоторых постсоветских республиках, например Азербайджане, где Гейдара Алиева в 2003 г. сменил его сын Ильхам, или в Северной Корее, где наследником Ким Ир Сена в 1994 г. стан его сын Ким Чен Ир, передача власти происходила в строгом соответствии с монархическим принципом.

Однако основой монархического принципа передачи власти от одного руководителя другому является не столько родство, сколько возможность руководителя назначить наследника, не обращая внимания на волю народа и многочисленных элит. Это обстоятельство имеет огромное значение для современной России, где появилось нечто вроде феодальной монархии, но передача власти осуществлялась не по принципу родства, а на основе выбора действующего руководителя из нескольких кандидатов – подобная практика была детально разработана в Римской империи⁵³.

Действительно, римские императоры часто передавали власть не родным детям, а приемному сыну. Один из самых известных случаев такой передачи власти произошел во II веке н. э., когда император Адриан, который сам был приемным сыном императора Трояна, выбрал в качестве наследника Антонина Пия, который, в свою очередь, по условию Адриана выбрал себе двух преемников, Люция Цейония Коммода, сына брата его жены, и Марка Аврелия, известного поклонника стоицизма. В конечном итоге наследником стал Марк Аврелий⁵⁴. Монархический принцип наследования в Римской империи был относительно «нормальным институтом», позволявшим избежать хаоса при передаче власти.

Многие россияне именно так воспринимали внедрение монархического принципа. Уже в середине 90-х гг. в Москве начали циркулировать идеи о восстановлении монархии в России⁵⁵. Как бы то ни было, а именно в этот период Ельцина стали называть «царь Борис». Более того, Ельцин удивил всех во время своего визита в Орел в 1997 г., когда назвал себя «царем Борисом» и сравнил с Петром Великим. Один из журналистов даже назвал свою книгу «Хроника времен царя Бориса»⁵⁶. Утопическим мечтам о воцарении Ельцина не было суждено стать реальностью. Однако обстоятельства передачи власти от Ельцина к Путину служат свидетельством глубоко укоренившихся, хотя и незаметных монархических тенденций в политической культуре. Неожиданное появление Путина в роли президента демонстрирует, насколько глубоко «монархический фактор» укоренился в российской политической ментальности.

В 1999 г. менее 5% населения «доверяли» президенту и лишь 4% сожалели о его отставке⁵⁷. В середине мая парламент начал процедуру импичмента против Ельцина, предъявив 68-летнему президенту обвинения по пяти пунктам, в числе которых были предательство, измена и даже убийство. После того как президент вышел из этого процесса целым и невредимым, широкая публика приписала его спасение тому, что Кремль почти открыто подкупал депутатов парламента. По данным «Фонда общественного мнения», только 12% россиян были рады, что Ельцина не сместили с должности, а две трети населения поддерживали его импичмент⁵⁸. Однако тот факт, что именно Ельцин, которого многие презирали, выбрал своим преемником Путина, беспокоил только половину населения, и это не повлияло на шансы Путина стать новым президентом⁵⁹.

Идея безболезненной передачи власти была также гораздо сильнее, чем беспокойство общества грубым нарушением демократических принципов при выборах в Государственную думу в декабре 1999 г. (когда Кремлю было важно свести до минимума шансы возможных соперников назначенца Ельцина – Юрия Лужкова и Евгения Примакова) и президентских выборах в марте 2000 г. (когда соперники Путина оказались в крайне невыгодном положении)⁶⁰. Как справедливо отметил Джоэл Остроу, примечательно, что некоторые эксперты по российской политике – такие как Макфоул⁶¹, Дональд Барри⁶² и авторы известного сборника Владимира Тихомирова⁶³ – называли то, что произошло в марте 2000 г., «обычными демократическими выборами президента», что, по мнению Остроу, является «явным абсурдом»⁶⁴.

По некоторым данным, поддержка монархии в целом усилилась после правления Ельцина. Многие сторонники монархии видели в ней в первую очередь стабилизирующий фактор в процессе передачи власти, тогда как другие мечтали о монархии, по большей части абсолютистской, как об альтернативе демократическому строю⁶⁵. Некоторые российские аналитики предположили, что идею монархии поддерживает путинский Кремль и службы безопасности⁶⁶.

Как бы то ни было, в 2000 г. пятая часть россиян, отвечавших на вопрос об отношении к восстановлению «чистой» монархии, одобряла эту идею, хотя большинство из них полагали, что их желание никогда не воплотится в жизнь⁶⁷. К 2000 г. эта доля населения существенно не изменилась⁶⁸; в этом же году не менее 40% были готовы голосовать за кандидата, выбранного Путиным⁶⁹.

При Путине роль вассальных отношений в стране неизмеримо выросла. Как заметил один российский журналист, Путина отличает «недоверие к любым институтам и любовь решать все через личные отношения»⁷⁰. Находясь у власти, Путин в период с 2000 по 2006 г. создал сеть из людей, с которыми он работал в качестве агента КГБ в Советском Союзе, а также из старых знакомых (например, из тех, с кем он работал в Ленинграде, когда был помощником мэра, или из соседей по дачному кооперативу под Ленинградом). Он поставил друзей знакомых и других людей из КГБ, которым он доверял, на высшие должности в стране. Эти люди заняли главные государственные посты и возглавили некоторые из богатейших компаний⁷¹. Как заметил российский обозреватель Алексей Мухин, при Путине использовались два критерия отбора кадров: работа в КГБ и в органах власти Ленинграда, когда сам Путин был помощником мэра⁷².

При Путине обширная сеть людей из КГБ и армии, а также очень высокий процент выходцев из служб безопасности в правительстве и экономике сделали Россию уникальным государством, не похожим ни на одну современную страну. По мнению Ольги Крыштановской, ведущего российского эксперта по изучению элит, четверть тех, кто относится к правящей элите, работали в КГБ/ФСБ и Главном разведывательном управлении армии⁷³. Бывшие сотрудники КГБ, армейские генералы и офицеры часто назначались губернаторами (например, генерал Борис Громов стал губернатором Московской области, генерал Владимир Кулаков – Воронежской, генерал Виктор Маслов – Смоленской, а генерал Георгий Шпак – Рязанской области). Еще одним примером может служить руководство «Газпрома», глав-

ной газодобывающей компании страны, принадлежащей государству. Среди топ-менеджеров компании насчитывается 17 бывших сотрудников КГБ/ФСБ. Вице-президент компании Валерий Голубев – бывший сотрудник спецслужб. По данным анализа российских банков, выполненного «Новой газетой», «какой вообще банк ни копни – всюду наткнешься на силовиков: либо среди учредителей, либо в службе безопасности»⁷⁴.

Довольно скоро россияне осознали реальную роль сети офицеров армии и спецслужб как важного инструмента в управлении страной. В середине 2000 г. граждане России ставили эту сеть на первое место среди самых влиятельных сил страны: 52% отдали пальму первенства офицерам армии и КГБ, 40% – «губернаторам и элите», 25% – олигархам, и только 6% дали ответ «народ»⁷⁵.

Построение кланового капитализма

Для будущего России роль личных отношений в экономике еще важнее, чем в политике. В сущности, вся социальная структура современного общества сформировалась в процессе приватизации 90-х гг., которая была пронизана личными отношениями, в том числе родственными. Как оказалось, эти отношения были очень похожи на существовавшие в начале Средневековья (и даже еще раньше, в племенных обществах). Они играли ключевую роль в поддержании порядка в условиях, когда отсутствовало сильное и эффективное государство, о котором говорил Вебер.

В начале 90-х гг. приоритетом для правящей либеральной элиты была быстрая приватизация гигантской советской экономики. Скорость приватизации

имела серьезные экономические последствия для будущего страны⁷⁶. Те, кто контролировал Кремль после антикоммунистической революции 1991 г., были уверены, что приватизация должна быть проведена как можно быстрее методом «шоковой терапии». Это считалось важным по двум причинам: во-первых, чтобы предотвратить реставрацию тоталитаризма в России, основу которого составляло централизованное планирование и государственная монополия на экономические ресурсы, а во-вторых, как необходимое условие ускорения экономического роста и наиболее короткий путь к повышению уровня жизни⁷⁷. Показательным в этом отношении было название президентского указа от 29 декабря 1991 г., вышедшего всего через три месяца после смены режима: «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»⁷⁸. В сущности, реформы достигли своей цели (другой вопрос – какой ценой). За три года было приватизировано две трети государственной собственности в экономике.

Как и в других посткоммунистических странах, приватизация в России началась с желания поровну распределить богатства среди населения при помощи ваучеров, гарантирующих гражданам часть национального богатства (10 000 руб. в ценах 1992 г.). Но даже при том, что ваучеры были успешно распределены (население получило 146 млн рублей «инвестиционных чеков»), сама операция провалилась, поскольку из-за гиперинфляции ваучеры тут же начали обесцениваться (через два года они потеряли в цене 60%). Их легко было купить за символическую цену, нередко просто за бутылку водки (четверть всех ваучеров была почти сразу же продана). Чиновники и представители преступного мира использовали разнообразные способы, чтобы убедить граждан продать свои ваучеры – в том числе насилие и тактику запугивания⁷⁹.

Формально парламент одобрил несколько вариантов приватизации, отличавшихся тем, какое преимущество получали руководители и работники предприятия перед посторонними людьми при приобретении акций⁸⁰. Однако российские элиты в основном использовали собственные варианты для распределения государственной собственности среди друзей, коллег и родственников. По мнению Маршалла Голд-мана, специалиста по российской экономике, 80–90% россиян вообще ничего не получили в результате приватизации⁸¹.

Приватизация была сложным процессом, который начался с решения государственных чиновников приватизировать заводы, шахты, нефтяные компании и исследовательские институты. Люди, проводившие приватизацию как на федеральном, так и на местном уровне, определяли объекты и методы приватизации. Разумеется, решение относительно самых ценных объектов приватизации, в первую очередь нефтяных компаний, принимались в Кремле (Ельциным, а впоследствии Путиным).

Как правило, больше всего выиграли от приватизации сами высокопоставленные чиновники, чей «социальный капитал» состоял из большого количества друзей или всевозможных знакомых (например, по охоте или бане), которые имели доступ к приватизации. И поскольку чиновники по большей части общались друг с другом, именно они стали головным отрядом первых собственников средств производства в России⁸². Директора промышленных предприятий также входили в число тех, кто принимал решение о приватизации, получив разрешение у приватизационных комиссий, и поэтому близкие к ним люди имели больше шансов получить кусок государственной собственности. Разумеется, нашлось много людей вне истеблишмента, сумевших захватить госу-

дарственную собственность, но большинство из них использовали связи среди чиновников как необходимое условие достижения цели⁸³.

Влияние родственных связей и дружбы на приватизацию и экономику

Одним из самых мощных факторов, влиявших на приватизацию, были родственные связи. В некоторых случаях близкие родственники использовались чиновниками для личного обогащения. Те, кто принимал решения о приватизации, законными и незаконными средствами отдавал частные компании в руки ближайших родственников, обычно жен или детей. Губернаторы часто помогали приватизированному бизнесу своих родственников стать монопольным поставщиком определенных товаров и услуг по завышенным ценам для всего региона или города. Классическим примером можно считать предпринимательскую деятельность Елены Батуриной, супруги московского мэра Юрия Лужкова. Имея состояние в 1,3 млрд долларов, она владеет строительной фирмой в Москве; в 2006 г. она попала в список богатейших людей планеты по версии журнала «Forbes» (507-е место в мире и 25-е в России)⁸⁴.

Обогащение детей членами элиты – это еще одна характерная особенность процесса приватизации. Рассмотрим, например, роль родственных связей в «Газпроме», ведущей газодобывающей компании России. Виктор Черномырдин, советский министр нефтегазовой промышленности (1985–1989), а впоследствии премьер-министр в правительстве Ельцина (1992–1998), в 1989 г. превратил «Газпром» в гигантскую газодобывающую компанию, наполовину частную, и был избран председателем совета директо-

ров. К концу 80-х гг. его состояние оценивалось в 5 млрд долларов. На должности председателя совета директоров ему не составляло труда сделать своих детей состоятельными людьми – в основном при помощи дочерних предприятий «Газпрома». Два сына Черномырдина, Виталий и Андрей, в 1995 г. получили контроль над дочерней компанией «Газпрома» под названием «Стройтрансгаз» (она занималась строительством трубопроводов для «Газпрома») ⁸⁵. Нередко дети других высших руководителей «Газпрома» – Рэма Вяхирева, занявшего пост председателя совета директоров в 1992 г., и его заместителя Вячеслава Шеремета – также получали аппетитный кусок приватизированных активов компании. Дочь Вяхирева Елена Дедикова и дочь Шеремета Елена Дмитриева вместе с родственниками других руководителей за символическую цену купили фирму, поставлявшую «Газпрому» импортное оборудование. Те же дети топ-менеджеров получили в собственность компанию, поставлявшую газ в Венгрию. Это приобретение обошлось им всего в четыре марки ⁸⁶.

Премьер-министр Михаил Фрадков назначил своего 28-летнего сына Петра одним из руководителей дальневосточного морского пароходства, а затем в руководство «Внешторгбанка». Другой его сын, 24-летний Павел, получил престижную должность в министерстве иностранных дел. Министр обороны Сергей Иванов нашел хорошую работу в крупных банках для двух своих сыновей, тоже очень молодых ⁸⁷.

Роль личных отношений в экономике не уменьшилась после окончания главной фазы приватизации. Выбор государством поставщиков товаров и услуг в значительной степени определялся личными связями. Министр здравоохранения и социального развития Михаил Зурабов для закупки бесплатных лекарств, которыми снабжаются пенсионеры, выбрал фармацев-

тические компании, принадлежащие его жене и друзьям. Московская пресса писала, что Зурабов не проводил никакого конкурса и согласился с завышенными ценами. Среди этих компаний было НПО «Микроген», которое возглавляет Антон Катлинский, бывший заместитель Зурабова. Еще одна фирма, «Медстор», была тесно связана с женой Зурабова⁸⁸.

Процессы в национальных республиках

Президенты национальных республик получили практически полную свободу для личного обогащения разного рода законными способами и для помощи в обогащении близких и дальних родственников, назначая их руководить прибыльным бизнесом. Известно, что семья Минтимера Шаймиева владеет существенной долей экономики Татарстана. То же самое можно сказать о семье башкирского президента Муртазы Рахимова. Его сын Урал Рахимов управляет двумя крупнейшими компаниями республики, «Башкир капитал» и «Башнефть»⁸⁹. Коррумпированные чиновники, такие как глава Иглинского района Ришат Исхаков, знакомый Урала Рахимова, получили иммунитет от уголовного преследования⁹⁰.

Личные отношения в сознании россиян

Важная роль личных отношений и клановости в обществе, и особенно во время приватизации, оказала влияние на российское общество после 1991 г. Убеждение, что политики озабочены только личными делами, принимают важные решения на основе корыстных интересов (а также интересов родственников и друзей) и игнорируют компетентность при подборе

кадров, сделало большинство россиян глубоко циничными и безразличными по отношению к общественным делам – явление, характерное для эпохи Средневековья. Множество признаков указывало на то, насколько россияне заняты личной жизнью и не интересуются жизнью общества. Менее 10% граждан России принимали участие в деятельности политических партий. Менее 20% участвовали в выборах местного уровня, что заставило Государственную думу в ноябре 2006 г. снизить порог явки на выборах органов местного самоуправления до 20%⁹¹.

По данным опроса, проведенного в 2006 г. ВЦИОМ, можно оценить особенности российской политической культуры: 68% респондентов полагали, что россияне отказываются участвовать в политической жизни, 56% считали, что их соотечественники не уважают закон, а 52% думали, что россияне в целом не верят в идеи и принципы⁹². Кроме того, большинство россиян не верили в возможность честной конкуренции в политике и экономике; **60% не верили в пользу конкуренции между политическими партиями в стране**⁹³. Большинство людей выступали против свободных цен как регулятора бизнеса на конкурентном рынке. В 2006 г. три четверти населения (из тех, что отвечал на вопросы анкеты ВЦИОМ) осуждали отпуск цен в начале рыночных реформ в 1992 г.⁹⁴.

Однако еще более значимым было широко распространенное убеждение, что обогащение страны основано не на реальных достижениях, полезных для общества, а на связях людей с властными структурами, на коррупции и помощи криминала. В 2004 г. в процессе исследования, проводимого Институтом комплексных социальных исследований, спонсируемым Фондом Германа Эберта, на вопрос об условиях экономического успеха россияне на первое место поставили «связи» (65%), на второе – «способнос-

ти» (52%), на третье – «образование» (49%) и на четвертое «политические связи» (48%). По данным того же исследования, в 2004 г. более двух третей граждан России резко отрицательно относились к богатым людям; только 5% считали, что богатые люди достигли своего положения благодаря упорной работе и таланту⁹⁵. В другом исследовании, выполненном ВЦИОМ в 2006 г., россиян спрашивали о факторах, определяющих «успех в жизни». Респонденты разделились на две примерно равные группы: одни указывали «личные качества, способности и талант», другие подчеркивали исключительную важность «личных связей»⁹⁶. Другие данные указывают на еще большую роль «личных связей» в жизни россиян. Согласно исследованию РОМИР, в 90-х гг. 84% населения России считали личные связи лучшим инструментом разрешения своих проблем⁹⁷.

Россияне не одиноки в своем молчаливом согласии, что личные отношения служат основой для политики и экономики. Личные отношения и клановость доминируют в политической жизни многих стран Африки, Азии и Латинской Америки. Достаточно вспомнить о современной Венесуэле, где пять братьев президента Уго Чавеса и его отец занимают высокие должности, несмотря на то что их уличили в коррупции и растратах⁹⁸. Страны Запада тоже не свободны от такого явления, как клановость, которую можно обнаружить в Соединенных Штатах⁹⁹ и особенно в Италии¹⁰⁰.

Выводы

Роль неформальных, личных отношений в постсоветской России трудно переоценить. Бросая вызов официальным, законным структурам, личные отно-

шения проникли буквально в каждую клеточку общества. Очень часто место человека в обществе определялось не только объективными характеристиками, в том числе политическим и экономическим положением, а кланом, который его поддерживал. Важная роль личных отношений в политике и экономике была признана населением как необходимое условие организации жизни в постсоветском обществе. В то же время преобладание личных отношений способствовало росту коррупции и криминализации общества, ослабляло государство и общественные институты. Расцвет личных отношений сделал работу демократических механизмов практически невозможной. Кроме того, это вызвало глубокое недоверие населения к демократии.

Частная охрана

Типично феодальное явление

Введение

Среди всевозможных последствий слабости государства особое место занимает необходимость в частной охране обычных граждан и особенно большого бизнеса и других крупных организаций. **Важная роль частной охраны является одним из центральных аспектов феодальной модели.** Поиски защиты были одним из главных элементов западноевропейских обществ в начале Средневековья. После распада Римской империи центральная власть была очень слабой и неспособной обеспечить исполнение законов и гарантировать личную безопасность и неприкосновенность собственности отдельных людей и различных общественных организаций, в том числе гильдий и церкви. Только после появления абсолютистских монархий (как во Франции в XVII веке) потребность в частной охране начала уменьшаться. Тем не менее частная охрана как институт никогда не исчезала из западного общества. В сущности, она оставалась важным фактором общественной жизни вплоть до сегодняшнего дня в большинстве государств мира, в том числе в Соединенных Штатах. Только сильные авторитарные и тоталитар-

ные режимы уменьшали потребность в частной охране до очень низкого уровня.

Частная охрана в Средние века

Марк Блох считал неспособность государства обеспечить безопасность в эпоху Меровингов одним из главных факторов, которые привели к формированию обширной сети личных отношений, которые в конечном итоге стали неотъемлемой частью средневековых обществ Западной Европы¹. Ни государство, ни семья не могли обеспечить надежную защиту. Деревенская община тоже была недостаточно сильна, чтобы поддерживать порядок на своей территории. Каждый чувствовал себя слабым и уязвимым. С одной стороны, существовала настоятельная потребность в защитнике. С другой стороны, распространенным явлением была узурпация власти, нередко насильственным путем.

Известный современный специалист по истории Средневековья Чарльз Тилли был прав, когда писал, что термин «защита» содержит два оттенка смысла. Во-первых, он вызывает ассоциации с защитой от опасности, которую обеспечивает сильный друг, страховой полис или прочная крыша. С другой стороны, это рэкет, когда местный властитель заставляет торговцев платить дань, чтобы избежать ущерба – ущерба, который грозит нанести сам властитель. Тилли считал, что человек, который одновременно создает опасность и за определенную плату избавляет от нее, является рэкетиром, а тот, кто обеспечивает защиту, но не имеет контроля над возможной опасностью, является легитимным охранником, особенно если назначенная им плата не выше, чем у конкурентов².

Ключевым институтом в эпоху Средневековья, особенно с VII по IX век, была **коммендация**, которая предполагала добровольное подчинение мелких землевладельцев крупному феодалу в обмен на защиту (коммендация эквивалентна понятию «крыша» в современной России). Коммендация стала одним из факторов, способствовавших появлению класса крепостных. Тот, кто отдавал себя под защиту феодала, регулярно платил ему — товарами, работой на земле хозяина (печально знаменитая барщина) или воинской службой.

В феодальной Европе неспособность государства защитить своих граждан позволяла феодалам иметь на своих территориях большую власть, чем король. Увязшие в кровопролитных гражданских войнах, правители из династии Каролингов были неспособны защитить своих подданных от грабителей. Будучи вассалами сыновей и внуков Людовика Благочестивого, феодалы сражались друг с другом и в то же время использовали своих рыцарей для защиты собственности и крепостных. У короля почти не было возможности обеспечить исполнение законов на обширной территории империи, и местные землевладельцы нападали друг на друга или заключали соглашения ради совместной защиты. В начале эпохи Средневековья в Европе было больше вооруженных людей и укрепленных замков, чем когда-либо. В период с IX по XII век, когда население росло, а экономика развивалась (особенно сельское хозяйство), в сельской местности было чем поживиться³.

В то же время существовали и внешние угрозы. Европейские общества перед началом эпохи Средневековья характеризовались крайней ненадежностью в военном отношении. Пол Виноградофф писал, что в Средние века людям было опасно оказаться оторванным от феодальных связей. Во времена жесто-

кой борьбы за существование, добавляет он, каждый должен был искать защиты⁴.

Охрана и военные подразделения по большей части были частными, а не общественными, пополнявшимися за счет землевладельцев и их вассалов. Благодаря богатству, заработанному на феодальном рынке военных услуг, имевшие воинские подразделения землевладельцы могли претендовать на землю, и в конечном итоге они стали настолько сильны, что формировали общественные институты.

В Средние века наемничество было одним из самых популярных занятий среди молодых людей. Немецкое княжество Гессен было известно как поставщик наемников для многих стран. Гессенцы служили в иностранных армиях и в охране. Большим спросом также пользовались швейцарские наемники, из которых, помимо всего прочего, состояла охрана папы римского.

Частная охрана в современном обществе

Частные охранные структуры распространены в обществах (прошлых или современных) со слабым и коррумпированным государством, в том числе в постсоветской России и в некоторых латиноамериканских и африканских странах. Даже самые эффективные современные государства в некоторых случаях по той или иной причине (недостаток ресурсов, коррупция в правоохранительных органах, нелегитимность власти в глазах населения или конфликт между элитами) не могли или не хотели полностью защитить своих граждан. Тимоти Фрай, активно занимавшийся исследованием проблемы безопасности, считает, что лишь немногие современные государства приблизились к веберовскому идеалу, предполагающему монополию

эффективного государства на использование силы на своей территории⁵. Идею о том, что слабость государства способствует развитию частных охранных структур, разделяют и другие авторы⁶. Относительная роль частной охраны в обществе со временем менялась, в зависимости от динамики четырех перечисленных выше факторов. Разумеется, динамика каждого из этих факторов определялась конкретным историческим контекстом и доминирующими общественными и культурными отношениями⁷. В случае России слабость центральной власти явно привела к широкому распространению частной охраны.

Описывая частную охрану в современном мире, некоторые специалисты, в том числе Тимоти Фрай, встраивали частные охранные агентства в капиталистическую модель⁸. Они считали эти организации обычными капиталистическими предприятиями, которые продают услуги. Они не видели никакой разницы между преступными организациями, предлагающими защиту, и «нормальными капиталистическими фирмами». Авторы, анализирувавшие этот предмет, преуменьшали роль насилия и не учитывали тот факт, что во многих случаях со стороны бизнеса защита не была добровольной. Более того, она была навязана мафией или частными агентствами, пользующимися поддержкой государственных институтов, и особенно полиции⁹.

Аналогичная критика рыночного подхода к частной охране была озвучена российским экспертом Вадимом Волковым, который подчеркивал, что использование силы (или принуждения) представляет особый тип общественного поведения, отличного от экономического поведения, которое характеризуется обменом. Чисто экономические отношения, считает он, существуют только на бумаге; в реальности они тесно переплетены с «силовыми отношениями»¹⁰.

Авторы, использующие капиталистическую модель для анализа безопасности, не осознают, что руководители компаний нередко рассматривают частные охранные агентства как врагов, а не как друзей¹¹. Было бы неверно идеализировать новый «порядок», основу которого составляет «крыша». Точно так же, как в Средние века феодалы не всегда могли защитить своих вассалов и крестьян от насилия, полную защиту не могут гарантировать и современные преступные организации, которых нанимают клиенты (добровольно или по принуждению). Перераспределение сфер влияния и мест в криминальной иерархии – это непрерывный процесс.

Необходимость защиты в постсоветской России

В Советском Союзе не было частных охранных структур. Только члены политбюро пользовались услугами личной охраны, которая предоставлялась государством¹². Однако после 1991 г. ситуация коренным образом изменилась. Появлению огромного количества частных охранных предприятий (ЧОП) в постсоветской России способствовали три взаимосвязанных процесса. Во-первых, это ослабление государства и распространение беззакония на все сферы общественной жизни, в том числе резкий рост преступности. По сравнению с советским периодом личная безопасность людей значительно ослабла. Другим процессом стала приватизация государственной собственности, которая проводилась в криминальной атмосфере, когда грубо нарушались законы. Наибольшего успеха в захвате государственной собственности добились люди со связями в правительстве (в большинстве своем бывшая номенклатура) или в преступном мире. Третий процесс – это широкое распрост-

ранение неофициальной экономики, где незаконные сделки были нормой жизни, особенно в сфере малого бизнеса. Неофициальная экономика играла ключевую роль в российском обществе даже после пика приватизации в середине 90-х гг. К началу XXI века объем неофициальной экономики оценивался приблизительно в 40% ВВП¹³.

На таком экономическом и политическом фоне частная охрана стала ведущим сектором общества. После развала советского государства и начала приватизации в политике и бизнесе значительно участились случаи вымогательства и шантажа. В условиях коррумпированности милиции стало очевидно, что у жертв нет никакой надежды найти защиту у правоохранительных органов.

После 1991 г. в России убийства бизнесменов, политиков и журналистов стали регулярным явлением и остаются одной из главных проблем. В России отсутствует статистика о количестве убийств видных бизнесменов. Достаточно упомянуть лишь о самых громких преступлениях. В сентябре 2006 г. был убит заместитель председателя Центрального Банка Андрей Козлов. В 1995 г. убили видного российского предпринимателя Ивана Кивилиди, а в 2001 г. – вице-президента банка «Первое ОВК» Людмилу Красногер. В 1996 и 1997 гг. предпринимались попытки покушения на председателя Центрального Банка Сергея Дубинина, а также на заместителя министра финансов Андрея Вавилова и на главу РАО ЕС Анатолия Чубайса¹⁴.

В середине 90-х гг. в России появился термин «крыша»¹⁵. Этот термин передавал очень важное сообщение всему миру: страна глубоко коррумпирована, и любой, кто проявляет активность в экономике, политике или средствах массовой информации, нуждается в защите. «Крышу» использовали не только для защиты, но и для агрессии против соперников в бизнесе и политике. Другими словами, «крыша» была способом существования в обществе со слабым, коррумпированным государством¹⁶. По данным исследования 240 малых предприятий в Польше и России, выполненного в конце 1990 г., примерно половина предпринимателей в России (65% в Ульяновске, 42% в Москве и 22% в Смоленске) и 16% предпринимателей Польши обращались за защитой к мафии¹⁷. В 1996 г. исследование розничного сектора в трех российских городах показало, что обращение к частным охранным структурам стало обычной практикой. Более 40% владельцев розничных торговых точек в Москве, Смоленске и Ульяновске признали «частые контакты с рэкетом», но считали это относительно небольшой проблемой (средняя оценка 3,13 по 10-балльной шкале) по сравнению с государственными налогами и недостатком средств. Это же исследование выявило, что владельцы торговых точек убеждены, что частная охрана служит заменителем государственной защиты, которую должна предоставлять милиция и в меньшей степени суды¹⁸.

В новых условиях владельцы малого бизнеса, от уличных киосков до небольших фирм, решили принять «предложение» криминальных структур по защите от других рэкетиров. Как правило, стоимость «крыши» составляла от 20 до 30% дохода. После

1991 г. преступные организации расширили свою деятельность, распространив ее на средний и даже крупный бизнес. Этим предприятиям также потребовалась «крыша».

Взаимоотношения между разными «крышами» были такими же сложными, как сеть сеньоров и васалов в Средние века. Организации, служившие кому-то «крышей», могли сами искать себе «крышу» среди более могущественных структур. «Крыши» представляли очень важный компонент общественной и политической жизни в России.

Полулегальная защита бизнеса

В качестве альтернативы криминальным ЧОПам бизнес, и особенно банки, также покупал услуги коррумпированных сотрудников милиции, офицеров ФСБ (бывшего КГБ) и других «силовых ведомств» государства, таких как железнодорожная охрана, которые примерно за ту же цену ограждали от преступных организаций. Как шутили россияне, бизнес, пользовавшийся государственной «крышей», жил при социализме, а все остальные жили при капитализме¹⁹. В иерархии «крыш» государственная «крыша» занимала самое высокое положение, поскольку ни одна преступная организация не могла противостоять военной силе государства.

По данным опроса 634 милиционеров, выполненного в 2005 г. «Левада-Центром», примерно две трети признались, что подрабатывают частными охранниками²⁰. Милиция и преступные организации обычно не заходили на чужую территорию и придерживались принципа «кто первый пришел, тот и обслуживает», когда предлагали клиенту «крышу»²¹.

По мере того как большой бизнес осознавал нежелание или неспособность государства защитить его, он начал создавать собственные частные армии, состоящие из хорошо обученных и оснащенных сил безопасности²². Особенно это касалось крупных предприятий, не желавших обращаться за защитой к криминальным структурам. В постсоветский период личные телохранители появились практически у каждого видного бизнесмена.

По данным главы ФСБ Николая Ковалева, каждый из 2000 коммерческих банков в России имел свою службу безопасности. Некоторые частные службы безопасности по численности и структуре были сравнимы с региональными управлениями ФСБ²³. Крупные компании тратили до трети прибыли на обеспечение безопасности и сбор информации. Окруженные со всех сторон вооруженной охраной, офисы некоторых компаний напоминали европейские замки эпохи Средневековья. Наглядной демонстрацией неспособности государства обеспечить безопасность бизнеса стал принятый в 2007 г. Государственной думой закон, разрешающий создание собственных служб безопасности двум крупнейшим нефтегазовым компаниям («Газпрому» и «Транснефти»). Этим структурам было разрешено использовать огнестрельное оружие не только для защиты собственности компаний, но также и в других случаях, например, для нападения на людей, которые представляют угрозу для компании²⁴.

История легальных частных охранных предприятий в России началась в марте 1992 г., когда был принят федеральный закон о частных детективах и охранной деятельности. В своем исследовании «насищенного капитализма» Вадим Волков отмечал, что первые ЧОПы, такие как «Алекс» в Москве и «Защита» в Петербурге, были основаны раньше 1992 г., еще до принятия нового закона.

В период с 1991 по 1996 г. рост числа частных охранных структур был особенно сильным; количество таких агентств удвоилось и достигло почти 8000. После 1996 г. рост продолжался, но уже не такими темпами. К концу 1999 г. число частных охранных предприятий составляло 11 652, а в 2006 г. — 20 000; число сотрудников с лицензией (то есть тех, кому разрешено носить оружие) достигло 196 266, а общее число сотрудников — 850 000. В собственности частных агентств находилось 71 400 единиц огнестрельного оружия. В 2006 г. только в Москве насчитывалось более 4000 частных охранных предприятий²⁵. Примечательно, что 22,6% сотрудников ЧОПов раньше служили в Министерстве внутренних дел, 7,9% — в КГБ/ФСБ и 0,8% — в других правоохранительных органах государства. Многие будущие ЧОПы начинались с частной охраны или служб безопасности для конкретного бизнес-проекта. Так, например, петербургское охрannое агентство «Северная Пальмира», возглавляемое бывшим полковником военной контрразведки Евгением Костиным, первоначально создавалось как служба безопасности городского рынка стройматериалов под названием «Муравейник». Впоследствии служба стала независимым поставщиком охранных услуг для некоторых строительных компаний, таких как «Business Link

Development», «Com & Com» и для официального дилера автомобильного концерна «Peugeot» в Петербурге фирмы «Auto-France». Во второй половине 90-х гг. многие частные охранные фирмы были организованы бывшими сотрудниками КГБ и Министерства внутренних дел. Таково происхождение известной фирмы «Алекс»²⁶.

Частные охранные агентства, как правило, имели тесные связи с преступными организациями и иногда использовали их, чтобы найти «решение» проблем своих клиентов. В результате грань между законной и незаконной деятельностью частных охранных структур была очень размытой. Более того, сотрудники этих фирм часто занимались исключительно преступной деятельностью, например грабежами и убийствами²⁷.

Частная детективная деятельность

Существовало большое количество агентств, по запросу клиента собиравших информацию о бизнесменах и политиках — как законными, так и незаконными методами. Эта информация использовалась как оружие против соперников. В 2005 г. только в Москве насчитывалось 30 «сыскных агентств», в которых работали 2000 частных детективов (нередко бывших сотрудников спецслужб). Частные детективы в России использовали самую современную технику для подслушивания и подсматривания за объектами слежки. Некоторые детективные агентства искали компрометирующие материалы на известных людей; нередко они продавали свой «пикантный» продукт через Интернет. Одна из московских фирм подобного рода хвасталась, что ее сотрудники найдут компрометирующие материалы даже на английскую королеву²⁸.

Чувство беспомощности и недоверие к государственным институтам заставляли искать «крышу» людей, принадлежащих к разным слоям общества. Популярная газета «Сегодня» и телекомпания НТВ не скрывали тот факт, что их «крышей» служит финансовый гигант «Мост». Более того, ни для кого не секрет, что каждая московская газета и каждый известный журналист имеет «крышу». Некоторые журналисты и деятели культуры напрямую связаны с криминальными структурами. Так, например, знаменитый певец Иосиф Кобзон однажды хвастался своими связями в преступном мире. Именно из-за этих связей ему запретили въезд в Соединенные Штаты.

Закрытые сообщества

Слабость российского государства — как в средневековых обществах — привела к появлению больших жилых районов, отделенных от остального города. В окрестностях Москвы расположены два самых известных поселка — «Рублевское шоссе» и «Горки-8». Российские журналисты называют их «закрытыми городами». В советские времена этот термин использовался для городов, в которых были расположены важные военные объекты, такие как «Челябинск-8», где производили ядерное оружие. В закрытых городах живут самые богатые политики и олигархи страны. Основателем поселка «Горки-8» был Дмитрий Якубовский, который провел несколько лет в тюрьме, осужденный за коррупцию, и который в начале XXI века управлял этим кооперативом с 94 членами, закрытым от внешнего мира. Сюда могут попасть

только люди со специальными пропусками. В поселке есть собственное отделение милиции, супермаркет, больница, банк и церковь²⁹.

Выводы

В любом обществе слабость государства вынуждает людей искать частные источники защиты. В Средние века процветала разного рода частная защита. Современная Россия с коррумпированным и неэффективным государством служит еще одним примером того, какое значение приобретает частная охрана (криминальная и легальная) в обществах со слабым государством. Структура частной охраны непостоянна и меняется под воздействием разнообразных политических и экономических факторов. В первом десятилетии XXI века преступные организации уступили свою роль защитника милиции и государственным агентствам безопасности, работающим на частной основе. Огромная роль частной охраны сделала профессию сотрудника службы безопасности одной из самых популярных среди российских мужчин.

Заключение

В этой книге предпринята попытка показать невозможность описания любого общества как интегративной системы. Каждое общество содержит элементы, принадлежащие к разным типам общественной организации. Представление об обществе, основанное только на одном типе социальной организации, было разработано многими социологами, такими как Маркс, Спенсер, Вебер и Парсонс, а также экономистами классической школы. Интегративно-системный подход продолжает доминировать в современных общественных науках, что демонстрируют учебники по социологии, политологии и экономике. При таком подходе обычно недооценивается важность любых общественных элементов, которые «враждебны» данной системе, что в свою очередь приводит к искаженной картине общественного бытия.

Наиболее плодотворным методом для изучения общества является сегментированный подход, который предполагает сосуществование в каждом обществе разных типов социальной организации, а также

неоднородность каждого общества, даже если в нем доминирует один тип социальной организации. Этот подход находит поддержку у ученых марксистского направления, а также у тех, кто защищает мультикультурный взгляд на общество.

Используя в качестве объекта исследования постсоветскую Россию, легко увидеть, что анализ процессов последнего десятилетия в этой стране страдает существенными недостатками. Многие ученые попытались использовать для ее описания только один тип макросоциальной модели (либерализм либо тоталитаризм). Широкое применение «переходной модели» не способствовало пониманию природы посткоммунистических обществ в целом.

Разнообразие мнений в литературе о современной России отражает трудности в теоретическом обосновании не только постсоветских процессов, но и «объективных фактов». Российское общество глубоко расколото по многим признакам: идеологическому, политическому, социальному, экономическому, этническому и культурному. Неоднородность современной России – это превосходный случай продемонстрировать, что одна модель не способна адекватно описать общество. Определение России как «криминального», «олигархического» или «бюрократического» общества столь же спорно, как и утверждение, что Россия является «нормальным демократическим обществом» или неуклонно движется в этом направлении. Разные варианты либеральной или авторитарной (в некоторых случаях тоталитарной) модели не в состоянии в полной мере объяснить социальные, политические и экономические изменения в постсоветских странах. Эти две модели остаются полезным инструментом анализа российского общества, но их следует использовать в сочетании с третьей, феодальной моделью, которая сама по себе может

объяснить большее число элементов постсоветского общества, чем две другие.

Следует отметить явное отличие между природой средневековых обществ Западной Европы и феодальной моделью, которая была придумана для объяснения этого периода истории. Данная модель не может объяснить все аспекты жизни в эпоху Средневековья. Скорее всего, ее следует рассматривать как одну из лучших моделей для описания этого периода, точно так же, как тоталитарная модель лучше всего описывает советское общество, а либеральная модель больше подходит для анализа современных стран Запада.

Главной характеристикой феодальной модели является слабость центральной власти. В этой книге я попытался показать, как в таких условиях субъекты общества децентрализуют управление страной, смещая фокус на меньшие по размерам образования, например регионы и корпорации. Эта книга следует политической интерпретации феодализма, данной знаменитым французским историком Фюстелем де Куланжем. Мои взгляды также близки к взглядам Марка Блоха и других членов знаменитой школы «Анналов», которые ставили вассальные отношения в центр своего анализа эпохи Средневековья. В то же время я не разделяю точку зрения, что феодальная модель уместна только для европейского Средневековья, и полагаю, что ее нужно рассматривать как теоретический инструмент универсального применения наряду с авторитарной (в некоторых случаях тоталитарной) и либеральной моделями. Эта позиция приводит меня в лагерь сторонников социологической школы, основанной Георгом Зиммелем. Его союзниками также являются Вебер и некоторые другие современные социологи, сторонники универсализма в анализе общества.

Слабость и неэффективность центральной власти определяли большинство особенностей жизни в эпоху Средневековья, в том числе независимость местных баронов и других субъектов общества, таких как церковь, города, гильдии и университеты, а также высокий уровень преступности, коррупцию и вымогательство, ненадежность прав частной собственности, трудности межрегиональной торговли. В сущности, феодальная модель применима к любому обществу со слабой или неэффективной центральной властью, каковы бы ни были причины такого положения (недостаток ресурсов, имеющихся в распоряжении центральной власти, или высокий уровень коррупции среди руководства и чиновников). В таком обществе государство полностью или частично делегирует свои главные функции (и в первую очередь поддержание законности и порядка) другим институтам, например местным баронам или частным агентствам.

Основная идея этой книги заключается в том, что применение феодальной модели позволяет значительно улучшить анализ современного российского общества – эту идею я высказал в середине 90-х гг., вероятно, первым из современных социологов.

Как и в случае средневековых обществ, главная проблема России состояла в слабости постсоветского государства, что было обусловлено в основном коррумпированностью политической верхушки и государственных органов, а также ограниченными ресурсами, которые имело в своем распоряжении правительство. Коррумпированная снизу доверху государственная машина, и особенно милиция и суды, была не в состоянии бороться с разного рода нарушениями закона, проникшими во все сферы общества, от уличной преступности до финансовых махинаций. Страх перед преступниками и коррумпированными чиновниками (типичное явление для Сред-

невековья) стал «нормой» российской жизни. Страх потерять жизнь или собственность был особенно силен у экономически и политически активных людей. И действительно, в условиях, когда правоохранные органы сотрудничали с преступниками, регулярное убийство бизнесменов, политиков и журналистов стало неотъемлемой частью российской жизни. В то же время богатые люди и чиновники, как правило, были защищены от уголовного преследования, а суды оправдывали их, когда они нарушали закон.

Организованная преступность также превратилась во влиятельную силу российского общества, что резко контрастировало с советским прошлым. Сговор преступных организаций, большого бизнеса и политиков, а также милиции и судов стал восприниматься как норма. Одновременно, как и в эпоху Средневековья, бессилие государства и распространение коррупции и преступности стали причиной всеобщего неуважения к закону.

Некоторые субъекты постсоветского общества в России очень похожи на те, которые существовали в эпоху Средневековья. Самые значимые из них – это глава государства, олигархи (или руководители корпораций) и губернаторы регионов.

Важная особенность феодального общества – это положение главы государства. Оно существенно отличается от положения главы государства в преимущественно тоталитарном или либеральном обществе. По сравнению с лидером тоталитарного государства, у главы феодализованного общества мало возможностей для управления страной. В отличие от лидера либерального общества (президента или премьер-министра), глава феодализованного общества, для того чтобы удержать власть и расширить ее за пределы установленных законом границ, постоянно конфликтует с законом и либеральными институтами общества.

Одна из самых важных характеристик главы феодализованного государства – это его склонность приумножать личное состояние, чтобы гарантировать высокий уровень жизни себе и своей семье даже после ухода с должности; его богатство также является крайне важным условием усиления и расширения власти в период пребывания на высшем посту.

По этой причине частная собственность (владения) руководителя играет важную роль в обществах с сильным феодальным элементом. Королевские владения были важным институтом в начале Средневековья. Свое значение они потеряли лишь после формирования абсолютистской монархии. Владения руководителя были существенным фактором политики в России и других постсоветских республиках. Ключевую роль владений лидера можно наблюдать также за пределами постсоветского пространства, особенно в некоторых африканских и азиатских странах.

Создание и расширение владений являлось одним из главных мотивов деятельности первого российского президента Бориса Ельцина, который бесцеремонно помогал обогащаться своей семье. Выбор наследника Ельциным, когда по состоянию здоровья он уже не мог управлять государством, определялся стремлением найти кандидата, который гарантировал бы иммунитет бывшему президенту и сохранение состояния его семьи. Без личных владений Ельцин не смог бы избежать импичмента.

Владения Путина оказались совсем не такими, как у Ельцина. В отличие от ельцинской эпохи, при Путине не было открытого присвоения государственной собственности. «Семейное состояние» Путина играло гораздо более скромную роль, чем в случае с Ельциным. Путин расширял свои владения в основном за счет стирания границы между личной собственностью и собственностью Кремля. Самым глав-

ным источником владений Путина был личный контроль над крупнейшими нефтяными и газовыми компаниями России. По большей части его владения расширялись через доверенных лиц — людей из Санкт-Петербурга, в основном чекистов, которые вошли в советы директоров ведущих монополий в области добычи нефти и газа, производства электроэнергии и железнодорожного транспорта.

Второе место после главы государства в обществе феодального типа занимают олигархи (или корпорации) в основном вследствие использования денег в политике; это явление практически полностью отсутствовало в политической жизни Советского Союза, с редкими исключениями в Средней Азии и на Кавказе. Основа положения олигархов в обществе — это погоня за рентой, которая способствует распространению коррупции в правительстве и неуважения к закону. Российские олигархи не могли действовать без помощи высокопоставленных чиновников, с которыми они расплачивались наличными деньгами, подарками и акциями компаний. Более того, почти все крупные состояния в стране были нажиты при помощи государства. Отношения олигархов с центральным правительством менялись с течением времени. В определенные периоды олигархи играли активную политическую роль в обществе, покупая должности министров и губернаторов и почти навязывая свою волю Кремлю. В другие времена они отступали на роль послушных и верных вассалов, даже если по-прежнему сохраняли независимость внутри своих корпораций и пренебрегали законом. После прихода Путина к власти олигархи, пытавшиеся играть политическую роль в России, например Михаил Ходорковский, были раздавлены государственной машиной.

Важная роль, которую олигархи играли в постсоветском обществе, привела их к необходимости раз-

вития собственной идеологии. Олигархическая идеология глубоко враждебна и авторитарной, и либеральной идеологии. Олигархам не нужны ни сильное государство, ни демократия. Олигархическая идеология предполагает, что только успешные бизнесмены могут эффективно управлять страной. Она игнорирует конфликт между эгоистическими интересами правящей элиты и интересами нации. Кроме того, она оправдывает погоню за рентой и коррумпированность чиновников, а также считает клановость разумным явлением в обществе. Олигархическая идеология пропитана презрением к простым людям и демократическим процедурам. И конечно, эта идеология глубоко враждебна идее социального равенства и безразлична к проблеме расслоения общества. Особенности этой идеологии видны в поведении богатых людей, которые превозносят «гламурную жизнь» и открыто предаются демонстративному потреблению.

Третья группа главных социальных субъектов в постсоветской России — это губернаторы и местные элиты. Как и в случае с олигархами, их отношения с центром нестабильны и зависят от событий в столице, в том числе единства правящих политических элит, уровня коррупции, а также способности и желания руководителя государства бороться с независимостью местных властей.

Россия начала движение к полицентрическому и децентрализованному государству под воздействием либерализации моноцентрического советского общества в период перестройки. Исчезновение тоталитарного государства сразу же дало толчок процессу децентрализации. Столкновение разных фракций в столице страны и появление нескольких центров власти лишь усилили уровень децентрализации. Одновременно слабый центр расширял полномочия региональных элит, поскольку не мог ни удовлетворять

основные потребности населения на местах, ни поддерживать порядок в регионах. Эти социальные и политические процессы были очень похожи на то, что происходило в Европе в начале Средневековья.

В 2004–2005 гг. между Кремлем и местными баронами установился новый баланс власти. Губернаторы и президенты национальных республик отказались от прежней роли активных политиков общенационального масштаба. Совет Федерации, в состав которого входили губернаторы, утратил свое политическое значение. Тем не менее губернаторы и президенты республик, назначенные президентом страны, получали полную и почти бесконтрольную власть над своими регионами. Представители президента, надзиравшие за их деятельностью, не ограничивали их власть. Кремль с его неэффективной бюрократией переложил почти всю ответственность за регионы на местных баронов и был готов мириться с их независимостью и даже поощрять ее, а также с коррупционной деятельностью и криминальными связями. Рамзан Кадыров, которого многие считают бандитом, получил поддержку Путина, поскольку этот чеченский полевой командир гарантировал своего рода усмирение мятежной республики. Путин был готов разрешить президенту Татарстана оставаться у власти четыре срока подряд, поскольку он мог поддерживать мир в республике, сдерживая местный национализм.

В полном соответствии с феодальной традицией президент редко смещал губернаторов и президентов национальных республик с постов; им было позволено оставаться у власти до тех пор, пока они хранили верность Путину, сохраняли порядок в регионах, поддерживали правящую партию и обеспечивали нужное число голосов на ключевых выборах. Региональные руководители предпочитали автократический стиль и почти полностью игнорировали демок-

ратические принципы. Они управляли регионами, как своими вотчинами, в той же авторитарной манере, в какой Путин управлял страной. Кроме того, они ограничивали свободу средств массовой информации и манипулировали выборами.

Слабость государства оказала сильное влияние на всевозможные аспекты жизни общества как в средневековой Европе, так и в постсоветской России. В данной книге рассматриваются три процесса в постсоветской России, обусловленные слабостью государства и неуважением к закону. Один из них — это ненадежная природа отношений собственности. Как и в Средние века, когда главные субъекты общества были озабочены сохранением своих прав собственности, в постсоветской России каждый боялся, что его собственность будет отобрана государством или конкурентами. Особенно уязвимой была дорогая собственность в Москве. Даже собственники квартир и домов в столице были обеспокоены тем, что государство, частная фирма или преступная организация могли при помощи разнообразных уловок выкинуть людей из их домов. Земля, принадлежащая крестьянам, также могла быть отобрана местными начальниками, агропромышленными корпорациями или строителями курортов.

Использование физического принуждения для перераспределения собственности превратилось в одну из характерных черт жизни постсоветского общества. В начале XXI века по России прокатилась серия сражений за перераспределение собственности. И почти везде использовались незаконные методы и прямое насилие. Западный термин «враждебное поглощение» не в полной мере описывает используемые в России методы. Для захвата различных форм собственности была разработана сложная технология, получившая название «рейдерство». Эта стратегия предполагала использование налогового

механизма с целью искусственного банкротства, различные формы давления на акционеров, чтобы заставить их продать акции, фальсификация документов, подкуп судов и милиции, преследование компаний при помощи разного рода государственных инспекций (пожарной, санитарной и т. п.), конфискация продаваемых компанией товаров как контрафактных, физическое устранение собственников и отмывание незаконно приобретенной собственности путем продажи посредническим компаниям.

Второе явление, описанное в данной книге, — это важная роль неформальных, личных отношений в феодализованном обществе. В таком обществе огромное значение имеет разделение по кланам, «командам» и «кликам», в которых объединяются люди, верные одному лидеру. Члены клана поддерживают друг друга не по причине одного социального статуса или происхождения, как утверждают марксисты, а потому, что они преданы и доверяют друг другу — эти человеческие качества высоко ценились в эпоху Средневековья. Особое значение имеет сила личного фактора в подборе кадров и в характере контроля над их деятельностью, что оказывает огромное влияние на работу всех основных институтов государства — в первую очередь экономических, политических и военных, — а также на политическую и социальную стабильность общества и положение правящей элиты. Роль личных отношений, в том числе родственных, в политике и экономике почти не исследовалась представителями общественных наук.

Тем временем в постсоветской России, где общество было разделено по всевозможным признакам, роль личных отношений трудно переоценить — что представляет полную противоположность советской системе, в которой роль личных отношений и родства в политике была минимальна. Эти отношения в

90-х гг. послужили структурной основой для приватизации государственной собственности, что привело к появлению «кланового капитализма». Семья российского президента Ельцина превратилась в ключевой политический институт страны. Передача власти осуществлялась не на основе демократической процедуры, а в соответствии с монархическими принципами, предполагавшими, что действующий руководитель может выбрать наследника. Путин подбирал людей на высшие государственные посты из числа личных друзей и коллег, большую часть которых он знал по работе в КГБ.

Пренебрежение достоинствами и значение личных связей при назначениях на должности в правительстве и бизнесе воспринимались как нормальное явление и не вызывали особого недовольства. В то же время преобладание личных отношений способствовало росту коррупции и криминализации общества, ослабляло государство и общественные институты. Расцвет личных отношений сделал работу демократических механизмов практически невозможной. Кроме того, это вызвало глубокое недоверие населения к демократии.

Третье феодальное явление в России – это важная роль частной охраны. В Средние века разнообразные формы частной охраны получили широкое распространение. Современная Россия с коррумпированным и неэффективным государством может служить еще одним примером того значения, которое приобретает частная охрана (криминальная и легальная) в обществе со слабым государством. Безопасность стала одной из главных проблем российского бизнеса, который регулярно становился мишенью организованной преступности.

Структура частной охраны всегда была гибкой и менялась под воздействием нескольких факторов.

В самом начале XXI века преступные организации в основном уступили роль охраны милиции и органам государственной безопасности, которые оказывали услуги в частном порядке, а также легальным частным охранным предприятиям.

Одновременно большой бизнес создавал собственные подразделения безопасности, нанимая руководить ими бывших сотрудников КГБ. Почти все видные бизнесмены и политики имели личную охрану. Огромная роль частной охраны сделала профессию сотрудника службы безопасности одной из самых популярных среди российских мужчин. Распространение в России закрытых сообществ – еще один важный процесс, обусловленный низким уровнем безопасности в стране.

Феодальная модель является полезным теоретическим инструментом для анализа постсоветской России. Не взглянув на страну через призму этой модели, невозможно понять характер происходящих в ней политических, социальных и экономических процессов.

Как показывает эта книга, данные элементы глубоко укоренились во многих сферах российского общества. Учитывая слабость либеральных институтов, политическую пассивность населения, отсутствие единой идеологии и коррумпированность чиновничества, феодальные элементы, по всей видимости, сохранятся в России еще на протяжении нескольких десятилетий. Тот, кто хочет предсказать будущее России или политику других государств в отношении России, должен учитывать феодальные тенденции в этой большой и очень важной для мира стране.

Примечания

Глава 1

1. См.: Vladimir Shlapentokh, *A Normal Totalitarian Society* (Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2001).
2. Кира Латухина и др. «Сурков вышел из тени». *Ведомости*, 29 июня, 2006; см. также Александр Цыпко «Идеология суверенной демократии». 21 апреля 2006.
3. Александра Самарина и Сергей Варшавчик «Суверенную демократию – каждому». *Независимая газета*, 31 августа 2006.
4. Так считает председатель Конституционного суда Валентин Зорькин (см.: Борис Туманов «На прошлой неделе: как обустроить Россию». *Новое время*, 10 сентября 2006; см. также Андраник Мигранян «Зачем России концепция «суверенной демократии»?». *Известия*, 27 июля 2006; Кирилл Привалов «Народ России – самостоятельный субъект истории». *Известия*, 12 июля 2006; и Екатерина Забродина «Парад суверенных демократий». *Московские новости*, 7 сентября 2006).
5. См. интервью политолога Сергея Марков в газете *Аргументы и факты* («Что такое суверенная демократия?». 6 сентября 2006).
6. См.: Andrei Shleifer and Daniel Treisman, «A Normal Country», *Foreign Affairs*, March/April 2004.
7. См.: Егор Гайдар, *Долгое время: Россия в мире; очерки экономической истории* (Москва: Дело, 2005).
8. См.: Т. И. Заславская «О роли социальной структуры в трансформации российского общества» в книге *Куда идет Россия. Власть: Общество; Личность*, под ред. Т. И. Заславской (Москва: Высшая школа социальных и экономических наук, 2000, стр.

- 222); см. также Заславская «Contemporary Russian Society: Problems and Perspectives», *Sociological Research*, July/August 2006, стр. 13–14 (первая публикация в *Общественные науки и современность*, 5, 2004).
9. В. А. Ядов «Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 383.
 10. Л. А. Беляева «Динамика социальной стратификации в период реформ», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 243.
 11. Л. А. Хахулина «Средний класс в России: Мифы и реальность», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 279.
 12. См.: «Пути России: 2007» (программа симпозиума), <http://www.msses.ru/win/science/kuda/itogi-puti-2007.html> (доступно 14 февраля 2007).
 13. Archie Brown «Vladimir Putin's Leadership in Comparative Perspective» in *Russian Politics under Putin*, ed. Cameron Ross (Manchester: Manchester University Press, 2004, pp. 4, 12–14); Brown, «Introduction» in *Gorbachev, Yeltsin, and Putin: Political Leadership in Russia's Transition*, ed. A. Brown and L. Shevtsova (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001, p. 6).
 14. David Lane «The Economic Legacy: What Putin Had to Deal with and the Way Forward» in Ross, *Russian Politics under Putin*, p. 95.
 15. James Millar «Normalization of the Russian Economy: Obstacles and Opportunities for Reform and Sustainable Growth», <http://www.nbr.org/publications/article.aspx?ID=183> (доступ 12 апреля 2007).
 16. Thomas Remington «Putin, the Duma, and Political Parties» in *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain*, ed. Dale Herspring (Lanham, Md.: Rowman, 2003, pp. 56–57).
 17. Luke March «The Putin Paradigm and the Cowering of Russia's Communists» in Ross, *Russian Politics under Putin*, p. 60.
 18. R. W. Davies, *Soviet History in the Teltsin Era* (New York: St. Martin's Press, 1997).
 19. William Cocherham, *Health and Social Change in Russia and Eastern Europe* (New York: Routledge, 1999).
 20. Timothy Colton and Michael McFaul, «Putin and Democratization» in Herspring, *Putin's Russia*, p. 36.
 21. Там же, p. 35; Masha Lipman and Michael McFaul, «Putin and the Media» in Herspring, *Putin's Russia*, pp. 77–78.
 22. Cameron Ross «Putin's Federal Reforms» in Ross, *Russian Politics under Putin*, pp. 170–71.
 23. Eugene Huskey «Political Leadership and the Center-Periphery Struggle: Putin's Administrative Reforms», in Brown and Shevtsova, *Gorbachev, Teltsin, and Putin*, pp. 126–34.

24. Liliia Shevtsova, *Putin's Russia* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005, pp. 322-51); Shevtsova «From Yeltsin to Putin: The Evolution of Presidential Power» in Brown and Shevtsova, *Gorbachev, Yeltsin, and Putin*, pp. 67–70.
25. Юрий Левада «Общественное мнение и общество на перепутьях 1999 года», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 147.
26. В. В. Шелохаев «Особенности отношений власти и общества в России: история и современность», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 10.
27. В. В. Журавлев «Личность как заложница государства и общества», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 92.
28. В. Н. Дахин «Некоторые вопросы анализа российской власти», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 101.
29. Н. Г. Щербинина «Мифологический компонент регионального избирательного процесса», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 217.
30. Л. В. Поляков «Российский авторитарный синдром: анамнез и эпикриз», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 173.
31. Stephen White «Russia's Disempowered Electorate» in Ross, *Russian Politics under Putin*, pp. 76–92.
32. Nikolai Petrov and Darrell Slider «Putin and Regions» in Herspring, *Putin's Russia*, p. 35.
33. Радиостанция *Эхо Москвы*, «Особое мнение». 28 июня 2006.
34. Stephen Hedlund, *Russia's Market Economy: A Bad Case of Predatory Capitalism* (London: University College London Press, 1999).
35. В. П. Данилов «Российская власть в 20 веке», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 6.
36. А. И. Щербинин «Человек во власти (региональные политические элиты в современном избирательном процессе)», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 209.
37. В. М. Межуев «Традиция самовластья в современной России», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 81, 86.
38. А. Г. Здравомыслов «Власть и общество: кризис 90-х годов», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 135, 142.
39. Shevtsova, *Putin's Russia*.
40. Александр Кокшаров «Империализм: глобализация невозможна без империи». *Эксперт*, 31 января 2005.
41. Сергей Шаповал «Алексей Миллер: критерии для оценки империи – человеческая жизнь». *Московские новости*, 21 июля 2006.
42. Александр Проханов «Битва за пятую империю». *Завтра*, 28 июня 2006; см.: Вадим Степанцов «Я люблю тебя, империя». *Завтра*, 12 июля 2006; Мария Протасова «Империя умерла?». *Завтра*, 28 июня 2006; Проханов, «Нимбы русской культуры». *Завтра*, 21 июня 2006.

43. См.: Александр Дугин «Национализм: русский или российский?». *Время новостей*, 15 марта 2006; и его статья «Вызовы ксенофобии». *Время новостей*, 7 июля 2006.
44. «Должна ли Россия быть империей?» *Известия*, 10 декабря 2004.
45. Richard Pipes, *Struve, Liberal on the Left, 1870-1905* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970).
46. Дарья Гусева «Империя добра: правые не отказались от идеи перевоспитать человечество». *Время новостей*, 20 декабря 2004.
47. Андрей Кончаловский «Верить или размышлять». *Московские новости*, 13 июля 2006.
48. В. Федотова *Модернизация другой Европы* (Москва: ИФ РАН, 1997).
49. Ядов «Россия как трансформирующееся общество», стр. 385.
50. Александр Ахизер «Россия: некоторые проблемы социально-культурной динамики». *Мир России*, № 1, 1995.
51. О. В. Гаман-Голутвина «Бюрократия или олигархия», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 162.
52. С. П. Перегудов «Корпоративный капитал в борьбе за избирателя», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 200.
53. В. И. Ильин «Методологические проблемы анализа классовой структуры», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 265.
54. Е. З. Майминас «Соотношение власти, общества и личности», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 207.
55. William Tompson «The Russian Economy under Vladimir Putin» in Ross, *Russian Politics under Putin*, p. 126.
56. Andrew Jack, *Inside Putin's Russia* (Oxford: Oxford University Press, 2004, pp. 5, 215).
57. Peter Rutland «Putin and Oligarchs» in Herspring, *Putin's Russia*, pp. 148–49.
58. Stephen Handelman, *Comrade Criminal: Russia's New Mafia* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995).
59. Евгений Чернов «Мексика между стабильностью и бунтом». *Новое время*, 16 июня 2006.
60. Александр Севастьянов «Новейшая история: политпросвет; соло партии». *Литературная газета*, 28 декабря 2006.
61. Peter Rutland «Putin and Oligarchs» in Herspring, *Putin's Russia*, pp. 148–49.
62. Joseph Douglas Krouse, *Kremlin Capitalism: The Privatization of Russian Economy* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1997).
63. Григорий Явлинский «Униженные люди не создадут экономику 21 века». *Новая газета*, 11 ноября 2002.
64. Vadim Volkov, *Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2002).
65. William Webster, ed., *Russian Organized Crime and Corruption* (Washington, D.C.: The CSIS Press, 2000, p. 2).

66. Virginie Coulloudon «Putin's Anticorruption Reforms» in Herspring, *Putin's Russia*, pp. 85–100.
67. Более подробно о политическом фоне полемики вокруг термина «суверенная демократия» см.: Сергей Чугаев «Спор о терминах». *Известия*, 25 июля 2006.
68. Дмитрий Медведев «О суверенной демократии и не только». *Известия*, 25 июля 2006; см. также интервью с Медведевым, 14 сентября 2006.
69. Чернов «Мексика между стабильностью и бунтом».
70. Russel Ackoff, *Re-creating the Corporation* (New York: Oxford University Press, 1999, p. 8). Автор утверждает, что каждая часть системы «необходима... для выполнения» «определяющей функции» данной системы (стр. 6).
71. John Horgan «Einstein Left the Building», *The New York Times Book Review*, January 1, 2006.
72. См. такие работы Талкота Парсонса, как *The Social System* (Glencoe, Ill.: Free Press, 1951); *The System of Modern Society* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1971); *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1966, p. 27); и «Evolutionary Universals in Society», *American Sociological Review* 29, no. 3 (1964): 339–57.
73. См.: Ruth Benedict, *Patterns of Culture* (New York: Houghton Mifflin, 1934).
74. G. Piers and M. Singer, *Shame and Guilt: A Psychoanalytical and Cultural Study* (New York: Norton, 1953/1971); M. R. Creighton «Revisiting Shame and Guilt Culture: A Forty Year Pilgrimage», *Ethos* 18, no. 3 (1990): 279–307.
75. Harry Triandis, *Individualism and Collectivism* (Boulder, Colo.: West-view, 1995); Andrew Michener, John D. DeLamater, and Shalom H. Schwartz, under the general editorship of Robert K. Merton, *Social Psychology* (San Diego, Calif: Harcourt Brace Jovanovich, 1986).
76. Roy Macridis, *Modern Political Regimes* (Boston: Little, Brown, 1986); John Nagle, *Introduction to Comparative Politics* (Chicago: Nelson-Hall, 1985); Mikhail Curtis et al., *Introduction to Comparative Government* (New York: Harper, 1990, pp. 3–15); S. Berstein, *Democraties, regimes autoritaires et totalitarismes au XXe siecle* (Paris: Hachette, 1992). Некоторые авторы используют другие типологии правительства, но они не пользуются популярностью в современной политологии. См., например, классификацию Бернарда Крика, который делит все режимы на авторитарские, тоталитарные и республиканские (*Basic Forms of Government*, London: Macmillan, 1973). Жан Блондель оперирует пятью типами систем: либерально-демократическая, эгалитарно-авторитарная, традиционная инэгалитарная, популистская и авторитарно-инэгалитарная (*Introduction to Comparative Government*, New York: Harper, 1990, pp. 3–15).

77. Большинство современных экономистов признают только два типа экономики: рыночную и административно-командную. См. следующие популярные учебники: N. G. Mankiw, *Principles of Micro Economics*, 1st ed. (London: Dryden Press, 1997, p. 9); K. E. Fair and R. C. Fair, *Principles of Micro Economics*, 4th ed. (Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 1996, pp. 41–44); Adam Przeworski, *Democracy and Market* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991); Morris Bornstein, *Comparative Economic Systems: Models and Cases* (Burr Ridge, Ill.: Irwin, 1994, p. 16); Martin Schnitzer, *Comparative Economic Systems* (Cincinnati, Ohio: South-Western Publishing, 1994, pp. 3–21). Пол Самуэльсон придерживается такой же классификации во всех изданиях своего знаменитого учебника. В издании 1973 г. он описывает «один капитализм» и «несколько социалистическо-коммунистических экономик» (British, French «indicative planning», Stalinist, Yugoslav, Maoist, and Soviet). См.: Paul Samuelson, *Economics*, 9th ed. (New York: McGraw-Hill, 1973, pp. 867–86).
78. Robert Solo, *Economic Organizations and Social Systems* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000).
79. Там же, стр. 3–4.
80. Francis Fukuyama, *The End of History and the Last Man* (New York: Free Press, 1992). См. критику этих взглядов в John Gray, *Liberalism Edition*, 2nd ed. (Buckingham: Open University Press, 1995), и его *Enlightenment's Wake: Politics and Culture at the Close of the Modern Age* (New York: Routledge, 1995).
81. См.: Victor Nee «A Theory of Market Transition: From Redistribution to Markets in State Socialism», *American Sociological Review* 54, no. 1 (1989): 663–81; Mikhail Buravoy and Pavel Krotov «The Soviet Transition from Socialism to Capitalism», *American Sociological Review* 57, no. 1 (1992): 16–39; Victor Nee and Rebecca Mathews «Market Transition and Societal Transformation in Reforming State Socialism», *Annual Review of Sociology* 22 (1996): 401–35.
82. См., например: Martin Malia «The Haunting Presence of Marxism-Leninism», *Journal of Democracy* 10, no. 2 (1999): 41–46.

Глава 2

1. См. следующие работы Владимира Шляпентоха: «Four Russias», *The Tocqueville Review* 19, no. 1 (1998): 9–34; «The Four Faces of Mother Russia», *Transition* 4, no. 5 (1997): 60–61; «“Normal” Russia», *Current History* 212 (1997): 331–36; «Многослойное общество», *Социологический журнал* 4 (1997): 5–21.
2. Fernando Cardos, «The Age of Citizenship», *Foreign Policy* 119 (2000): 40.

3. Moris Ecksteins «Too Much of the Same», *Times Literary Supplement*, July 28, 2006.
4. Для анализа использовались следующие учебники: М. Andersen and H. F. Taylor, *Sociology*, 2nd ed. (Belmont, Calif.: Wadsworth, 2002); Rodney Stark, *Sociology*, 8th ed. (Belmont, Calif.: Wadsworth, 2001); J. Macionis, *Sociology*, 8th ed. (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 2001); J. M. Henslin, *Essentials of Sociology*, 6th ed. (Belmont, Calif.: Wadsworth, 2006); B. Hess, E. Markson, and P. Stein, *Sociology*, 4th ed. (Boston: Allyn and Bacon, 1993); T. Sullivan, *Sociology*, 6th ed. (Boston: Allyn and Bacon, 2004); W. E. Thomson and J. V. Hickey, *Society in Focus*, 5th ed. (New York: HarperCollins, 2005); D. Stanley Eitzen and Maxine Baca Zinn, *In Conflict and Order: Understanding Society* (Boston: Allyn and Bacon, 1993).
5. Max Weber, *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*, vol. 1 (Berkeley: University of California Press, 1978, pp. 20–21).
6. Там же, стр. 1070–72, 1091.
7. Georg Simmel, *On Individuality and Social Forms: Selected Writings*, ed. Donald N. Levine (Chicago: University of Chicago Press, 1971); Georg Simmel, *Problems in Philosophy of History* (New York: Free Press, 1977); см. также G. Oakes, *Introduction to G. Simmel, Essays on Interpretation in Social Science* (Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1980, p. 8); David Frisby, «Simmel» in *The Cambridge Dictionary of Sociology*, ed. Bryan Turner (Cambridge: Cambridge University Press, 2006, pp. 551–53).
8. Emile Durkheim, *Les regies de la methode sociologique* (Paris: Felix Alcan, 1927); Emile Durkheim, *The Division of Labor in Society*, translated from the French by George Simpson (Glencoe, Ill.: Free Press, 1960).
9. Многие авторы опубликовали книги и статьи о «двух Америках» или «двух Англиях», например, Michael Harrington (*The Other America: Poverty in the United States*, New York: Macmillan, 1969). See Stanley Greenberg, *The Two Americas: Our Current Political Deadlock and How to Break It* (New York: Thomas Dunne Books, 2004); Steven Messner and Richard Rosenfeld, *Crimes and the American Dream* (Belmont, Calif.: Wadsworth, 1997); Leo Kuper «Plural Societies: Perspectives and Problems», in *Pluralism in Africa*, ed. Leo Kuper and M. G. Smith (Berkeley: University of California Press, 1969, pp. 7–26); Michael Hechter, *Containing Nationalism* (Oxford: Oxford University Press, 2000).
10. Perry Anderson, *Passage from Antiquity to Feudalism* (London: Verso, 1974).
11. См.: Francois Furet and Denis Richet, *French Revolution*, trans. Stephen Hardman (New York: Macmillan, 1970); Suzanne Berger, *How We Compete: What Companies around the World Are Doing*

- to *Make It Today's Global Economy* (New York: Doubleday, 2006); John Gray «The Global Delusion», *The New York Review of Books*, April 27, 2006, p. 22.
12. Michael Mann «The Social Cohesion of Liberal Democracy», *American Sociological Review* 35, no. 3 (1970): 423–39; and his *Sources of Social Power* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986).
 13. Charles Taylor, *Multiculturalism and the Politics of Recognition* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992); Charles Taylor «Liberal Politics and the Public Sphere» in *New Communitarian Thinking: Persons, Virtues, Institutions, and Communities*, ed. Amitai Etzioni (Charlottesville: University Press of Virginia, 1995, pp. 183–217).
 14. Stephen Brooks, ed., *The Challenge of Cultural Pluralism* (Westport, Conn.: Praeger, 2002).
 15. Mark P. Orbe, *Constructing Co-cultural Theory: An Explication of Culture, Power, and Communication* (Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1998).
 16. Carole S. Angell, *Celebrations around the World: A Multicultural Handbook* (Golden, Colo.: Fulcrum, 1996); Ramon Maiz and Ferran Requejo, eds., *Democracy, Nationalism and Multiculturalism* (New York: Frank Cass, 2005).
 17. Kenneth Waltz, *The Theory of International Politics* (New York: Random House, 1979, p. 66).
 18. См.: Marcus Fischer «Feudal Europe, 800–1300: Communal Discourse and Conflictual Practice», *International Organization* 46, no. 2 (1992): 462.
 19. Владимир Ленин, *Собрание сочинений*, 4-е изд., т. 32 (Москва: Политиздат, 1951, стр. 272–273).
 20. См., например: Юрий Кукушкин, ред., *История СССР: Эпоха социализма* (Москва: Высшая школа социальных и экономических наук, 1985, стр. 144–145).
 21. Иосиф Сталин, *Вопросы ленинизма* (Москва: Госполитиздат, 1952).
 22. Е. П. Иванов, ред., *История отечества: Проблемы, взгляды, люди* (Псков, Россия: Псковский государственный педагогический институт, 2005, стр. 260).
 23. А. Мартынов, *Трансформация макросоциальных систем в постсоветском мире: методологический аспект* (Москва: Ленанд, 2006, стр. 163).
 24. О. Фадеева «Неформальная занятость в сибирском селе», *Экономическая социология* 2, № 2 (2001): 61–93.
 25. Richard Sakwa, *Putin: Russia's Choice* (New York: Routledge, 2004, p. 112).
 26. Francois-Lois Ganshof, *Feudalism* (New York: Harper and Row, 1964, p. 15).
 27. Gordon Marshall, ed., *The Concise Oxford Dictionary of Sociology* (Oxford: Oxford University Press, 1994, pp. 180–81).

28. H. G. Richardson and G. O. Sayles «The Governance of Mediaeval England from the Conquest to Magna Carta», *Speculum* 39, no. 3 (1964): 561–65; Elisabeth Brown «The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe», *American Historical Review* 79, no. 4 (1974): 1063–88; Susan Reynolds, *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted* (Oxford: Oxford University Press, 1994).
29. Clifford Backman, *The Worlds of Medieval Europe* (Oxford: Oxford University Press, 2003, p. 176).
30. В четвертом ежегодном послании к штату в январе 2007 г. губернатор Арнольд Шварценеггер призывал к преобразованию Калифорнии в некое самостоятельное образование, наподобие таких городов-государств, как Афины с их «идеями» и Спарта с ее «силой». В сущности, губернатор желает превратить свой штат в средневековый феод. Вероятно, он забыл, что противопоставление любого штата государству, чем бы оно ни оправдывалось, может иметь трагические последствия. На первый взгляд, губернатор призывал к децентрализации. Однако на самом деле он выступал за феодализацию Соединенных Штатов. Децентрализация в духе федерализма отцов-основателей означает, что целью американцев является благополучие всей нации, а не только одного штата. Предложение губернатора Шварценеггера направлено на улучшение жизни только калифорнийцев, без учета интересов всей нации (Gar Alperovitz «California Split», *New York Times*, February 10, 2007). Примечательно, что один из читателей *New York Times* озаглавил свое письмо главному редактору (17 февраля 2007), поддерживающее инициативу губернатора Калифорнии: «Неужели Америка слишком велика, чтобы процветать?»
31. Fustel de Coulanges, *Histoire des Institutions Politiques de l'Antiquité* (Paris: Hachette, 1923, p. 703).
32. Oliver Volckart, *Wettbewerb und Wettbewerbsbeschränkung im vormodernen Deutschland, 1000-1800* (Tubingen, Germany: Mohr Siebeck 2002).
33. Marc Bloch, *Feudal Society* (Chicago: University of Chicago Press 1961).
34. Barbara Rosenwine, *A Short History of the Middle Age* (Orchard Park, N.Y.: Broadview Press, 2005, p. 147).
35. Pierre Dubuis, *Les vifs, les marts et le temps qui court: Familles valaisannes, 1400–1550* (Lausanne, Switzerland: Section d'histoire, Faculté des lettres, Université de Lausanne, 1995, p. 161).
36. Marjorie Chibball, *Anglo-Norman England, 1066-1166* (Oxford-Blackwell, 1986, p. 125).
37. Jacques Le Goff, *Medieval Civilization, 400-1500*, trans. Julia Barrow (New York: Blackwell, 1988, p. 40).
38. Laurent Theis, *Histoire du Moyen Age français: Chronologie commentée de Clovis à Louis XI, 486-1483* (Paris: Perrin, 1992).
39. Ganshof, *Feudalism*.

40. Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в Древней Руси* (Санкт-Петербург: Брокгауз-Эфрон, 1907).
41. D. Likhachev, B. Romanov, and V. Adrianova-Peretts, eds., *Povest' vremennykh let* (Москва: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1950).
42. Из последних работ о феодализме, опубликованных в разных странах, см.: Michael Burgess, *Comparative Federalism: Theory and Practice* (New York: Routledge, 2006); Wilfried Swenden, *Federalism and Regionalism in Western Europe: A Comparative and Thematic Analysis* (New York: Palgrave Macmillan, 2006); G. Alan Tarr, Robert F. Williams, and Josef Marko, eds., *Federalism, Subnational Constitutions, and Minority Rights* (Westport, Conn.: Praeger, 2004); Anand Menon and Martin Schain, *Comparative Federalism: The European Union and the United States in Comparative Perspective* (Oxford: Oxford University Press, 2006).
43. Об отношениях между регионализацией и интересами страны см.: David B. Audretsch and Charles F. Bonser, eds., *Globalization and Regionalization: Challenges for Public Policy* (Boston: Kluwer, 2002).
44. Из недавних публикаций о самоопределении см.: Igor' Primoratz and Aleksandar Pavkovi, eds., *Identity, Self-Determination and Secession* (Aldershot, England: Ashgate, 2006); Stephen Macedo and Allen Buchanan, eds., *Secession and Self-Determination* (New York: New York University Press, 2003).
45. См., например, несколько работ последнего десятилетия: Irving Horowitz and May Strong, *Sociological Realities* (New York: Harper, 1971); Jonathan Turner, *Sociology: The Science of Human Organization* (Chicago: Nelson-Hall, 1985); Leonard Gordon and Patricia Harvey, *Sociology and American Social Issues* (Dallas, Tex.: Houghton, 1978); Eitzen and Baca Zinn, *In Conflict and Order* (Boston: Allyn and Bacon, 1993); Joseph Fichter, *Sociology* (Chicago: The University of Chicago Press, 1971); Earl Babbies, *Sociology: An Introduction* (Belmont, Calif.: Wadsworth, 1983); Donald Light and Suzanne Keller, *Sociology* (New York: Knopf, 1982).
46. Neil Smelser, *Sociology* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1981).
47. Там же, стр. 399–400.
48. Neil Smelser, *Sociology* (Cambridge, Mass.: Blackwell, 1994, p. 73).
49. Robert Dahl «Numerical Democracy and Corporate Pluralism» in *Political Opposition in Western Democracies*, ed. Robert Dahl (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1968, p. 106).
50. See Robert Dahl, *Polyarchy: Participation and Opposition* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1971, p. 7).
51. Max Weber, *Economy and Society of Interpretive Sociology*, vol. 2 (Berkeley: University of California Press, 1978, pp. 1070–

- 72, 1091); о взглядах Вебера на патримониализм см.: Susanne Karstedt, «Knights of Crime: The Premodern Structures» in *Social Dynamics of Crime and Control: New Theories for a World in Transition*, ed. Susanne Karstedt and Kai-D Bussmann (Oxford: Hart Publishing, 2000, p. 55).
52. Marc Bloch and Leopold Benjamin, *Feudal Society*, translated from the French by L. A. Manyon, foreword by M. M. Postan (Chicago: University of Chicago Press, 1961, p. 241).
53. Karstedt «Knights of Crime» p. 58.
54. Karstedt «Knights of Crime» pp. 56–58; см. также использование феодальной модели для анализа общества в Ulrich Beck and Jane Wiebel, *The Normal Chaos of Love* (Oxford: Polity Press, 1995, p. 25).
55. John Hall «Feudalism in Japan: A Reassessment», *Comparative Studies in History and Society* 5, no. 1 (1962): 15–51.
56. Peter Dims, *Feudalism in Japan* (New York: McGraw-Hill, 1993).
57. Carolyn Webber and Aaron Wyldavsky, «Feudalism Nothing» in *The Blackwell Dictionary of Twentieth-Century Social Thought*, ed. William Outhwait and Tom Bottomore (Oxford: Blackwell, 1994, p. 228).
58. Руслан Гринберг, интервью газете *Московский комсомолец*, 31 марта 2006.
59. Арон Гуревич, *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе* (Москва: Высшая школа, 1970).
60. Vladimir Shlapentokh «Early Feudalism — the Best Parallel for Contemporary Russia», *Europe-Asia Studies* 48, no. 3 (1996): 393–411.
61. Anatolii Lieven «The Masque of Democracy; Russia's Liberal Capitalist Revolution», *Johnson's List*, July 16, 1998.
62. Richard E. Ericson, *Post-Soviet Russian Economic System — an Industrial Feudalism* (Helsinki: Bank of Finland Institute for Economies in Transition, 2000).
63. Peter J. Stavrakis, *Shadow Politics: The Russian State in the 21st Century* (Carlisle Barracks, Pa.: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 1997).
64. Stephen Blank «Russian Democracy: From the Future to the Past», *Demokratizatsiia* 1, no. 3 (1998): 550–77.
65. Андрей Кончаловский «Мафия? Как это по-русски». *Аргументы недели*, 9 ноября 2006; <http://www.konchalovsky.ru/subl.php?razdel-7& id=20> (accessed March 1, 2007).
66. См. интервью Руслана Гринберга газете *Московский комсомолец*, 31 марта 2006.
67. Петр Ореховский «Чем самоуправлять будем». *Известия*, 6 сентября 2005.
68. В. П. Данилов «Российская власть в 20 веке», в книге: *Куда идет Россия. Власть: Общество; Личность*, ред. Т. И. Заславская (Москва: Высшая школа социальных и экономических наук, 2000, стр. 6).

69. Беседа с Юлией Латыниной на радиостанции *Эхо Москвы*, 19 мая 2000.
70. Юлия Латынина, *Охота на изюбря* (Москва: Эксмо, 2005).
71. Юлия Латынина «Феодалные войны олигархов». *Комсомольская правда*, 10 декабря 2002.
72. Юлия Латынина «Захват: сегодняшний передел собственности – как экономика войны». *Новая газета*, 26 и 28 марта 2001.
73. Сергей Гуриев «Индустриальный феодализм: низкая географическая мобильность трудовых ресурсов сдерживает реструктуризацию экономики». *Эксперт*, 10 апреля 2001.
74. Юлия Латынина «Патент на благородство: выдаст ли его литература капиталу?» *Новый мир* 11 (1993): 191–95.
75. Эти институты позволяли феодалным баронам и епископам влиять на короля и защищать свои интересы. В качестве примера подобных институтов в эпоху Средневековья рассмотрим феодальную Францию. По данным Фюстеля де Куланжа, за период 125 лет, в VIII и IX веках, между царствованием Пепина Короткого и Карла Смелого было создано 125 ассамблей. Выборы также были важной составляющей политической жизни немецких княжеств в VI и VII веках. См.: Robert Fossier, ed., *The Cambridge Illustrated History of the Middle Ages (350–950)* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990, p. 417). Гражданское общество в эпоху феодализма включало институты, представлявшие все главные слои населения, в том числе и третьего сословия (к нему относились буржуа, ремесленники и крестьяне), особенно в городах Италии и Нидерландов. В XIII и XIV веках нидерландский король Филипп и его сыновья три раза собирали Генеральные штаты, где были представлены три сословия – духовенство, знать и «третье сословие». Практика консультаций с Генеральными штатами была расширена в конце XIV века посредством формирования штатов провинций, разумеется, по мере укрепления королевской власти роль выборных органов уменьшалась. После 1484 г. штаты уже не собирались, и только кризис 1560 г. временно возродил этот институт.
76. Более подробный анализ тоталитарной модели и тоталитарного общества см.: Vladimir Shlapentokh, *A Normal Totalitarian Society* (Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2001); among recent publication on totalitarian society, see Jerzy W. Borejsza and Klaus Ziemer, in cooperation with Magdalena Huas, *Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe: Legacies and Lessons from the Twentieth Century* (New York: Berghahn Books, 2006); Juan J. Linz, *Totalitarian and Authoritarian Regimes* (Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers, 2000).
77. Дополнительную информацию о тоталитарных тенденциях в России см. в публикациях Владимира Шляпентоха: «Two Pictures of Putin's Russia: Both Wrong», *World Policy Journal* 22, no. 1 (Spring 2005): 61–72; «Wealth versus Political Power:

The Russian Case», *Communist and Post-Communist Studies* 37, no. 2 (2004): 135–60; «Hobbes and Locke at Odds in Putin's Russia», *Europe-Asia* 55, no.7 (2003): 981-1007; «Russia's De-democratization», *World and I*, December 2006 (available at www.worldandi.com). См. также: Regina Smyth, *Candidate Strategies and Electoral Competition in the Russian Federation: Democracy without Foundation* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006); Michael McFaul, Nikolai Petrov and Andrei Ryabov with Mikhail Krasnov et al., *Between Dictatorship and Democracy: Russian Post-Communist Political Reform* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2004); United States Senate Committee on Foreign Relations, *Democracy in Retreat in Russia: Hearing before the Committee on Foreign Relations*, 109th Cong., 1st sess., February 17, 2005 (Washington, D.C.: GPO, 2005); Michael Steven Fish, *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics* (New York: Cambridge University Press, 2005).

Глава 3

1. Например, Мартин Канрой утверждал, что, «чем больше доля общественного сектора, тем сильнее государство»; см.: Martin Carnoy, *The State and Political Theory* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984). Некоторые другие авторы также склоняются к аналогичному определению «сильного государства», предлагая другие варианты того же индикатора, такие как отношение государственных расходов к ВВП. Джекмен предлагает в качестве критерия «автономию государства». См.: Robert Jackman, *Power without Force: The Political Capacity of Nation-States* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993, pp. 62–65); Stephen Krasner, «United States Commercial and Monetary Policy» in *Between Power and Plenty: Foreign Economic Policy of Advanced Industrial States*, ed. Peter Katzenstein (Madison: University of Wisconsin Press, 1978, pp. 51–89); Neil Smelser, *Sociology* (Oxford: Blackwell, 1994, p. 63).
2. См.: Александр Севастьянов «Новейшая история: политпросвет; соло партии». *Литературная газета*, 28 декабря 2006 г.; Станислав Говорухин, *Великая криминальная революция* (Москва: Андреевский флаг, 1993). Аналогичным образом описывают России и другие авторы, в том числе Григорий Явлинский, который назвал общество «корпоративно-криминальной системой» (Григорий Явлинский, «Униженные люди не создадут экономику 21 века». *Новая газета*, 11 ноября 2002).
3. См.: George Breslauer «Evaluating Gorbachev and Yeltsin as Leaders», in *Gorbachev, Teltsin and Putin: Political Leadership in Russia's Transition*, ed. Archie Brown and Liliia Shevtsova

- (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001, p. 47).
4. Michael McFaul, *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin* (London: Cornell University Press, 2001, pp. 122–85).
 5. Donald Barry, *Russian Politics: Post-Soviet Phase* (New York: Peter Lang, 2002, pp. 124–26).
 6. Интересно, что некоторые авторы говорят о «центральности личности Ельцина». См.: Liliia Shevtsova, *Yeltsin's Russia: Myths and Reality* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999, p. 288); Paul Hollander, *Political Will and Personal Beliefs: The Decline and the Fall of Soviet Communism* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999); Timothy Colton and Robert Tucker, eds., *Patterns in Post-Soviet Leadership* (Boulder, Colo.: Westview, 1995). However, they all skirted the prosaic motivation of Boris Yeltsin for power and greed.
 7. Georges Duby, *Feodalites* (Paris: Presses universitaires de France, 1998).
 8. David Charles Douglas, *The Norman Achievement, 1050-1100* (London: Eyre & Spottiswoode, 1969, p. 177).
 9. Francois Louis Ganshof, *Feudalism*, translated by Philip Grierson with a foreword by Sir F. M. Stenton (New York: Harper and Row, 1964).
 10. Hunt Janin, *Medieval Justice: Cases and Laws in France, England, and Germany, 500-1500* (Jefferson, N.C.: McFarland, 2004).
 11. Barbara A. Hanawalt and David Wallace, eds., *Medieval Crime and Social Control* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999).
 12. Claude Gauvard «Fear of Crime in Late Medieval France» in Hanawalt and Wallace, *Medieval Crime and Social Control*, pp. 1-48.
 13. See Natalie Davis, *The Gift in Sixteenth-Century France* (Madison: University of Wisconsin Press, 2000).
 14. James O. Finckenauer and Yuri A. Voronin, *The Threat of Russian Organized Crime* (Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2001); см.: Annelise Anderson, «The Red Mafia: A Legacy of Communism» in *Economic Transtion in Eastern Europe and Russia: Realities of Reform*, ed. Edward Lazear (Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1995, pp. 340–66).
 15. Михаил Морозов «Воровали и будут воровать». *Трибуна РТ*, 11 декабря 2005.
 16. Джавохир Кабилов «ЧОПнутая Россия». *Трибуна РТ*, 17 марта 2006.
 17. Г. Смирнов, *Организованная преступность и меры по ее пресечению* (Екатеринбург: МВД РФ, 1995).

18. Яков Гилинский, *Организованная преступность в России: теория и реальность* (Санкт-Петербург: Институт социологии РАН, 1996, стр. 77).
19. Vadim Volkov, *Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2002, pp. 108–22); см.: Finckenaue and Voronin, *Threat of Russian Organized Crime*; Татьяна Кузнецова «Мафии объявили войну, кто победит». *Аргументы и факты*, 24 мая 2006.
20. См.: Arthur Newton, *Travel and Travelers in the Middle Ages* (Freeport, N.Y.: Books for Libraries Press, 1967); Hanawalt and Wallace, *Medieval Crime and Social Control*; Janin, *Medieval Justice*; Trevor Dean, *Crime in Medieval Europe, 1200-1550* (New York: Longman, 2001).
21. J. E. Tyler, *The Alpine Passes: The Middle Ages (962-1250)* (Oxford: B. Blackwell, 1930).
22. Gauvard «Fear of Crime in Late Medieval France», pp. 1, 14, 23.
23. «Все пассажирские поезда будет контролировать милиция». *Московский комсомолец*, 16 февраля 2000.
24. Анастасия Береснева «Последнее китайское предупреждение». *Новые известия*, 31 мая 2006.
25. Gauvard «Fear of Crime in Late Medieval France», p. 1.
26. См.: Дмитрий Писаренко «Как избавиться от страха». *Аргументы и факты*, 22 марта 2006.
27. Об этих процессах см.: Владимир Шляпентох «Децентрализация страха в постсоветском обществе». *Независимая газета*, 13 марта 1997.
28. Vladimir Shlapentokh and Eric Shiraev, eds., *Fears in Post-Communist Societies: A Comparative Perspective* (New York: Palgrave, 2002).
29. Там же.
30. Shlapentokh and Shiraev, *Fears in Post-Communist Societies*; Richard Lotspech «Crime in the Transition Economies», *East-Asia* 47, no. 4 (1995): 555-89; Tania Frisby «The Rise of Organized Crime in Russia: Its Roots and Social Significance», *Europe-Asia Studies* 50, no. 1 (1998): 27-49. Более подробно об организованной преступности в России см.: Stephan Handelman, *Comrade Criminal* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1997); J. Leitzel, M. Alexeev, and C. Gaddy «Mafiosi and Matrioshki: Organized Crime and Russian Reform», *The Brookings Review* 13 (Winter 1995): 26-29; Vadim Volkov «Violent Entrepreneurship in Post-Communist Russia», *Europe-Asia Studies* 51, no. 5 (1999): 751-54; Anton Oleinki, *Organized Crime, Prison, and Post-Soviet Societies* (Burlington, Vt.: Ash-gate, 2003); David Satter, *Darkness at Dawn: The Rise of the Russian Criminal State* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003); Marc Galeotti, *Russian and Post-Soviet Organized Crimes* (Brookfield, Vt.: Ashgate, 2002).

31. См.: бюллетень «Левада-Центра», 29 декабря 2005.
32. См.: Дмитрий Слободянюк и др. «Смерть Ивана Кивилиди: несчастный случай или убийство?». *Известия*, 5 августа 1995.
33. Volkov, *Violent Entrepreneurs*; James Finckenauer, *The Threat of Russian Organized Crime* (Washington, D.C.: National Institute of Justice, 2001); Federico Varese, *The Russian Mafia: Private Protection in a New Market Economy* (Oxford: Oxford University Press, 2001).
34. Михаил Ламзов «Жигули на крови». *Аргументы и факты*, 11 сентября 2002.
35. В России ходили многочисленные слухи о связях Кремля с преступными организациями, и особенно в отношении Александра Коржакова, бывшего главы службы безопасности Ельцина, и «солнцевской группировки».
36. См. статью Владимира Васильева (заместителя министра внутренних дел) о влиянии криминальных структур (*Московские новости*, 4 января 1998). О Курске см. *Комсомольская правда*, 12 августа 1997; о Петербурге и Екатеринбурге см. *Московский комсомолец*, 12 июля 1997; о Сочи см. *Литературная газета*, 25 июня 1997.
37. Константин Симонов «Крупный бизнес может нас спасти от криминала». *Век*, 1 ноября 2002.
38. Volkov, *Violent Entrepreneurs*, p. 97.
39. William Webster, ed., *Russian Organized Crime and Corruption* (Washington, D.C.: The CSIS Press, 2000, p. 2).
40. Dean, *Crime in Medieval Europe*, p. 41.
41. J. C. Waquet, *Corruption: Ethics and Power in Florence, 1660-1770* (University Park: Pennsylvania State University Press, 1991, pp. 1-2).
42. W. Blockmans «Patronage, Brokerage and Corruption as Symptoms of Incipient State Formation in the Burgundian-Habsburg Netherlands», in *Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit*, ed. A. Maczak (Munich: R. Oldenbourg, 1988, pp. 117-26).
43. Davis, *Gift in Sixteenth-Century France*, pp. 4, 15, 142-51; F. Pollock and F. W. Maitland, *The History of English Law before the Time of Edward I*, 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1968, p. 557).
44. Janin, *Medieval Justice*, pp. 126-27. Этот автор также цитирует документ, поясняющий, как король Генрих II пытался справиться с проблемой коррупции при помощи указа о расследовании деятельности шерифов. Точно так же вели себя судьи во Франции в X и XI веках. Суд уже не подчинялся королю и нередко становился институтом, который землевладельцы использовали для ограбления простых людей. См.: Duby, *Feodalites*, p. 395; Dean, *Crime in Medieval Europe*, pp. 34-41.
45. Pollock and Maitland, *History of English Law*.

46. Dean, *Crime in Medieval Europe*, pp. 31-32.
47. Юрий Чайка «Коррупция понижает все уровни власти». *Новая газета*, 29 ноября 2006.
48. См. отчет «Transparency International», Global Corruption Barometer, Policy and Research Department, International Secretariat, 9 декабря 2005.
49. Здесь и ниже я использую данные московского фонда ИНДЕМ, проводившего опрос 2500 россиян в 1999, 2000, 2001 и 2005 гг. Этот проект, возглавляемый бывшим помощником Ельцина Георгием Сатаровым, был посвящен исследованию коррупции в России. Спонсором проекта выступал Всемирный банк, и результаты исследования были опубликованы в виде книги. См.: Георгий Сатаров, ред., *Диагностика: российская коррупция* (Москва: ИНДЕМ, 2002), www.anti-corr.ru; К. И. Головачинский и др., *Бизнес и коррупция: проблемы противодействия; итоговый отчет* (Москва: ИНДЕМ, 2004); Георгий Сатаров, *Диагностика российской коррупции 2005*, www.indem.ru/Russian.asp. Для дополнительной информации о проекте см. серию статей, озаглавленных «Власть и деньги». *Новая газета* (5 и 12 августа 2002); Георгий Сатаров «Отдельный разговор: Дело о \$400 миллиардах». *Новая газета*, 29 июля 2002; Сергей Валянский и Дмитрий Калужный «Нужна ли власти борьба с коррупцией». *Литературная газета*, август 2002; Владислав Воробьев «Центр ИНДЕМ – куда идем...». *Российская газета*, 29 июня 2002; Ирина Ринаева «Ни дня без взятки». *Московский комсомолец*, 22 мая 2002; Мария-Луиза Тирмастэ «Российской коррупции поставлен уникальный диагноз». *Коммерсант-дейли*, 22 мая 2002.
50. Transparency International, Global Corruption Barometer, 2005.
51. Игорь Коротков «Специальное расследование: черные дипломы». *Новая газета*, 24 апреля 2006.
52. Там же; Игорь Коротков «Место событий: дипломы пахнут порохом». *Новая газета*, 20 апреля 2006.
53. Georgii Satarov, *Corruption Process in Russia: Level, Structure, Trends* (Москва: ИНДЕМ, 2006), http://www.indem.ru/en/publicat/2005_diag_engV.htm.
54. См. несколько публикаций ВЦИОМ, *Мониторинг общественного мнения*, период 1994–2002; Satarov, *Corruption Process in Russia*.
55. Бюллетень «Левада-Центра», 5 мая 2006.
56. Екатерина Григорьева, Светлана Попова и Наталья Ратиани «Кулаком по середняку». *Известия*, 17 августа 2002.
57. См., например: воспоминания Сатарова о ельцинском периоде в статье «Предварительные итоги». *Независимая газета*, 1 ноября 2001; и его же «Маска для президента». *Московский комсомолец*, 2 января 2002.
58. Телевизионное интервью Путина 26 декабря 2000 г. (*Известия*, 27 декабря 2000); его интервью с издателям газеты *Известия*

- (4 апреля 2001); его интервью на ОРТ (7–8 февраля 2002, 21:00 московского времени); и особенно президентские послания российскому парламенту в апреле 2001 г. и апреле 2002 г. (*Известия*, 4 апреля 2001 и *Известия*, 19 апреля 2002).
59. Юлия Латынина «Крестные отцы российской рыбы». *Общая газета*, 5 марта 2001; Елена Дикун «Волошину подсадили большого специалиста». *Общая газета*, 8 февраля 2001.
60. См.: Norman Cantor, *Civilization of the Middle Ages* (New York: HarperCollins, 1993, p. 485).
61. «Последняя взятка в ГИБДД». *Санкт-Петербургские ведомости*, 7 июля 2006.
62. Интервью с редактором *Новой газеты* на *Эхо Москвы* (программа называлась «Особое мнение»), 4 августа 2006.
63. Сергей Авдеев «Генерала перевели в колонию». *Российская газета*, 2 августа 2006; Дмитрий Васильев «Стратегическая посадка». *Российская газета*, 2 августа 2006.
64. Наталья Алякринская «Пансков не выдержал следствия». *Московские новости*, 28 июля 2006.
65. Михаил Белый и Анна Семенова «Высшая школа взяток». *Новые известия*, 10 июля 2006.
66. Александр Богданов «На земле греют руки». *Труд*, 18 июля 2004.
67. Dean, *Crime in Medieval Europe*, p. 31.
68. Михаил Морозов «Воровали и будут воровать». *Трибуна РТ*, 11 декабря 2005.
69. В. Г. Соловьев «МУР настроен на борьбу с бандитизмом». *Советская Россия*, 22 февраля 2006.
70. Бюллетень «Левада-Центра», 15 февраля 2007.
71. Ирина Мандрик «Моя милиция меня не бережет». *Русский курьер*, 2 марта 2005; см. также: «Кого бережет моя милиция?». *Санкт-Петербургские новости*, 9 декабря 2005.
72. См.: Бюллетень ВЦИОМ, 7 апреля 2002.
73. Vladimir Shlapentokh, *Fear in Contemporary Society: Its Positive and Negative Effects* (New York: Palgrave, 2006).
74. См.: Ольга Боброва «Ищут пожарные, ищет милиция». *Новая газета*, 12 марта 2006.
75. Азер Эфендиев «С надеждой на знакомства». *Известия*, 23 августа 2002.
76. См. как в предыдущем примере: Борис Резник «Мафия и море». *Известия*, 18–20 августа 2002.
77. См. интервью Родионова «Deutsche Welle» (*Новое русское слово*), 24–25 августа 2002; Леонид Ивашов «Кавказская стратегия». *Советская Россия*, 8 августа 2002.
78. См.: Валерий Соловьев «Катастрофы бьют по власти: но только в России». *Век*, 2 августа 2002; Юлия Латынина «Плотина не выдержала бурного потока воровства». *Новая газета*, 12 августа 2002.

79. См.: Елена Короп «Касьяновский прорыв». *Известия*, 26 июля 2002.
80. Борислав Михайличенко «Ваничкин и двоечники». *Московские новости*, 19 августа 2002.

Глава 4

1. О наследии Джона Гэлбрайта см.: Jeffrey Madrich, «A Mind of His Own», *The New York Review of Books*, May 26, 2005.
2. См., например: И. Булев и Н. Брюховецкая «Теория и отечественная практика». *Менеджер*, 3, март 2002.
3. Gordon Tullock «The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft». *Western Economic Journal* (now *Economic Inquiry*) 5, no. 3 (1967): 224–32.
4. Anne Krueger, «The Political Economy of the Rent-Seeking Society», *American Economic Review* 64, no. 3 (1974): 291–303.
5. Более подробно о погоне за рентой см.: James Buchanan, Robert Tollison, and Gordon Tullock, eds., *Toward a Theory of the Rent Seeking Society* (College Station: Texas A&M University Press, 1980); William Mitchell and Michael Munger «Economic Models of Interests Groups: An Introductory Survey», *American Journal of Political Science* 35, no. 2 (1991): 512–46.
6. Robert Jackal «Crimes in the Suites», *Contemporary Sociology* 9, no. 3 (1980): 355.
7. См.: Вероника Чурсина «Куда пропал закон о коррупции». *Новая газета*, 7 декабря 2006.
8. См.: Norman Cantor, *Civilization of the Middle Ages* (New York: HarperCollins, 1993, p. 464).
9. М. Postan «The Rise of the Money Economy», *The Economic History Review* 14, no. 2 (1944): 123–34.
10. См.: Peter Spufford, *Money and Its Use in Medieval Europe* (New York: Cambridge University Press, 1988).
11. Henri Pirenne, *Economic and Social History of Medieval Europe* (New York: Harcourt, Brace, 1937, p. 168).
12. Aron Katseneliboigen «Color Markets in the Soviet Union», *Soviet Studies* 29, no. 1 (1977): 62–85.
13. Более подробно о роли денег и коррупции в советском обществе см.: Vladimir Shlapentokh, *Public and Private Life of the Soviet People* (New York: Oxford University Press, 1989), and his *A Normal Totalitarian Society* (Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2001); Alaina Lemon «“Your Eyes Are Green Like Dollars”: Counterfeit Cash, National Substance, Currency Apartheid in 1990s Russia», *Cultural Anthropology* 13, no. 1 (1998): 24.
14. См.: Vladimir Kontorovich and Vladimir Shlapentokh, *Organizational Innovation, the Carl Beck Papers* (Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1986).

15. См.: William Clark «Crime and Punishment in Soviet Officialdom, 1965–1990», *Europe-Asia Studies* 45, no. 2 (1993): 269.
16. См.: Galina Vishnevskaja, *Galina: A Russian Story*, translated from Russian by Guy Daniels (San Diego, Calif.: Harcourt Brace Jovanovich, 1984).
17. Luc Duhamel «Justice and Politics in Moscow, 1083–1986: Ambartsumyan's Case», *Euro-Asia* 52, no. 7 (2000): 1307–29.
18. См., например: Егор Гайдар, *Долгое время: Россия в мире; очерки экономической истории* (Москва: Дело, 2005).
19. Leon Aron: «Is Russia Really Lost», *The American Enterprise Institute for Public Policy Research*, January 1, 2000; см. также: Jeffry Klugman «The Psychology of Soviet Corruption, Undiscipline and Resistance to Reform», *Political Psychology* 7, no. 1 (1986): 67–82.
20. К. И. Головчинский и др., *Бизнес и коррупция: проблемы противодействия; итоговый отчет* (Москва: ИНДЕМ, 2004).
21. Georgii Satarov, *Corruption Process in Russia: Level, Structure, Trends* (Москва: ИНДЕМ, 2006), see www.indem.ru/en/publicat/2005diag_engV.htm.
22. См. индекс оценки коррупции 2002 «Transparency International» (доступен на www.transparency.org).
23. Отдел расследований, «Глава – всему хлеб». *Независимая газета*, 23 апреля 2006.
24. «Анатолий Чубайс стремится». *Независимая газета*, 13 сентября 1997.
25. См.: Петр Суражский «Черная пятница ОНЕКСИМбанка». *Сегодня*, 12 июля 1997; Ульян Керзонов «Россия, рынок и Чубайс». *Независимая газета*, 20 ноября 1997; «Анатолий Чубайс стремится». *Независимая газета*.
26. Юлия Латынина «Конец легенды». *Известия*, 15 июля 1997.
27. Александр Хинштейн «Шеф президентского протокола... и другие официальные лица». *Московский комсомолец*, 9 декабря 1997.
28. «Черномырдин имеет состояние в 5 миллиардов долларов?». *Известия*, 1 апреля 1997.
29. Экономический раздел, «Кассовый аппарат». *Новая газета*, 2 марта 2005.
30. Борис Вишневский «Медведи завидуют Медведеву». *Новая газета*, 5 марта 2006.
31. Анна Лебедева «Генерал Казанцев привлекает свою жену». *Новая газета*, 19 февраля 2006; Анна Лебедева «Великий мясокомбинатор». *Новая газета*, 19 июля 2006.
32. См. протокол закрытого совещания Совета безопасности в Государственной думе. *Новая газета*, 29 июля 2002.
33. Юрий Щекочихин «Прокуратура для мебели». *Новая газета*, 29 июля 2002.
34. Российский телеканал РТВ, «Расследование», 2 сентября 2006.

35. Андрей Угланов, например, писал, что россияне должны быть благодарны олигархам, даже если они не «ангелы божьи», просто потому, что они являются гражданами России и не дали иностранцам завладеть государственной собственностью. Аккумуляция российских денег не является большой проблемой, потому что «огромные деньги, даже вывезенные за рубеж, все равно имеют значительный шанс вернуться на родину и работать на нашу экономику» (см.: Андрей Угланов «Большая кремлевская нефть». *Аргументы и факты*, 24 июля 2002). Другой журналист, Юлия Латынина, считала необходимым смягчить образ Березовского, похвалив его управленческие способности на посту главы «Аэрофлота» и отбросив обвинения в присвоении денег этой бывшей государственной компании (см.: Юлия Латынина «Правители и заложники». *Новая газета*, 24 июня 2002).
36. См., например: «Движение вперед». *Известия*, 24 июля 2002; Кирсан Илюмжинов «Обещаешь, выполняй». *Известия*, 28 июня 2002.
37. Guy Fourquin, *Lordship and Feudalism in the Middle Ages* (London: G. Allen & Unwin, 1976).
38. См.: Ольга Крыштановская, *Анатомия российской элиты* (Москва: Захаров, 2005).
39. См. описание залогового аукциона в пользу Авена в материале «Коррупция». *Московский комсомолец*, 17 июля 1997. Статья прямо обвиняет Анатолия Чубайса и его подчиненных в фальсификации аукциона в пользу Авена, главы финансовой империи «Альфа».
40. Юлия Латынина «Михаил Ходорковский: химия и жизнь». *Совершенно секретно*, 10 августа 1999.
41. См. биографию Ходорковского, доступную на сайте, www.mediapoliis.com.ru.
42. В 1996 г., накануне президентских выборов, я брал интервью у Ходорковского в его личном кабинете в здании банка, который был похож на крепость (его охраняли солдаты с пулеметами). Я предложил молодому олигарху сыграть в игру, и он согласился. Я взял на себя роль бесцеремонного американского сенатора и задавал ему острые вопросы, как на судебном процессе. «Мистер Ходорковский, — первым делом спросил я, — вы, конечно, знаете, кто такой Билл Гейтс и что он сделал для американской экономики?» «Разумеется», — ответил он. «Тогда, — продолжил я, — расскажите о вашем вкладе в российскую экономику». Его ответ прозвучал так: «Я создаю инфраструктуру для ускорения российской экономики». — «Хорошо, и сколько времени вам понадобится, чтобы сделать свою работу и увидеть процветающую российскую экономику?» — «Примерно 10–15 лет». — «Знаете, мистер Ходорковский, большевики просили не более 10 лет, Горбачев и того меньше, а молодые реформаторы всего 500 дней.

- Почему ваши сограждане должны верить вашим обещаниям?» Ответа я не получил, и Ходорковский решил прекратить игру и вернуться к традиционной форме интервью.
43. Paul Khlebnikov, *The Godfather of the Kremlin: Boris Berezovsky and the Looting of Russia* (New York: Harcourt Trade Publishers, 2000).
 44. Рой Медведев «Конец олигархата, или чего боятся богатые в России». *Вечерняя Москва*, 18 сентября 2003.
 45. Михаил Ходорковский «Сержантов хватит на всех». *Московские новости*, 27 июля 2003.
 46. Екатерина Григорьева «Путин в клеточку». *Известия*, 26 июня 2003.
 47. См.: Сергей Марков «Правила олигархов». *Московский комсомолец*, 4 февраля 2003; Андрей Пионтковский «Еще один год великого перелома». *Новая газета*, 3 февраля 2003.
 48. Григорий Явлинский «Униженные люди не создадут экономику 21 века». *Новая газета*, 11 ноября 2002.
 49. Размышления известного российского экономиста см.: Николай Петраков, «Блеск и нищета олигархов». *Литературная газета*, 26 ноября 2002.
 50. Aristotle *The Politics and the Constitution of Athens* (Cambridge: Cambridge University Press, 1884, p. 57).
 51. «Станет ли Потанин президентом . . .». *Независимая газета*, 29 июля 1997.
 52. Paul Khlebnikov «The Godfather of the Kremlin». *Forbes*, December 1996.
 53. Борис Туполев «В связи с переходом на другую работу». *Коммерсант-дейли*, 6 ноября 1997.
 54. Как писал преподаватель с Чукотки в газете «Известия», если мы поставим разных олигархов во главе 89 регионов, а еще одного посадим в Кремле, жизнь в России улучшится (С. Возчиков «90-й олигарх для Кремля». *Известия*, 16 августа 2003).
 55. Ольга Боброва «Нефтяники качают права». *Новая газета*, 1 ноября 2006.
 56. Ольга Боброва «Сибиряки освобождают города». *Новая газета*, 8 ноября 2006.
 57. Игорь Корольков «Губернатор и Винни-Пух». *Московские новости*, 9 июля 2001; «Уволен собеседник Путина». *Коммерсант-дейли*, 3 июля 2002; Сергей Алехин, Дмитрий Дорошенко и Андрей Мурашев «Куда пропал губернатор Бутов». *Российская газета*, 29 июня 2002.
 58. См. письмо Александра Лебеда президенту, опубликованное в *Независимой газете*, 4 апреля 2002.
 59. Юрий Чувашев «Белый конь для Анатолия Быкова». *Независимая газета*, 24 июня 2002.
 60. Российский телеканал НТВ, «Новости», 2 сентября 2002.

61. См.: Михаил Бергер «Битва за «Связьнефть»: Ватерлоо или Аустерлиц правительства?». *Известия*, 31 июля 1997; «О своей отставке Анатолий Чубайс объявит сам». *Известия*, 24 декабря 1997.
62. См. интервью Немцова газете *Московский комсомолец* (19 августа 1997 и 20 декабря 1997) и газете *Известия* (24 декабря, 1997).
63. Ходорковский «Сержантов хватит на всех».
64. См. эту необычную полемику в статье Юлии Латыниной «Ходоки у Путина». *Новая газета*, 24 февраля 2003.
65. См.: Юлия Латынина «Если в России передел собственности – это к выборам». *Новая газета*, 15 мая 2003; см. также: Ольга Крыштановская «Оперативники плохие стратеги». *Московские новости*, 14 июля 2003.
66. See Khlebnikov, *Godfather of the Kremlin*.
67. Ходорковский «Сержантов хватит на всех».
68. Анна Рудницкая «Он готов отсидеть, но не уехать». *Московские новости*, 14 июля 2003.
69. См.: Мария Игнатова «Акции «ЮКОСа» снова растут». *Известия*, 7 октября 2003.
70. По данным июльского опроса ВЦИОМ, на вопрос: «В чем причина уголовного преследования руководителей «ЮКОСа»? – 6% респондентов ответили: «Ограничение иностранного капитала в России». Обсуждения на разных российских интернет-сайтах выявили всплеск антисемитизма (см., например, Victor Ivanov «Jew Huner», *The Exile*, November 3, 2006).
71. Александр Архангельский «Не бачу логики». *Известия*, 12 августа 2003.
72. Мария Кактурская «Смоленский продал империю на три буквы». *Аргументы и факты*, 6 августа 2003.
73. См. редакторскую статью: «Pedaling Backward», *Washington Post*, October 28, 2003.
74. См.: Steven Weisman «Powell Displays Tough U.S. Stance toward Russians». *New York Times*, January 27, 2004.
75. Полный текст речи Путина перед студентами Колумбийского университета см.: www.gzt.ru (доступ 28 сентября 2003); см. также: «Putin Turns On the Charm to Ease Bankers' Worries», *Financial Times* (UK), October 31, 2003.
76. См., например, речь Путина в Малайзии в октябре 2005 (доступно на www.kremlin.ru/text/appears/2003/10/54103.html).
77. Лариса Кафтан «Кого олигархи готовят в президенты». *Комсомольская правда*, 20 апреля 2006.
78. См. описание этой борьбы в этнических терминах Владимиром Виноградовым в его интервью *Независимой газете*, 25 декабря 1997.
79. Более подробно о борьбе альянса Березовского и Гусинского (в прошлом заклятых врагов) и группы Потанина см.: Денис Ба-

- бич «Приватизация как зеркало российской благоглупости». *Независимая газета*, 15 августа 1997.
80. Однако некоторые другие российские политики и журналисты в 1997 г. признавали, что тотальная война между олигархами может угрожать существованию российского государства. В конфликт были вовлечены почти все политические фигуры страны (см.: Виталий Третьяков «1997-й настолько плох, что этим и хорош». *Независимая газета*, 31 декабря 1997).
81. О борьбе за эту компанию см.: Дмитрий Травин «1997: Вкус крови», <http://idclo.ru/376/20.html> (доступ 25 февраля 2007); Джордж Сорос «Березовский: Путин. Запад». *Московские новости*, 28 февраля 2000.
82. См.: Ольга Крыштановская «В чьих руках собственность». *Аргументы и факты*, 12 апреля 1995. Для некоторых наблюдателей из националистического и коммунистического лагерей эти конфликты носили явно этнический характер. Они утверждали, к примеру, что еврейская коалиция банкиров, в которую входили Березовский, Гусинский и Смоленский, смертельно враждовала с не менее могущественной коалицией русских банкиров, которую возглавлял Потанин.
83. См.: Юлия Калинина «Союз из последних». *Московский комсомолец*, 10 января 2006.
84. Олигархи явно против политиков, способных навести строгий порядок в стране. В то же время российские олигархи предпочитают порядок, чтобы обезопасить свои интересы. Похоже, олигархов устроил бы такой порядок, в котором они являлись бы исключением.
85. Ходорковский «Сержантов хватит на всех».
86. А. И. Вольский и Л. Алексеева «Открытое письмо общественных организаций российских предпринимателей и институтов гражданского общества президенту В. В. Путину». *Известия*, 25 июля 2003; см. также: Valeriia Korchagina and Caroline McGregor «Oligarchs to Appeal to Putin». *Moscow Times*, July, 10 2003.
87. См.: Екатерина Гуркина «Бизнес-сообщество обратилось к президенту». www.gazeta.ru/2003/10/25/biznessoobse.shtml (доступ 25 октября 2003).
88. Павел Вошанов «Тайный заговор олигархов – хит политического сезона». *Новая газета*, 21 июля 2003.
89. См.: Александр Гольц «Контрреволюционная ситуация». *Еженедельный журнал*, 18 августа 2003.
90. Медведев «Конец олигархата, или Чего боятся богатые в России».
91. См.: Максим Соколов «Выход из гетто». *Известия*, 2 октября 2003; Valeriia Korchagina «The Elite Demand Some Answers». *Moscow Times*, 27 октября 2003.

1. Josiah Ober, *Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critic of Popular Rule* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1998).
2. Gilbert Geis and Robert Meier, *White Collar Crime* (New York-Free Press, 1977).
3. Deirdre McCloskey, *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce* (Chicago: University of Chicago Press, 2006).
4. Maurice Punch, «Suite Violence: Why Managers Murder and Corporations Kill», *Crime and Social Change* 33, no. 3 (2000): 243-80.
5. Юлий Дубов, *Большая пайка* (Москва: Вагриус, 2002); Юлия Латынина, *Стальной король* (Москва: Олма-Пресс, Экслибрис, 2002); Юлия Латынина, *Охота на изюбря* (Москва: Эксмо, 2003).
6. Theodore Dreiser, *The Financier* (Cleveland, Ohio: World Publishing, 1967); Theodore Dreiser, *The Titan* (Cleveland, Ohio: World Publishing, 1925); Theodore Dreiser, *The Stoic* (Cleveland, Ohio: World Publishing, 1952); F. Scott Fitzgerald, *The Great Gatsby* (New York: Columbia University Press, 1999); Tom Wolfe, *The Bonfire of the Vanities* (New York: Farrar, Straus, 1987); Tom Wolfe, *A Man in Full* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1998).
7. Выдающийся советский экономист Александр Матлин выражал преобладающие среди его коллег взгляды, утверждая, что государству нельзя доверять управление экономикой, потому что сочетание политической и экономической власти неизбежно приведет к монополии и войне государства против собственного народа (*Известия*, 21 сентября 1991).
8. См.: Лариса Пияшева «Контурсы радикальной социальной реформы» в книге: *Постигжение*, ред. Фридрих Бородин и др. (Москва: Прогресс, 1989, стр. 266-267, 271).
9. См.: Лариса Пияшева «В корзинке и кошелке». *Литературная газета*, 5 сентября 1990; См.: Лариса Пияшева «Сон о трех указах». *Литературная газета*, 13 марта 1991.
10. Владимир Перекрест «За что сидит Ходорковский». *Известия*, 9 июня 2006.
11. Егор Гайдар «Революция осталась в 20 веке, реформы продолжают в 21». *Известия*, 17 января 2001; Егор Гайдар «Свою повинность отбыл». *Московские новости*, 23 июля 2001.
12. Коррупция, сказал Чубайс, очень мало зависит от властей. Она зависит от народа (см. интервью Анатолия Чубайса газете *Московские новости*, 29 июля 2002; см. также: Лев Гудков «О негативной идентификации». *Мониторинг общественного мнения*, № 5, 2000).
13. См.: Boris Kagarlitsky «“Political Capitalism” and Corruption in Russia» *Links*, May/August 2002; Виктор Полтерович «Фак-

- торы коррупции». *Экономика и математические методы* 34, № 3 (1998): 30–39.
14. См. интервью Олега Дерипаски в ВВП-бюллетене *Время Евразии*, 2, 2006.
 15. Виктор Полтерович «Институциональные ловушки и экономические реформы». *Экономика и математические методы* 2, по. 35 (1999): 3–19.
 16. Последние дебаты о влиянии больших денег на демократию, см.: William Domhoff, *Who Rules America? Power and Politics* (Boston: McGraw-Hill, 2002); Thomas Rye, *Who Is Running America? The Bush Restoration* (Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2002).
 17. Robert Dahl, *On Political Equality* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2006); см. также: Stein Ringen «Going Soft». *Times Literary Supplement*, November 3, 2006.
 18. Лев Гудков «О негативной идентификации». *Мониторинг общественного мнения*, ВЦИОМ 5 № 49 (2000): 25–34.
 19. Там же.
 20. Там же.
 21. Борис Дубин «Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии современной России». *Мониторинг общественного мнения*, ВЦИОМ 6, № 50 (2000): 35–44.
 22. Признавая это несоответствие, некоторые «либерально настроенные» руководители системы образования предлагали учителям литературы по-новому интерпретировать русскую классику. Так, например, при изучении Радищева они советовали не задерживаться на обличительных речах писателя, которого Екатерина Великая отправила в ссылку и который говорил о постыдном неравенстве и о необходимости революции. Те же деятели ратовали за «ограниченное» ознакомление с творчеством Горького и Маяковского и хотели исключить из программы поэму Блока «Двенадцать» как оду революции (см. интервью Бенедикта Сарнова газете *Известия*, 24 октября 1997).
 23. Гайдар в своих многочисленных книгах, посвященных социальным проблемам современной России, не касался социального неравенства. См. его работы: *Государство и эволюция* (Москва: Евразия, 1995); *Дни поражений и побед* (Москва: Вагриус, 1996); *Аномалия экономического роста* (Москва: Евразия, 1997); *Долгое время: Россия в мире* (Москва: Дело, 2005); *Гибель империи: уроки для современной России* (Москва: РОССПЕН, 2006).
 24. Гайдар «Революция осталась в 20 веке»; Гайдар «Свою повинность отбыл».
 25. Дело Павла Бородин, коррумпированного чиновника, который управлял собственностью Кремля и был близок к Ельцину и Путину, наглядно демонстрирует отношение российских элит к коррупции. Бородин был арестован в Нью-Йорке в конце

2000 г. по запросу швейцарского суда, обвинявшего его в воровстве государственных средств и отмывании их на территории Швейцарии. Несколько месяцев он просидел в тюрьме Нью-Йорка, а затем был приговорен к штрафу швейцарским судом. Из-за отказа Генеральной прокуратуры сотрудничать по этому делу швейцарский суд не смог вынести более суровый приговор. Российская элита, выдающиеся деятели культуры и известные либералы, такие как поэт Андрей Вознесенский, театральные режиссеры Олег Табаков и Галина Волчек, а также популярный тележурналист Александр Любимов, не проконсультировавшись с бизнесменами и чиновниками, почти безоговорочно поддержали Бородину и отказались признать его участие в преступлении.

26. См. интервью Анатолия Чубайса газете *Московские новости*, 29 июля 2002. Более подробно о взглядах Чубайса на социальное равенство см.: Владимир Шляпентох, «Социальное равенство и справедливость в России и Америке». *Социологический журнал*, № 3–4, 1998.
27. См., например: А. Н. Яковлев *Горькая чаша* (Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1994). В начале книги автор касается проблем социального неравенства, но только в связи с Французской революцией, и ограничивается обсуждением политических аспектов проблемы (стр. 42). Далее эта проблема появляется лишь в контексте поверхностной авторской критики *уровниловки*, которую Яковлев, по всей видимости, отождествляет с социальным равенством и которую он обвиняет в «большевизме», ввергшем большинство населения в глубокую бедность (стр. 281).
28. Алексей Улюкаев «Не слушали Гайдара – получили кризис». *Известия*, 21 августа 1998. Главный редактор либерального еженедельника *Moscow News* Виктор Лошак вслед за Улюкаевым обвиняет россиян в том, что они склонны во всем винить других, чтобы оправдать свое неумение трудиться (Виктор Лошак «Не плюй в колодец». *Московские новости*, 15 сентября 1998). В другой статье бывший пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков обрушивается на народ за его ограниченное видение прошлого как историческую мифологию с образами героев и злодеев. Он глубокомысленно замечает, что людей можно уговорить и напугать, но думать, что народ имеет историческую память, также наивно, как ожидать от деревенского гармониста пассажа из произведений Шнитке (трудный для понимания композитор постмодернист) (Вячеслав Костиков «Соблазны и вызовы национальной диктатуры». *Московские новости*, 8 сентября 1998).
29. Кох не стеснялся в своей оценке русского народа, утверждая, что во всех бесконечных несчастьях люди виноваты сами. Никто их не оккупировал и не поработал. Они сами доносили друг на друга (в советские времена); никто не сгонял их в тюрьмы,

- и они сами расстреливали друг друга. Он утверждал, что люди превратились в «хомо советикус», которые не хотят работать, все время болтают и жаждут хлеба и зрелищ. См. текст его необычно откровенной речи в статье Александра Минкина «Власть и совесть». *Новая газета*, 2 ноября 1998.
30. См.: Борис Ельцин, *Записки президента* (Москва: Огонек, 1994).
31. Кроме Гайдара и его подчиненных из Института экономики переходного периода (см., например: Виктор Мау, «Политическая экономия популизма». *Независимая газета*, 28 марта 1998; Алексей Илларионов «Только экономика обеспечит людям достойную жизнь». *Известия*, 16 ноября 1995), либертианские идеи поддерживались также Ларисой Пияшевой (см. ее статью «Жизнь взаимы». *Известия*, 25 сентября 1990).
32. Борис Немцов «Судьба России». *Независимая газета*, 17 марта 1998; см. интервью Немцова газете *Комсомольская правда*, 29 июля 1997, и журналу *Сегодня*, 30 июля 1997; Андрей Денисов «Короткое замыкание». *Московские новости*, 3 февраля 1998.
33. Наталья Ростова «Гламур как национальная идея». *Новая газета*, 17 мая 2006.
34. В 1990 г. Пияшева писала, что не может понять, почему обогащение нового класса предпринимателей должно привести к ухудшению материального положения групп с низкими доходами. Вероятно, Пияшева полагала, что уровень жизни «слоя нуждающихся» автоматически вырастет с приходом рыночной экономики (Лариса Пияшева «Жизнь на заемное время». *Известия*, 25 сентября 1990).
35. См. интервью Александра Яковлева *Независимой газете*, 10 июня 1998.
36. См. следующие работы Владимира Шляпентоха: «Four Russias», *The Tocqueville Review* 19, no. 1 (1998): 9-34; «Russian Patience: A Reasonable Behavior and a Social Strategy», *Archives Europeene de Sociologie (European Journal of Sociology)* 36, no. 2 (1995): 247-80; and «Social Inequality in Post Communist Russia: The Attitudes of the Political Elite and the Masses (1991-1998)», *Europe-Asia Studies* 51, no. 7 (1999): 1167-81.
37. Более подробно о глубинной ревности, которую чувствует российская элита по отношению к Западу, см.: Vladimir Shlapentokh «Foreign Countries in the Russian Mind». *Communist and Post-Communist Studies* 31, no. 3 (1998): 119-216.
38. Наталья Ростова «Гламур как национальная идея». *Новая газета*, 17 мая 2006.
39. См., например, статью о необыкновенно роскошной свадьбе дочери «российского Синатры» Иосифа Кобзона, финансового магната, певца и политика, известного своими связями с мафией (Виталий Бродский «800 знатных гостей гуляли на свадьбе Кобзона». *Комсомольская правда*, 8 сентября 1998).

40. См.: Ростова «Гламур как национальная идея».
41. Вячеслав Костиков «Откачка жира». *Аргументы и факты*, 2 июня 2006.
42. Божена Рынска «Почем любовницы олигархов». *Известия, Неделя*, 1 сентября 2006.
43. Мила Кузина «Как отдыхают олигархи». *Московский комсомолец*, 16 ноября 2006.
44. Дмитрий Логинов и Алина Травина «Интим с привкусом никеля». *Московские новости*, 25 января 2007.
45. Steven Lee Myers «Russia's Extended Winter Holidays: A Binge of Drinking and Spending», *New York Times*, January 8, 2006.
46. Ирина Лыщичкая «Обручальные кольца охраны». *Московский комсомолец*, 20 марта 2006.
47. После финансовой катастрофы 17 августа 1998 г. журналист из либеральной российской газеты *Московские новости* осмелился предположить, что «новые русские» должны склоняться к «добровольному самоограничению» в потреблении, ввести мораторий на праздники и роскошь и прекратить разгульные пирушки (Дмитрий Радышевский «Самоограничение как программа-минимум». *Московские новости*, 27 сентября 1998).

Глава 6

1. См. экономический раздел. «Кассовый аппарат». *Новая газета*, 2 марта 2005; Юлия Калинина «Человек с огоньком». *Московский комсомолец*, 22 июля 2005; «Век XXI: Идеологические заметки». *Красная Звезда*, 1 июня 2005.
2. Philippe Aries and George Dubuis, eds., *L'histoire de la vie privée* (Paris: Seuil, 1985, pp. 405-6).
3. Martin Wolfe «French Views on Wealth and Taxes in the Middle Ages to the Old Regime», *The Journal of Economic History* 26, no. 4 (1966): 467, 470; John Heineman, *Royal Taxes in the Fourteenth Century France: The Development of War Financing, 1322-1356* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1971).
4. Norman Cantor, *Civilization of the Middle Ages* (New York: HarperCollins, 1993, p. 266).
5. Guy Fourquin, *Lordship and Feudalism in the Middle Ages* (London: G. Allen & Unwin, 1976, p. 25).
6. См.: Wolfe «French Views on Wealth and Taxes», p. 470.
7. Василий Ключевский, *Сочинения в девяти томах*, том 2 (Москва: Мысль, 1988, стр. 15–16); см. также: Сергей Соловьев, *История России с древних времен* (Санкт-Петербург: Товарищество «Общественная польза», 1902).
8. Сергей Платонов, *Лекции по русской истории* (Москва: Высшая школа, 1993, стр. 160).

9. Утверждение Броделя см.: Павел Лукин, *Народные представления о государственной власти в России XVII века* (Москва: Наука, 2000, стр. 294).
10. У Сталина перед смертью была дюжина роскошных загородных домов. Каждый дом находился в постоянной готовности, ожидая внезапного приезда Сталина, хотя в некоторых он так ни разу и не появился (см.: Оксана Герасимова «Скромное обаяние генералиссимуса». *Московский комсомолец*, 4 сентября 2006).
11. Российская телевизионная программа «Время», ОРТ, 4 января 2000.
12. Роскошный образ жизни, обещанный Путиным Ельцину, контрастировал со скромным содержанием, которое назначил Ельцин Горбачеву. Униженный Ельциным, Горбачев был буквально выдворен из дома на следующий день после отставки (см.: Елена Афанасьева «Кремлевская авоська». *Новая газета*, 10 января 2000; Игорь Домников «Как провожают демократы: страна была скупа, расставаясь с Горбачевым». *Новая газета*, 10 января 2000).
13. Две статьи в российской прессе предсказывали огромный успех его фирмы, поскольку, помимо всего прочего, у него была надежная «крыша», защищавшая от рэкета (см.: «Под крышей Бориса Николаевича: тепло и чисто». *Московский комсомолец*, 11 августа 1995; «Кремль теперь очень прибыльное место». *Комсомольская правда*, 15 августа 1995).
14. Он обладал огромной властью и влиянием на президента, такой власти никогда не было у людей, прежде занимавших подобную должность, например у печально известного генерала Власика, который был начальником охраны Сталина. По некоторым оценкам, Коржаков занимал пятое место в списке самых влиятельных российских политиков; см.: Александр Коржаков, *Борис Ельцин: от рассвета до заката* (Москва: Интербук, 1997).
15. См.: Aron Leon, *Yeltsin: A Revolutionary Life* (New York: Thomas Dunne Books/St. Martin's Press, 2000); Liliia Shevtsova, *Yeltsin's Russia: Myths and Reality* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999); Vladimir Solovyov and Elena Klepikova, *Boris Yeltsin: A Political Biography* (New York: Putnam, 1992); George W. Breslauer, *Gorbachev and Yeltsin as Leaders* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).
16. Виталий Третьяков «Инстинкт власти». *Московские новости*, 2 марта 2006.
17. Дарья Польнова и Дмитрий Шкрылев «Яхты для президента». *Новая газета*, 30 мая (продолжение 2 июня) 2005.
18. Юлия Латынина «Аукцион как спецоперация». *Новая газета*, 23 декабря 2004; интервью Виктора Геращенко *Новой газете*, 27 декабря 2004; Юлия Латынина «Если в России передел собственности – это к выборам». *Новая газета*, 15 мая 2003.

19. Garry Kasparov «Say It in Russian: "Caveat Emptor"» *The Wall Street Journal*, December 21, 2004.
20. Интервью с Сергеем Доренко на радиостанции *Эхо Москвы*, 29 августа 2005.
21. Станислав Белковский «Уход Путина или мирный переворот как альтернатива кровавой революции». *Завтра*, 20 мая 2005.
22. Андрей Илларионов «Другая страна». *Коммерсант-дейли*, 23 января 2006.
23. «Кассовый аппарат», *Новая газета*.
24. Там же; Andrew Kramer and Steven Lee Myers «The Business of Russia: Putin's Long Reach; Workers' Paradise Is Rebranded as Kremlin Inc.», *New York Times*, April 24, 2006.
25. Андрей Илларионов «Август-2006». *Новая газета*, 2 августа 2006.
26. О любви Ниязова к богатству см.: интервью Егора Лигачева газете *Московский комсомолец*, 12 июля 2005.
27. Латынина «Аукцион как спецоперация»; Латынина «Ожидается падение ВП». *Новая газета*, 26 июня 2006.

Глава 7

1. Nicholas V. Riasanovsky and Mark D. Steinberg, *A History of Russia*, 7th ed. (Oxford: Oxford University Press, 2004).
2. Аман Тулеев, популист из Кузбасса, писал, что региональный изоляционизм воспринимается местными властями, политическими лидерами и промышленниками как единственное средство спасения и защиты своих интересов (Аман Тулеев «Не верьте в острова процветания». *Правда*, 22 ноября 1992).
3. Алексей Титков «Умрет ли Москва». *Независимая газета*, 10 июля 1993.
4. См.: Vladimir Shlapentokh, Roman Levita, and Mikhail Loiberg, *From Submission to Rebellion: The Province versus the Center in Russia* (Boulder, Colo.: Westview, 1997).
5. Там же.
6. Lev Freinkman and Stepan Titov, *The Transformation of the Fiscal System in Russia: The Case of Iaroslavl* (Washington, D.C.: World Bank, 1994, pp. 6, 17); Радик Батыршин «Налоговая война центра и регионов». *Независимая газета*, 1 сентября 1993.
7. М. Сабиров «Мы вносим налоги в федеральную казну». *Независимая газета*, 10 октября 1993.
8. Госкомстат, *Социальное положение регионов Российской Федерации* (Москва: Статистика России, 1994, стр. 578-80); см.: Михаил Николаев «Возврата к прошлому нет». *Российская газета*, 8 декабря 1992.
9. См.: Сергей Глазьев *Экономика и политика: эпизоды борьбы* (Москва: Гнозис, 1994, стр. 240-41); Владимир Тодрес «Сибирь воюет за права экспорта». *Независимая газета*, 14 января 1993.

10. Более подробную информацию об Ассоциации восточных территорий см.: Л. Вардомский «Проблемы и противоречия регионального развития России» в книге: *Россия и СНГ: Дезинтеграционные и интеграционные процессы*, ред. Г. Костинский (Москва: Институт географии, 1995, стр. 55). Более подробную информацию об организации «Великая Волга» см.: Алексей Чиркин «Поволжская республика: планы и реальность». *Мое*, 11 августа 1993.
11. См.: Артем Тарасов «Почему каждый третий красноярец голодовал за Жириновского». *Известия*, 18 декабря 1993.
12. Александр Афанасьев «Губернатор Сахалина». *Комсомольская правда*, 23 октября 1992.
13. Николай Троицкий «Броуновское движение в России». *Мое*, 21 июля 1993.
14. Проект был отвергнут метными советами (Радик Батыршин «Край и области требуют себе права республик». *Независимая газета*, 20 марта 1993).
15. См.: Сергей Гутник «Сибири не по пути даже с «демократической Россией». *Сибирская газета*, № 8, 1993.
16. Сергей Алексеев «Провинция хочет свободы». *Известия*, 9 июля 1993.
17. В общенациональном опросе, проведенном Агентством региональных политических исследований (АРПИ) в октябре 1999 г., респондентов просили назвать самых коррумпированных политиков в стране. Лужков в этом списке оказался четвертым после Бориса Ельцина, Бориса Березовского и Анатолия Чубайса (А. Милехин и Н. Попов, *Общественное мнение России*. Москва: АРПИ, 2000, стр. 673).
18. См.: Timothy Harper, *Moscow Madness: Crime, Corruption, and One Man's Pursuit of Profit in the New Russia* (New York: McGraw-Hill, 1999); Peter Reddaway and Dmitri Glinski, *The Tragedy of Russia's Reforms* (Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2000, pp. 469-71, 483).
19. Так действовали многие губернаторы. В 2000–2001 гг. слияние политической власти и богатства стало очевидным, когда известный олигарх Роман Абрамович был избран губернатором Чукотки (Роман Оршанский «Чукотские триллионы». *Московский комсомолец*, 15 мая 2001), а еще один олигарх, Александр Хлопонин, стал губернатором Таймыра (Валерий Коновалов «Начальник Таймыра». *Известия*, 18 мая 2001).
20. См. интервью Николая Травкина в *Литературной газете*, 11 ноября 1992.
21. А. Угланов «Развалится ли Россия». *Аргументы и факты*, 13 января 1993.
22. См.: Леонид Шебаршин «Вопрос о границах – это вопрос о власти». *Огонек*, 25 июня 1993.
23. Андраник Мигранян «Битва на рельсах в тупике». *Литературная газета*, 28 октября 1992.

24. Известный консервативный политик Юрий Скоков предположил, что русские люди утратили представление о своем месте в истории. Они не чувствуют ответственности за страну и заняты личными проблемами. Он также сожалел об усилении политической тенденции к образованию закрытых региональных анклавов (Юрий Скоков «Страна у критической черты». *Независимая газета*, 22 апреля 1995); см. также Vladimir Shlapentokh «Russia: Privatization and Illegalization of Social and Political Life», *Washington Quarterly* 19, no. 1 (1996): 65-85; Vladimir Shlapentokh, «Russian Patience: A Reasonable Behavior and a Social Strategy», *Archives Europeene de Sociologie* (European Journal of Sociology) 36, no. 2 (1995): 247-80.
25. Vox Populi «Наиболее популярные политики в России в ноябре 1993». *Независимая газета*, 12 января 1994.
26. ВЦИОМ, *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень*, № 1–6, 1994.
27. См., например: Юрий Левада, *От мнений к пониманию* (Москва: ВЦИОМ, 2000); см. также: <http://www.medialaw.ru/publications/books/war/1-4.html> (доступ 8 января 2007).
28. Наоборот, согласно данным ВЦИОМ, 74 % были против сохранения Чечни в составе России (Бюллетень ВЦИОМ, апрель 1995).
29. Примеры заголовков в местной прессе в январе 1995 г.: «Сегодня кровь в Чечне, завтра в Брянске»; «Если у вас есть власть, вам не нужны мозги»; «Марш на Чечню – последний марш» (см.: Николай Петров «Регионы не безмолвствуют». *Независимая газета*, 20 января 1995).
30. См.: Vladimir Shlapentokh «Moscow's Values: Masses and the Elite», in *Nation Building and Common Values in Russia*, ed. P. Kolst (Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2003, pp. 217-38).

Глава 8

327

1. Robert Fossier, ed., *The Cambridge Illustrated History of the Middle Ages (350-950)* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990, p. 422).
2. Кира Латухина «По губернаторам ударила вертикаль». *Ведомости*, 11 августа 2006.
3. См.: Станислав Белковский «После трагедии». *Завтра*, 24 сентября 2004.
4. Александр Севастьянов «Только партия». *Литературная газета*, 31 декабря 2005.
5. Сергей Сурженко, Лилия Майкова и Алла Барахова «Кремль предложил Хазрету Совмену доработать до отставки». *Коммерсант-дейли*, 18 апреля 2006.
6. Севастьянов «Только партия».

7. Там же.
8. Александр Бугай «Особые отношения: новые реалии». *Красная Звезда*, 3 ноября 2005; Елена Руднева, Светлана Иванова и Анастасия Корня «Суверенитет за НДПИ». *Ведомости*, 28 октября 2005.
9. Вера Постнова «Татарстан в объятьях ваххабизма». *Независимая газета*, 30 ноября 2004.
10. Светлана Александрова «Это нужно не только Татарстану, но и всей России». *Газета*, 28 марта 2005.
11. Сергей Ивлев «Сам себе Татарстан». *Новые известия*, 2 декабря 2005.
12. См.: Vladimir Shlapentokh, Roman Levita, and Mikhail Loiberg, *From Submission to Rebellion: The Provinces versus the Center in Russia* (Boulder, Colo.: Westview, 1997).
13. Олег Кашин «Приключения русских в России: реальные и мнимые». *Известия*, 1 февраля 2007; Гульчачак Ханнанова и Ильшат Гайнуллин «Башкирский язык стал обязательным». *Коммерсант-дейли*, 2 сентября 2006.
14. Ильшат Гайнуллин «Борьба за власть: башкирскую оппозицию задержали для беседы». *Коммерсант-дейли*, 4 апреля 2006.
15. Юрий Николаев и Наталья Алексеева «Шаймиеву добавили срок: самый непокорный из глав регионов становится назначенцем». *Известия*, 14 марта 2005.
16. Российская телевизионная программа «Особое мнение» на РТВИ, 3 июля 2006.
17. Юлия Латынина «Один день с хозяином Чечни». *Новая газета*, 27 сентября 2006.
18. См. интервью независимого депутата Государственной думы Михаила Задорнова в *Новой газете*, 12 июля 2004; Vladimir Shlapentokh and Joshua Woods «Cash Benefits Hazardous to Russia's Health», *The Moscow Times*, January 18, 2005.
19. Андрей Рябов «Белые слободы и вертикаль власти». *Газета*, 3 октября 2005.
20. Там же.
21. См.: А. Собянин и В. Суховольский «Пейзаж после битвы». *Открытая политика*, 1/2 (1996); Валентин Михайлов «Демократизация России: различная скорость в регионах (анализ выборов 1996 и 2000 гг.)». *Democracy.ru*, 11 ноября 2006.
22. См.: Shlapentokh, Levita, and Loiberg, *Province versus Center in Russia*.
23. Интервью Сергея Доренко радиостанции *Эхо Москвы*, 30 января 2007.
24. «Как возбуждали уголовные дела против губернаторов». *Коммерсант-дейли*, 20 мая 2006.
25. Владимир Терлецкий «Мэр поскользнулся на земле». *Независимая газета*, 16 июля 2006.

26. Мария Рогачева, Александр Сазанов и Валерий Корнев «Война или спецоперация». *Известия*, 7 июня 2006; Алексей Осипов «Коррупция – тоже бизнес». *Новая газета*, 9 июля 2006.
27. Юлия Латынина «Захват: сегодняшний передел собственности – как экономика войны». *Новая газета*, 26 и 28 марта 2001.
28. Raj Desai, Lev Freinkman, and Itzhak Golberg «Fiscal Federalism in Regional Growth: Evidence from Russia», *Journal of Comparative Economics* 33, no. 4 (2005): 814-43.
29. Алексей Тарасов «Перпендикулярные люди». *Новая газета*, 19 февраля 2006.
30. Людмила Бутусова «Живьем брать демонов!». *Московские новости*, 3 августа 2006.
31. Александр Ягодкин «Весь Орел сядет в клетку». *Новая газета*, 10 мая 2006.
32. См.: Людмила Бутусова «Рабочая династия». *Московские новости*, 3 июня 2004.
33. Татьяна Нетреба и Татьяна Богданова «Чукотка – край алчных чиновников». *Аргументы и факты*, 9 августа 2006.
34. Ольга Китова «Губернаторские фонды». *Новая газета*, 21 июня 2006.
35. Вячеслав Николаев «Губернатор, который поет». *Российские вести*, 12 декабря 2005.
36. Из последних публикаций на тему произвола губернаторов см. статью о краснодарском губернаторе Александре Ткачеве (Ирина Кирьянова «Наследник по кривой». *Литературная газета*, 17 июля 2001).
37. Алексей Чернышев «Журналист Караулов будет честь знать». *Коммерсант-дейли*, 9 октября 2003; Елена Сиротина «Суд да дело: губернатор Приморья отсудил у Караулова \$10 тысяч». *Комсомольская правда*, 9 октября 2003.
38. Татьяна Скоробогатко «Засада на коррупционеров: стань, министр, невыездным». *Московские новости*, 28 мая 2004; «Сотрудничать с властью и давить на нее». *Газета*, 9 апреля 2004; Алексей Чернышев «Юрий». *Коммерсант-дейли*, 29 ноября 2006.
39. Людмила Бутусова «Убийство, объявленное политическим». *Московские новости*, 30 ноября 2006.
40. См.: Ольга Лазарева «Сергей Иванов не отвечает за сына». *Utro.ru*, 28 марта 2006 (доступно на <http://www.utro.ru/articles/2006/03/28/534654.shtml>).
41. Michael Specter «Planet Kirsan», *The New Yorker*, April 24, 2006.
42. См.: Сергей Рябинин «В Нью-Васюках уже голодают». *Аргументы и факты*, 23 июня 2004.
43. Анастасия Матвеева «Они шли на два срока, а им говорят: все, ребята!». *Газета*, 13 марта 2003.
44. В Орле и Кемерово, например, губернаторы Егор Строев и Аман Тулеев на выборах не имели серьезных соперников и набрали 93–97% голосов.

45. См.: Светлана Ильина «Столичный мэр и демократы празднуют каждый свою победу». *Независимая газета*, 19 декабря 1997.
46. Показателем этой тенденции стали выборы 27 региональных парламентом в 1997 г. Почти везде большинство депутатов оказались директорами местных предприятий и бизнесменами. Представители политических партий (за исключением коммунистов) в большинстве случаев не были избраны (Михаил Афанасьев «Голос гражданского общества становится все тише». *Известия*, 25 декабря 1997).
47. Елена Руднева и Кира Латухина «Список Дарькина». *Ведомости*, 1 августа 2006.
48. Кира Васильева «Творят настоящий беспредел». *Новые известия*, 7 сентября 2006.
49. Наталья Ростова «Свободу попугаям». *Новая газета*, 19 ноября 2006.
50. Ольга Кондрева «Три цвета нашего времени». *Российская газета*, 21 ноября 2006.
51. Гульчачак Ханнанова и Ильшат Гайнуллин «Борьба за власть. Башкирскому журналисту грозит десять лет тюрьмы за призыв к экстремистской деятельности». *Коммерсант-дейли*, 10 мая 2006; Наталья Ростова «Свидетели сняты с пленки». *Новая газета*, 19 ноября 2006.
52. Интервью Павла Гусева радиостанции *Эхо Москвы*, 29 ноября 2006.
53. См. интервью Шаймиева газете *Московский комсомолец*, 19 января 2007.
54. Борис Бронштейн «Шаймиев – добрый ангел мира». *Новая газета*, 5 марта 2006.

Глава 9

1. Vladimir Shlapentokh, *The Public and Private Life of the Soviet People* (New York: Oxford University Press, 1989).
2. На частные хозяйства приходилось 90% картофеля, 77% других овощей, 52% мяса и птицы, 45% молока, производимых в России. В целом в 1996 г. частная земля давала 46% сельскохозяйственной продукции – по сравнению с 26% в 1990 г. См.: Госкомстат России, *Российский статистический ежегодник*, 1997 (Москва: Госкомстат России, 1997, стр. 379–380); Caleb Southworth, «The Dacha Debate: Household Agriculture and Labor Markets in Post-Socialist Russia», *Rural Sociology* 71, no. 3 (2006): 451–78.
3. William Kingston «Property Rights and the Making of Christendom», *Journal of Law and Religion* 9, no. 2 (1992): 372–73.
4. Paul Vinogradoff «Feudalism», in *The Cambridge Medieval History*, vol. 3, ed. H. M. Gwatkin et al. (Cambridge: Cambridge University Press, 1957, pp. 458–84).

5. Robert Fossier, ed., *The Cambridge Illustrated History of the Middle Ages*, vol. 1 (Cambridge: Cambridge University Press, 1990, p. 445).
6. Kingston «Property Rights and the Making of Christendom», pp. 379–81.
7. Christopher Dawson, *Religion and the Rise of Western Culture* (New York: Sheed & Ward, 1950, pp. 102, 170).
8. David Herlihy, *The History of Feudalism* (New York: Walker, 1971, p. 251).
9. Frederic Cheyette «Suum cuique tribuere», *French Historical Studies* 6, no. 3 (1970): 287–99; Stephen White «The Settlement of Dispute by Compromise in Eleventh Century Western France», *The American Journal of Legal History* 22, no. 4 (1978): 293.
10. Markus Fischer «Feudal Europe, 800-1300: Communal Discourse and Conflictual Practices», *International Organization* 46, no. 2 (1992): 427–66.
11. Т. И. Заславская, ред., *Куда идет Россия. Власть: общество, личность* (Москва: Высшая школа социальных и экономических наук, 2000, стр. 307–309).
12. Госкомстат, *Социальное положение регионов Российской Федерации* (Москва: Госкомстат, 1994, стр. 578–580).
13. Юрий Левада, ред., *Есть мнение* (Москва: Прогресс, 1990, стр. 282).
14. Юрий Левада, ред., *Простой советский человек* (Москва: Интерцентр, 1993, стр. 69).
15. ВЦИОМ, *Мониторинг общественного мнения*, бюллетень № 2, 1997.
16. Shlapentokh, *Public and Private Life of the Soviet People*.
17. В 1998 г. на вопрос о причинах краха Советского Союза только 20% граждан России указали на «неэффективность социалистической системы» (в 1995 г. – 23%); 63% винили советских руководителей (ВЦИОМ, *Мониторинг общественного мнения*, № 6, 1998, стр. 14). Исследование, проведенное в ноябре 1998 г. «Фондом общественного мнения», показало, что 48% россиян считают капитализм неподходящей системой для России и только 30% отдают ему предпочтение (см.: Фонд общественного мнения, бюллетень, 27 ноября 1998 г., доступен на <http://www.fom.ru/>).
18. Vladimir Shlapentokh, *Soviet Public Opinion and Ideology: The Interaction between Mythology and Pragmatism* (New York: Praeger, 1986).
19. Егор Гайдар, который был в числе тех, кто выдвигал эту теорию, винил в этом два исторических периода (до 1985 г. и перестройку). И действительно, когда советское государство находилось в состоянии коллапса, власть предрасполагавшая стала присваивать государственную собственность. Однако это случилось лишь после 1989 г. Утверждения Гайдара (в работе «Государство и революция») о том, что коммунистические олигархии были

- могильщиками системы и что с 1953 по 1985 г. шел невидимый процесс предварительной приватизации собственности (стр. 103, 107), не были подтверждены эмпирическими данными и являются чистым вымыслом. Многочисленные чиновники брали взятки, но это не имело никакого отношения к их намерению приватизировать государственную собственность, даже в «предварительной форме». Более того, большинство представителей номенклатуры враждебно относились к приватизации до 1990–1991 гг. Сам Горбачев до 1990 г. не осмеливался использовать термин «частная собственность» из-за страха перед номенклатурой. В сущности, перестройка была инициирована одной группой людей, а выиграла от нее другая группа. Как бы то ни было, среди известных российских олигархов нет ни одного, кто до 1989 г. принадлежал к высшему эшелону советской бюрократии. Ольга Крыштановская, один из лучших российских специалистов, изучающих элиты, в нескольких своих работах, и особенно в блестящей книге «Анатомия русской элиты» (Москва: Захаров, 2004), убедительно показала, что приватизация с участием номенклатуры началась только в 1989 г.
20. После 1991 г. Горбачев вспоминал, какой шум поднялся в стране, когда впервые прозвучали термины «индивидуальная собственность» и «частная собственность» (см. его интервью газете *Аргументы и факты*, 3 сентября 1997). У нас нет свидетельств о существовании «прокапиталистической коалиции» (David Kotz and Fred Weir, *Revolution from Above: The Demise of the Soviet System*, London: Routledge, 1997) в номенклатурной среде до 1985 г. Как отметил Питер Рутланд, сторонники этой теории пытаются доказать свою правоту, идентифицируя тех, кто выиграл от перемен, полагая, что они инициировали перестройку, исходя из своих материальных интересов (Peter Rutland «Explaining the Soviet Collapse», *Transition*, February 1998).
 21. См. официальное описание новых кооперативов в период гласности в книге: Валентин Кузнецов, *Новые формы кооперации в СССР* (Москва: Мысль, 1990).
 22. Peter Reddaway and Dmitri Glinski, *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy* (Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2001).
 23. Зоя Куприянова и Людмила Хахулина «Предпринимательская деятельность как основная и дополнительная работа». ВЦИОМ, *Мониторинг общественного мнения*, № 2, 1998, стр. 22.
 24. Наталья Зоркая, ред., *Общественное мнение, ежегодник, 2003* (Москва: ВЦИОМ, 2003, стр. 42).
 25. Зоркая, *Общественное мнение, ежегодник, 2003*, стр. 41.
 26. Фонд общественного мнения, бюллетень, 9 августа 2000 (доступно на <http://www.fom.ru>).
 27. Юрий Борисов «Истоки и смысл российского рейда». *Российская газета*, 25 июля 2006; см. также: Юрий Борисов «Рейдерство – это купить на грош пятаков». *Известия*, 21 июля 2006.

28. Борисов «Рейдерство – это купить на грош пятаков».
29. Andrew Hacker, *The Corporation Take-Over* (Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1965).
30. Даниил Дондурей «Комментарии». *Новая газета*, 16 апреля 2006.
31. Эльвира Горюхина «Товарищество мошенников на паях?». *Новая газета*, 3 июня 2006.
32. Эльвира Горюхина «Прокурор обедал у линии «Фронта». *Новая газета*, 22 октября 2006.
33. Вячеслав Шугаев «Заливное по-сибирски». *Новая газета*, 13 декабря 2006.
34. См. статью эксперта по российскому рейдерству: Борисов «Рейдерство – это купить на грош пятаков».
35. Там же; см: Sabrina Tavernise «Handful of Corporate Raiders Transform Russia's Economy», *New York Times*, August 13, 2002.
36. Александр Травин «Рейдеры: как это делается». *Новая газета*, 23 апреля 2006.
37. См.: Neil Buckley and Arkady Ostrovsky, «Back in Business – How Putin's Allies Are Turning Russia into a Corporate State», *Financial Times*, June 19, 2006.
38. Owen Matthews and Anna Nemtsova «The New Feudalism: Forget Corruption. In Putin's Russia, the Nexus of Payoffs and Patronage Is Almost Medieval, Touching Every Aspect of Life», *Newsweek International*, October 23, 2006.
39. Шугаев «Заливное по-сибирски».
40. Николай Донсков «Зачем на мясокомбинате головорезы». *Новая газета*, 24 сентября 2006.
41. Александр Добровинский «Сети выставлены на счетчик». *Новая газета*, 20 апреля 2006; Антон Гуськов «Рейдерские наезды». *Новая газета*, 23 апреля 2006.
42. Михаил Агарков «Конфискация как национальный вид спорта». *Новая газета*, 14 июня 2006.
43. Константин Полесков «В культуре даже не застой, а недвижность». *Новая газета*, 16 апреля 2006.
44. Matthews and Nemtsova «The New Feudalism».
45. Там же.
46. Иван Быстров «Злое Бутово». *Moskovskaia Pravda*, 18 октября 2006.
47. Andrew E. Kramer and Steven Lee Myers «The Business of Russia: Putin's Long Reach; Workers' Paradise Is Rebranded as Kremlin Inc.», *New York Times*, April 24, 2006.
48. Алексей Полухин «Родное государственное». *Новая газета*, 15 марта 2006.
49. Там же.
50. Интервью Григория Явлинского газете *Известия*, 23 января 2007.
51. См., например: Вячеслав Никонов «Кто будет следующим президентом: оригинальный прогноз». *Известия*, 25 января 2007.

1. Аналогичную точку зрения см.: Михаил Афанасьев «Невыносимая слабость государства». *Отечественные записки*, № 2, 2004, p.4; Jacques Godbout, *Le Don, la Dette et l'Identite: Homo Donator vs Homo Oeconomicus* (Paris: La Decouverte/MAUSS, 2000).
2. Adam Bellow, *In Praise of Nepotism: A Natural History* (New York: Doubleday, 2003); см. Brendan Conway «The New Nepotism». *Public Interest*, Winter 2004.
3. Фонд общественного мнения, бюллетень, 30 ноября 2006.
4. Андрей Кончаловский «Мафия? Как это по-русски». *Аргументы недели*, 9 ноября 2006.
5. Эволюция в подборе кадров в СССР оказала огромное влияние на жизнь советского общества. В первый период советской истории, непосредственно после революции (20-е гг.), основным критерием была верность делу революции, и аппаратчики считали себя чем-то вроде аукционеров общего бизнеса. В следующий период, после установления жестокого сталинского тоталитаризма, все зависело от преданности лидеру и умения выглядеть «солдатом партии». После смерти Сталина на подбор кадров начала влиять личная преданность непосредственному партийному руководителю, что снизило качество кадров и их эффективность, а также открыло дорогу коррупции. Рост уровня образования кадров несколько сгладил негативный эффект от «персонализации» кадровой политики; см.: Vladimir Shlapentokh, *Soviet Ideologies in the Period of Glasnost: Responses to Brezhnev's Stagnation* (New York: Praeger, 1988).
6. Афанасьев «Невыносимая слабость государства», стр. 3.
7. См.: Максим Гликин «Юкосизация российской политики». *Независимая газета*, 15 июля 2005.
8. См. самые последние антропологические исследования на тему родства: J. Carsten, *After Kinship* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004); L. Holy, *Anthropological Perspectives on Kinship* (Chicago: Pluto Press, 1996); R. Parkin, *Kinship: An Introduction to Basic Concepts* (Oxford: Blackwell, 1997).
9. См.: David Buss and Douglas Kenrik «Evolutionary Social Psychology», in *Handbook of Social Psychology*, vol. 2, ed. Daniel T. Gilbert, Susan T. Fiske, and Gardner Lindzey (Oxford: Oxford University Press, 1989, p. 985); Douglas Kenrik, Josh Ackerman, and Suzan Ledlow, «Evolutionary Social Psychology: Adaptive Predisposition and Human Culture», in *Handbook of Social Psychology*, vol. 1, ed. John Delamater (New York: Springer, 2006, pp. 105-97).
10. W. D. Hamilton «Genetical Evolution of Social Behavior», *Journal of Theoretical Biology* 7, no. 1 (1962): 1-16.
11. Richard Dawkins, *The Selfish Gene* (New York: Oxford University Press 1976).

12. C. Wright Mills, *The Power Elite* (New York: Oxford University Press 1956).
13. Ben Fine, *Social Capital versus Social Theory: Political Economy and Social Science at the Turn of the Millennium* (London: Routledge, 2001).
14. Mark Granovetter, «The Strength of Weak Ties», *American Journal of Sociology* 78, no. 6 (1973): 1360-80.
15. Он определяет социальный капитал как совокупность действительных и потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием протяженной сетью более или менее институционализированных отношений, в то же время подчеркивая, что эти отношения основаны на взаимном знакомстве и признании. См.: Pierre Bourdieu «The Forms of Capital», in *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, ed. J. G. Richardson (New York: Greenwood Press, 1986, pp. 241-58).
16. Robert Putnam, *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community* (New York: Simon and Schuster, 2000).
17. См., например: Richard Grassby, *Kinship and Capitalism: Marriage, Family, and Business in the English-Speaking World, 1580-1740* (New York: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 2001); Naomi Tadmor, *Family & Friends in Eighteenth-Century England: Household, Kinship, Patronage* (New York: Cambridge University Press, 2001); P. Fleming, *Family and Household in Medieval England* (New York: Palgrave Macmillan, 2000).
18. Max Weber, *Essays in Economic Sociology*, ed. Richard Swedberg (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999, p. 179).
19. См., например: Heidi Hartman, «Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex», *Signs* 1, no. 3 (1976): 137-69.
20. Milton Friedman, *Capitalism and Democracy* (Chicago: University of Chicago Press, 1962).
21. Среди новейших публикаций см.: Jeff Bailey «Family Hands Off Its Business and Its Philosophy», *New York Times*, February 24, 2007.
22. Loyiso Mbabane «Crony Capitalism and Black Economic Empowerment», *Mail and Guardian*, March 26, 2004.
23. Paul Vinogradoff «Feudalism», in *The Cambridge Medieval History*, vol. 3, ed. H. M. Gwatkin et al. (Cambridge: Cambridge University Press, 1957, pp. 458-84).
24. Более подробно о роли родства в племенном обществе см.: Lewis Henry Morgan, *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family* (Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1870). Структуралистский подход см.: в Claude Levi-Strauss, *Structural Anthropology*, translated from the French by Claire Jacobson and Brooke Grundfest Schoepf (New York: Basic Books, 1963); Miriam Glucksmann, *Structuralist Analysis in Contemporary Social Thought: A Comparison of the Theories of Claude Levi-Strauss and Louis Althusser* (London: Routledge & K. Paul, 1974).

25. Meyer Fortes, *Kinship and the Social Order* (Chicago: Aldine, 1969).
26. Василий Ключевский, *Сочинения в девяти томах*, том 2 (Москва: Мысль, 1988, стр. 112–130).
27. Сталин сделал исключение, например, для семьи Кагановича в 30-х и 40-х гг., когда три брата занимали высокие посты в советской иерархии (Лазарь был членом политбюро, Михаил – министром авиапромышленности, а Юлий – заместителем министра международной торговли). Четвертый брат, Арон, занимал менее высокий пост начальника объединения кожевенных предприятий Киева, а жена Лазаря Мария была руководителем профсоюза работников текстильной промышленности (Stuart Kahan, *The Wolf of the Kremlin*, New York: W. Morrow, 1987).
28. См. речь Сталина на XVII съезде партии в 1934 г. (*Вопросы ленинизма*, Москва: Политиздат, 1952).
29. Среди самых известных случаев – высокое положение зятя Хрущева Алексея Аджубея, который был главным редактором одной из ведущих газет страны (см.: Р. Аджубей, В. Ахломов и В. Беликов, *Алексей Аджубей в коридорах четвертой власти*. Москва: Известия, 2003), и зятя Брежнева Юрия Чурбанова, который был заместителем министра внутренних дел, и его сына, заместителя министра международной торговли (Сергей Николаевич Семанов, *Брежнев: правитель «золотого века»*. Москва: Вече, 2004).
30. Сергей Морозов, *Заговор против народов России сегодня* (Москва: Алгоритм, 1999). Оксана Гаман-Голутвина «Свои среди своих». *Литературная газета*, 4 июля 2006.
31. Николай Рыжков, *Десять лет великих потрясений* (Москва: Ассоциация «Книга, просвещение, милосердие», 1995).
32. Boris Z. Rumer, *Soviet Central Asia: «A Tragic Experiment»* (Boston: Unwin Hyman, 1989); Eric McGlinchey, *Paying for Patronage: Regime Change in Post-Soviet Central Asia* (Princeton, NJ.: Princeton University Press, 2003). Более подробно о роли кланов в Туркменистане см.: Adrienne Lynn Edgar, *Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2004).
33. Kathleen Collins, *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia* (New York: Cambridge University Press, 2006); Edward Schatz, *Modern Clan Politics: The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond* (Seattle: University of Washington Press, 2004); Olivier Roy, *New Central Asia: The Creation of Nations* (New York: New York University Press, 2000); Pauline Jones Luong, ed., *The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004); Boris Rumer, ed., *Central Asia in Transition: Dilemmas of Political and Economic Development* (Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1996).

34. Среди новейших публикаций о понятии чести в Средние века и в современном обществе см.: James Bowman, *Honor: A History* (New York: Encounter Books, 2006); Vladimir Shlapentokh, *Love, Marriage, and Friendship in the Soviet Union: Ideals and Practice* (New York: Praeger, 1984); Vladimir Shlapentokh, *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia* (New York: Oxford University Press, 1989).
35. Левада-Центр, *Пресс-выпуск*, 1 мая 2005; Нина Зоркая, ред., *Общественное мнение: ежегодник* (Москва: Левада-Центр, 2004 стр. 41–12).
36. Исследование РОМИР в феврале 2005 г. показало, что 43% населения доверяют президенту, 16% церкви, 14% армии, 8% правительству, 7% профсоюзам, 7% средствам массовой информации, 5% правоохранительным органам, 4% Государственной думе, 4% местным властям, 2% Совету Федерации, 2% политическим партиям, 33% не доверяют никому. См. бюллетень РОМИР, 17 марта 2005; см. также данные из World Values Survey in Ronald Inglehart et al., eds., *Human Beliefs and Values* (Buenos Aires: Siglo Veintiuno Editors, 2004).
37. ВЦИОМ, *Пресс-выпуск*, 3 марта 2001.
38. А. Голов «Уверенность в завтрашнем дне: 2000–2004». Левада-Центр, *Пресс-выпуск*, 13 июля 2004.
39. Katy Marton, *Hidden Power* (New York: Pantheon, 2001).
40. См. интервью дочери Хрущева Рады газете *Аргументы и факты*, 18 января 2007 (доступно на <http://www.peoples.ru/state/politics/hruschov>).
41. Что касается жены Брежнева Виктории, см.: Алексей Букин «Добрый человек из политбюро». *РИА Новости*, 19 января 2007.
42. См.: Raisa Gorbacheva, *I Hope* (New York: HarperCollins, 1991).
43. Леонид Седов «Состояние общественного мнения». Левада-Центр, 6 марта 2001.
44. Александр Хинштейн, *Ельцин: Кремль; история болезни* (Москва: ОЛМА, 2006); Александр Коржаков, *Борис Ельцин: от рассвета до заката* (Москва: Интербук, 1997).
45. См.: «Некоторые подробности из жизни первого президента России», www.corruption.ru (доступ 16 мая 2001).
46. Александр Хинштейн «Миллионы Дьяченко». *Московский комсомолец*, 16 декабря 1999.
47. Дмитрий Горностаев «Клинтон спросил Ельцина, брал ли он взятки». *Независимая газета*, 9 сентября 1999; см.: «Следователи изучают банковские счета дочери Ельцина». *Lenta.ru*, 21 сентября 1999.
48. Юрий Щекочихин «У дочки – дачка?». *Новая газета*, 11 октября 1999.

49. См., например: «Семью Ельцина привлекут к расследованию по делу «Мабетекс». *Lenta.ru*, 5 октября 1999.
50. См.: Александр Комозин «100 ведущих политиков России в декабре 1999». *Независимая газета*, 31 декабря 1999.
51. Хинштейн, Ельцин: Кремль; история болезни; Коржаков, Борис Ельцин.
52. Более подробно об обстоятельствах восхождения Путина на вершину власти см.: Richard Sakwa, *Putin: Russia's Choice* (London: Routledge, 2004); Peter Baker and Susan Glasser, *Kremlin Rising: Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution* (New York: Scribner, 2005).
53. В последние месяцы 2006 г. и в начале 2007 г. некоторые аналитики предсказывали, что Путин выберет в качестве возможного преемника – если решит не нарушать норму Конституции, запрещающую избираться на третий срок, и в 2008 г. покинет Кремль – двух или даже трех кандидатов. В этом случае окончательный выбор сделают избиратели. Но если даже этот прогноз окажется верным (так думали 75% слушателей радиостанции *Эхо Москвы* 20 января 2007 г.), все согласны, что ни у одного из других кандидатов не будет возможностей для честной конкуренции. См.: Леонид Томин «2008: снова «момент истины». <http://centurion-center.narod.ru/preem.html> (доступ 21 января 2007); радиопрограмма Евгения Киселева «Власть». *Эхо Москвы*, 20 января 2007.
54. Marguerite Yourcenar, *Memoirs of Hadrian*, translated from the French by Grace Frick in collaboration with the author (New York: Farrar, Straus and Young, 1954).
55. Киселев «Власть», 21 января 2006.
56. Олег Попцов, *Хроника времен «Царя Бориса»* (Москва: Совершенно секретно, 1995).
57. См.: Левада-Центр, *Пресс-выпуск*, 19 января 2000.
58. Фонд общественного мнения, бюллетень, 26 мая 1999.
59. Бюллетень «Левада-Центра», 24 июля 2000.
60. Кремль разработал стратегию управления выборами при помощи средств массовой информации. Во время предвыборной кампании главные российские телеканалы (ОРТ и РТР) ежедневно отдавали несколько часов эфирного времени агрессивным нападениям на двух главных соперников Путина, Примакова и Лужкова. Как правило, эти телеканалы не давали двум политикам возможности ответить на обвинения. ОРТ и РТР не только уничтожали врагов Путина, но и рекламировали проправительственный блок «Единство», его лидеров и другие блоки, заявлявшие о своей поддержке Путина и войны в Чечне. Для деморализации и запугивания врагов Кремль также опирался на правоохранительные органы. Некоторые губернаторы, поддерживавшие блок Примакова–Лужкова, отступили перед почти неприкрытыми угрозами Кремля урезать финанси-

- рование их собственной избирательной компании, если они не перейдут на другую сторону и не поддержат Путина (см.: Надя Кеворкова «За что Борис Ельцин просил прощения у россиян». *Независимая газета*, 11 января 2000; см. также интервью московского политолога Виктора Минина. *Новая газета*, 17 января 2000; Борис Кротков «Две версии отставки Ельцина». *АПН*, 12 января 2000).
61. Michael McFaul, *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin* (London: Cornell University Press, 2001, pp. 335-37).
 62. Donald Barry, *Russian Politics: Post-Soviet Phase* (New York: Peter Lang, 2002, pp. 124-26).
 63. См.: Graeme Gill's «Vladimir Putin and the Future of Presidency» (pp. 24-26), Leslie Holmes' «Introduction» (pp. 1-2), and Peter Shearman's «Personality, Policies and Power: Foreign Policy under Putin» (p. 223) in *Russia after Yeltsin*, ed. Vladimir Tikhomirov (Aldershot, England: Ash gate, 2001).
 64. Joel Ostrow «Leadership, Democracy and Society: Books about Russia 10 Years after the Fall», *Europe-Asia Studies* 54, no. 8 (2002): 1342.
 65. См.: «Проект Россия». *Главная тема*, ноябрь 2005.
 66. См.: Andrei Zolotov, Jr., «Monarchist Past and Future», *Russia Profile*, September 28, 2006; интервью политолога Георгия Сатарова радиостанции *Эхо Москвы*, 20 января 2007.
 67. Фонд общественного мнения, бюллетень, 14 сентября 2000.
 68. ВЦИОМ, *Пресс-выпуск*, 25 сентября 2006.
 69. См.: Юлия Калинина «Ритуальное опускание». *Московский комсомолец*, 24 октября 2006.
 70. Александр Будберг «Герои момента». *Московский комсомолец*, 20 октября 2006.
 71. Ольга Крыштановская, *Анатомия российской элиты* (Москва: Захаров, 2005).
 72. Алексей Мухин, *Путин: ближний круг президента* (Москва: Алгоритм, 2005); Алексей Мухин, *Кто есть мистер Путин и кто с ним пришел? Досье на президента России и его спецслужбы* (Москва: Изд-во «Гном и Д», 2002).
 73. Крыштановская, *Анатомия российской элиты*.
 74. Экономический раздел «Ожидается наступление на фонды и банки «ветеранов» спецслужб». *Новая газета*, 20 сентября 2006.
 75. Бюллетень «Левада-Центра», 24 июля 2000.
 76. Marshall Goldman, *Lost Opportunity: Why Economic Reforms in Russia Have Not Worked* (New York: W. W. Norton, 1994); Маршалл Голдмен «Капитализм инсайдеров: успех или неудача». *Проблемы теории и практики управления*, № 3, 1997.
 77. Егор Гайдар, *Days of Defeat and Victory* (Seattle: University of Washington Press, 1999); Егор Гайдар, *Государство и эволюция: как отделить собственность от власти и повысить бла-*

- госостояние россиян (Санкт-Петербург: Изд-во Норма, 1997); Егор Гайдар, *Гибель империи: уроки для современной России* (Москва: РОССПЕН, 2006).
78. См.: *Приватизация в России: сборник нормативных документов и материалов*, том 1 (Москва: Юридическая литература, 1993); А. Радыгин, *Российская приватизация как процесс формирования институциональной базы экономических реформ* (Москва: Институт экономических проблем переходного периода, 1998).
79. Vladimir Shlapentokh, «Privatization Debates in Russia: 1989–1992». *Comparative Economic Studies* 35, no. 2 (1993): 19–32; Peter Reddaway and Dmitri Glinski, *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy* (Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2001).
80. Существовало три способа приватизации: продать акции на открытом рынке, продать акции только или в основном работникам или оставить предприятие в коллективной собственности работников (более подробную информацию см. в книге *Приватизация в России*, том 1).
81. Голдмен «Капитализм инсайдеров».
82. Reddaway and Glinski, *Tragedy of Russia's Reforms*; Andrew Scott Barnes, *Owning Russia: The Struggle over Factories, Farms, and Power* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006).
83. Рой Медведев, *Чубайс и ваучер: из истории российской приватизации* (Москва: Изд-во «Импето», 1997); более подробно о роли личных связей в формировании состояния Бориса Березовского см. роман Юлия Дубова *Большая пайка* (Москва: Вайрус, 1999).
84. См.: Frank Hornig et al., «Western Companies Fight for Press Freedom in Москва», *Spiegel*, December 14, 2006.
85. Флориан Хассель «Все остается в семье». *Frankfurter Rundschau*, May 21, 2001 (перевод онлайн-источника www.inopressa.ru).
86. «Черномырдин и сыновья». *Итоги*, 30 января 2001.
87. Алексей Полухин «Деньги ходят как потерянные». *Независимая газета*, 2 февраля 2006; «Элитные дети». *Известия, Nedelia*, 22 сентября 2006. Более подробную информацию о должностях родственников других российских политиков, таких как спикер Государственной думы Борис Грызлов, министр здравоохранения и социального развития Михаил Зурабов и заместитель председателя Государственной думы Любовь Слиска, см.: «Кто они, братья политиков?» *Аргументы и факты*, 10 ноября 2006.
88. Александр Хинштейн «Главней всего – доходы в доме». *Московский комсомолец*, 29 ноября 2006.
89. Гульчачак Ханнанова и Анна Скорнякова «Башнефть» вернулась в семью». *Коммерсант-дейли*, 25 мая 2006; Олег Рубникович «Баш на нефть». *Газета*, 15 августа 2006.

90. Марат Мусоев «Воровство на доверии». *Наша версия*, 14 августа 2006.
91. Даннила Гальперович «Отмена порога: чиновники будут голосовать за себя». *Свобода*, 9 ноября 2006.
92. ВЦИОМ, *Пресс-выпуск*, 23 июня 2006.
93. Фонд общественного мнения, бюллетень, 29 июня 2006.
94. Фонд общественного мнения, бюллетень, 28 декабря 2006.
95. См. данные из Фонда Эберта на http://www.fesmos.ru/Publikat/13_Elita%20economics2004/elita_econom_5.html (доступ 25 января 2007).
96. Бюллетень ВЦИОМ, 28 июля 2006.
97. См.: Афанасьев «Невыносимая слабость государства»; Лилия Шевцова, ред., *Россия политическая* (Москва: Московский центр Карнеги, 1988, стр. 149); Е. Авраимова «Влияние социально-политических факторов на формирование политического сознания», в книге: *Общество: становление демократических ценностей?* ред. М. Маклол (Москва: Московский центр Карнеги, 1999, стр. 23).
98. Simon Romero «Expanding Power Puts Family of Venezuelan President under Increasing Scrutiny», *New York Times*, February 18, 2007.
99. См.: Bellow, *In Praise of Nepotism*; also see *Corporate Affairs: Nepotism, Office Romance, and Sexual Harassment* (Washington, D.C.: Bureau of National Affairs, 1988).
100. Paul Ginsborg, *Italy and Its Discontents: Family, Civil Society, State, 1980–2001* (New York: Palgrave Macmillan, 2003); Alexander Stille, «Italy: The Family Business», *The New York Review of Books*, October 9, 2003.

Глава 11

1. Marc Bloch, *Feudal Society* (Chicago: University of Chicago Press, 1964).
2. Charles Tilly «War-Making and State-Making as Organized Crime», in *Bringing the State Back*, ed. Peter Evans, Trich Reuschmeyer, and Theda Skocpol (Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 170–71); Текст Тили также цитируется в Timothy Fry, «Private Protection Organizations in Russia and Poland», *American Journal of Political Science* 46 no 3 (2002): 575.
3. Bisson Jones, *Cultures of Power: Lordship, Status and Process in Twelfth-Century Europe* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995).
4. Paul Vinogradoff «Feudalism», in *The Cambridge Medieval History*, vol. 3, ed. Henry Gwatkin et al. (Cambridge: Cambridge University Press, 1957, pp. 458–84).

5. Fry «Private Protection Organizations in Russia and Poland», pp. 574-82; Max Weber, *Theory of Social Organization* (New York: Free Press, 1964, p. 154).
6. Jonathan Hay and Andrei Shleifer, «Private Enforcement of Public Law: A Theory of Legal Reform», *American Economic Review* 88, no. 2 (1998): 398-403; Vadim Volkov «Violent Entrepreneurship in Post-Communist Russia», *Europe-Asia Studies* 51, no. 5 (1999): 751-54; Curtis J. Milhaupt and Mark D. West «The Dark Side of Private Ordering: An Institutional and Empirical Analysis of Organized Crime», *The University of Chicago Law Review* 67, no. 1 (2000): 41-98; Federico Varese, *The Russian Mafia: Private Protection in a New Market Economy* (Oxford: Oxford University Press, 2001, p. 55).
7. Историю частной охраны см. в Frederick Lane, *Profit from Power: Reading in Protection Rent and Violence-Controlling Enterprise* (Albany: State University of New York Press, 1963). Лейн говорил об охранной ренте от монополии – даже если она была временной и локальной, – которой были довольны и охраняющий, и охраняемый.
8. Fry «Private Protection Organizations in Russia and Poland», pp. 574-82.
9. Там же; Peter Reuter, *Disorganized Crimes: The Economics of the Visible Hand* (Cambridge: MIT Press, 1983); Varese, *Russian Mafia*; Simon Johnson, Daniel Kaufmann, and Andrei Shleifer, «The Unofficial Economy in Transition», *Brookings Papers on Economic Activity* 1997, no. 2 (1998): 159-239; Timothy Fry and Ekaterina Zhuravskaya «Rackets, Regulation and the Rule of Law», *Journal of Law, Economics, and Organization* 16, no. 2 (2000): 478-502; Simon Johnson et al., «Why Do Firms Hide? Bribes and Unofficial Activity after Communism», *Journal of Public Economics* 76, no. 3 (2000): 495-520; Jim Leitzel, Clifford Gaddy and Michael Alexeev «Mafiosi and Matrioshki: Organized Crime and Russian Reform», *Brookings Review* 13 (Winter 1995): 26; Andrei Shleifer and Robert W. Vishny «Corruption», *Quarterly Journal of Economics* 108, no. 3 (1993): 602.
10. Vadim Volkov, *Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2002, pp. 18-21, 25).
11. Fry «Private Protection Organizations in Russia and Poland», p. 582.
12. По свидетельству Владимира Семичастного, возглавлявшего КГБ в 60-х и 70-х гг., личная охрана была только у членов политбюро – не более 11 или 12 человек (см.: Владимир Семичастный «Мне нестерпимо больно». *Завтра*, 28 июня 1997).
13. Европейский банк реконструкции и развития *Ежегодный отчет*, 1997, стр. 74, доступно на <http://www.ebrd.org/>.

14. Олег Гладунов, Игорь Велетминский и Татьяна Конишева «Покушение на банковскую тайну». *Российская газета*, 15 сентября 2006.
15. В середине 90-х гг. XX века иностранец, не понимавший значения таких терминов, как «компенсационные действия» или «политическая корректность», не имел шанса разобраться в политической жизни современной Америки. То же самое происходило в большевистской России после революции. Не зная смысла таких важных политических терминов, как «кулак», «классовый враг» или «капиталистическое обогащение», невозможно понять, что происходило в России на протяжении нескольких десятилетий. В посткоммунистической России сложился свой лексикон, причем в отличие от прошлого его источником были не новые политики, а сленг преступного мира. Самым популярным из новых слов был термин «крыша», который можно увидеть в газетах, услышать по радио и в телевизионных передачах. Без него очень трудно объяснить многие важные процессы в современной России.
16. Varese, *Russian Mafia*.
17. Fry «Private Protection Organizations in Russia and Poland», p. 577.
18. Frye and Zhuravskaya, «Rackets, Regulation, and the Rule of Law».
19. Правительство служит «крышей» для «Газпрома», гигантской компании, обладающей монополией на добычу и продажу нефти и газа. Еще один пример государственной «крыши» – это финансовая группа «Мост», которую возглавлял Владимир Гусинский. Эту компанию «крышевал» московский мэр Юрий Лужков, использовавший ее ресурсы в личных целях. Как это часто случается в криминальной среде, другая влиятельная структура, президентская охрана, во главе которой стоял Александр Коржаков, попыталась продемонстрировать «Мосту», что «крыша» Лужкова недостаточно сильна, чтобы защитить компанию. Весной 1995 г. имело место вооруженное столкновение между «Мостом» и московской милицией с одной стороны и людьми Коржакова – с другой. Конфликт привлек внимание общественности и стал наглядным примером борьбы между двумя «крышами».
20. Лев Гудков и Борис Дубин «Приватизация полиции». *Вестник общественного мнения* 1, № 81 (2006): 69; см.: О. Коленникова, Л. Козалс и Р. Рывкина «Коммерциализация служебной деятельности милиции». *Социологические исследования* 1 (2004): 73–83.
21. Успешный врач, имеющий частный кабинет в центре Москвы, однажды рассказал мне типичную историю о «крыше». Когда к нему пришли члены организованной преступной группировки и предложили «крышу», он дал им несколько телефонных

номеров. Один из них принадлежал капитану милиции, а другой – лидеру другой преступной группировки, известной как «солнцевская». Непрошеным гостям был предоставлен выбор: ретироваться или вступить в конфликт с конкурентами. Впоследствии они вернулись и принесли свои извинения.

22. В 1997 г. Игорь Сундиев, президент Российской ассоциации криминалистов, признался, что в России трудно найти банк, у которого не было бы криминальной «крыши» (Игорь Сундиев «Кровь и нерв криминального мира». *Литературная газета*, 27 августа 1997).
23. Как сказал Ковалев, один из крупнейших банков России почти полностью скопировал структуру московского регионального управления ФСБ (Николай Ковалев «Мы отбросили британскую разведку на 20 лет назад». *Независимая газета*, 19 декабря 1997).
24. Чтобы скрыть этот новый шаг в процессе приватизации служб безопасности, депутаты Думы рассматривают новые службы безопасности не как частные охранные структуры, а как «внешние подразделения» министерства внутренних дел, которые будут подчиняться не только этому министерству, но и главам компаний, которые они охраняют. Однако эта юридическая уловка вряд ли сможет скрыть феодальные тенденции в развитии служб безопасности в России. По этой причине некоторые эксперты, в том числе Эмиль Паин, указывали, что решение «вооружить» корпорации будет иметь множество негативных последствий для страны (см.: Иван Родин и Михаил Мошкин «Газпром и Транснефть вооружаются». *Независимая газета*, 2 марта 2007).
25. Родин и Мошкин «Газпром и Транснефть вооружаются»; российский телеканал ТВЦ, «Новости», 29 августа 2006; Steven Myers and Mark Landler «Intrigues over Spy's Death Spreads to Germany», *New York Times*, December 11, 2006.
26. Volkov, *Violent Entrepreneurs*, p. 135.
27. ТВЦ, «Новости».
28. Надежда Попова «У нас все с «шиком». *Московский комсомолец*, 15 июня 2005.
29. Михаил Казаков «За землю рублевскую». *Россия*, 15 июня 2006.

Библиография

- Ackoff, Russel. *Re-creating the Corporation*. New York: Oxford University Press, 1999.
- Anderson, Annelise. «The Red Mafia: A Legacy of Communism». In *Economic Transition in Eastern Europe and Russia: Realities of Reform*, edited by Edward Lazear, pp. 340-66. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press 1995.
- Anderson, Perry. *Passage from Antiquity to Feudalism*. London: Verso, 1974.
- Angell, Carole S. *Celebrations around the World: A Multicultural Handbook*. Golden, Colo.: Fulcrum, 1996.
- Aries, Philippe, and George Dubuis, eds. *L'histoire de la vie privée*. Paris: Seuil, 1985.
- Aristotle. *The Politics and the Constitution of Athens*. Cambridge: Cambridge University Press, 1884.
- Audretsch, David B., and Charles F. Bonser, eds. *Globalization and Regionalization: Challenges for Public Policy*. Boston: Kluwer, 2002.
- Babbies, Earl. *Sociology: An Introduction*. Belmont, CA: Wadsworth, 1983.
- Backman, Clifford. *The Worlds of Medieval Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Baker, Peter, and Susan Glasser. *Kremlin Rising: Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution*. New York: Scribner, 2005.
- Barnes, Andrew Scott. *Chiming Russia: The Struggle over Factories*,

- Farms, and Power*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006.
- Barry, Donald. *Russian Politics: Post-Soviet Phase*. New York: Peter Lang, 2002.
- Beck, Ulrich, and Jane Wiebel. *The Normal Chaos of Love*. Oxford: Polity Press, 1995.
- Bellow, Adam. *In Praise of Nepotism: A Natural History*. New York: Double-day, 2003.
- Benedict, Ruth. *Patterns of Culture*. New York: Houghton Mifflin, 1934.
- Berger, Suzanne. *How We Compete: What Companies around the World Are Doing to Make It Today's Global Economy*. New York: Doubleday, 2006.
- Berstein, S. *Democraties, regimes autoritaires et totalitarismes au XXe siecle*. Paris: Hachette, 1992.
- Blank, Stephen. «Russian Democracy: From the Future to the Past». *Demokratizatsiia* 1, no. 3 (1998): 550-77.
- Bloch, Marc. *Feudal Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1961. Bloch, Marc, and Leopold Benjamin. *Feudal Society*. Translated from the French by L. A. Manyon. Foreword by M.M. Postan. Chicago: University of Chicago Press, 1961.
- Blockmans, W. «Patronage, Brokerage and Corruption as Symptoms of Incipient State Formation in the Burgundian-Habsburg Netherlands» In *Klientelsysteme im Europa der Frahen Neuzeit*, edited by A. Maczak, pp. 117-26. Munich: R. Oldenbourg, 1988.
- Blondel, Jean. *Introduction to Comparative Government*. New York: Harper, 1990.
- Borejsza, Jerzy W., and Klaus Ziemer. In cooperation with Magdalena Huas. *Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe: Legacies and Lessons from the Twentieth Century*. New York: Berghahn Books, 2006.
- Bornstein, Morris. *Comparative Economic Systems: Models and Cases*. Burr Ridge, 111.: Irwin, 1994.
- Bourdieu, Pierre. «The Forms of Capital». In *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, edited by J. G. Richardson, pp. 241-58. New York: Greenwood Press, 1986.
- Braginski, Serge Vladimirovich. *Incentives and Institutions: The Transition to a Market Economy in Russia*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000.
- Breslauer, George. «Evaluating Gorbachev and Yeltsin as Leaders». In Brown and Shevtsova, *Gorbachev, Yeltsin and Putin*, pp. 45-66.
- Breslauer, George. *Gorbachev and Yeltsin as Leaders*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Brooks, Stephen, ed. *The Challenge of Cultural Pluralism*. Westport, Conn.: Praeger, 2002.

- Brown, Archie, and Liliia Shevtsova, eds. *Gorbachev, Teltsin and Putin: Political Leadership in Russia's Transition*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001.
- Brown, Archie. «Introduction». In Brown and Shevtsova, *Gorbachev, Yeltsin, and Putin*, pp. 6-8.
- Brown, Archie. «Vladimir Putin's Leadership in Comparative Perspective». In Ross, *Russian Politics under Putin*, pp. 4-14.
- Brown, Elisabeth. «The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe». *American Historical Review* 79 no 4 (1974): 1063-88.
- Buchanan, James, Robert Tollison, and Gordon Tullock, eds *Toward a Theory of the Rent Seeking Society*. College Station: Texas A&M University Press, 1980.
- Buravoy, Mikhail, and Pavel Krotov. «The Soviet Transition from Socialism to Capitalism». *American Sociological Review* 57, no. 1 (1992): 16-38.
- Burgess, Michael. *Comparative Federalism: Theory and Practice*. London: Routledge, 2006.
- Buss, David, and Douglas Kenrik. «Evolutionary Social Psychology». Chap. 9 in *Handbook of Social Psychology*, vol. 2, edited by Daniel T. Gilbert, Susan T. Fiske, and Gardner Lindzey. Oxford: Oxford University Press 1989.
- Cantor, Norman. *Civilization of the Middle Ages*. New York: Harper Collins, 1993.
- Carnoy, Martin. *The State and Political Theory*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984.
- Carsten, J. *After Kinship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Cheyette, Frederic. «Suum cuique tribuere». *French Historical Studies* 6, no. 3 (1970): 287-99.
- Chinball, Marjorie. *Anglo-Norman England, 1066-1166*. Oxford: Blackwell, 1986.
- Clark, William. «Crime and Punishment in Soviet Officialdom, 1965-1990». *Europe-Asia Studies* 45, no. 2 (1993): 257-77.
- Cocherham, William. *Health and Social Change in Russia and Eastern Europe*. New York: Routledge, 1999.
- Collins, Kathleen. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. New York: Cambridge University Press, 2006.
- Colton, Timothy, and Michael McFaul. «Putin and Democratization». In Herspring, *Putin's Russia*, pp. 13-38.
- Colton, Timothy, and Robert Tucker, eds. *Patterns in Post-Soviet Leadership*. Boulder, Colo.: Westview, 1995.

- Coulanges, Fustel de. *Histoire des Institutions Politiques de l'ancienne France*. Paris: Hachette, 1923.
- Coulloudon, Virginie. «Putin's Anticorruption Reforms». In Herspring, *Putin's Russia*, pp. 85-100.
- Cramer, John. «Political Corruption in the USSR». *Western Political Quarterly* 30, no. 2 (1977): 213-24.
- Crick, Bernard. *Basic Forms of Government*. London: Macmillan, 1973.
- Curtis, Mikhail, Jean Blondel, and Bernard E. Brown. *Introduction to Comparative Government*. New York: Harper, 1990.
- Dahl, Robert, ed. *On Political Equality*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2006.
- Dahl, Robert, ed. *Political Opposition in Western Democracies*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1968.
- Dahl, Robert, ed. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1971.
- Davies, R.W. *Soviet History in the Yeltsin Era*. New York: St. Martin's Press, 1997.
- Davis, Natalie. *The Gift in Sixteenth-Century France*. Madison: University of Wisconsin Press, 2000.
- Dawkins, Richard. *The Selfish Gene*. New York: Oxford University Press, 1976.
- Dawson, Christopher. *Religion and the Rise of Western Culture*. New York: Sheed & Ward, 1950.
- Dean, Trevor. *Crime in Medieval Europe, 1200-1550*. New York: Longman, 2001.
- Desai, Raj, Lev Freinkman, and Itzhak Golberg. «Fiscal Federalism in Regional Growth: Evidence from Russia». *Journal of Comparative Economics* 33, no. 4 (2005): 814-43.
- Domhoff, William. *Who Rules America? Power and Politics*. Boston: McGraw-Hill, 2002.
- Domrin, Alexander N. *The Limits of Russian Democratisation: Emergency Powers and States of Emergency*. London: Routledge, 2006.
- Douglas, David Charles. *The Norman Achievement, 1050-1100*. London: Eyre & Spottiswoode, 1969.
- Dreiser, Theodore. *The Financier*. Cleveland, Ohio: World Publishing, 1967.
- Dreiser, Theodore. *The Stoic*. Cleveland, Ohio: World Publishing, 1952.
- Dreiser, Theodore. *The Titan*. Cleveland, Ohio: World Publishing, 1925.

- Dubuis, Pierre. *Les vifs, les morts et le temps qui court: Families valaisannes, 1400-1550*. Lausanne, Switzerland: Section d'histoire, Faculte des lettres, Universite de Lausanne, 1995.
- Duby, Georges. *Feodalites*. Paris: Presses universitaires de France, 1998.
- Duhamel, Luc. «Justice and Politics in Moscow, 1983-1986: Ambartsumyan's Case». *Euro-Asia* 52, no. 7 (2000): 1307-29.
- Durkheim, Emile. *Les regies de la methode sociologique*. Paris: Felix Alcan, 1927.
- Durkheim, Emile. *The Division of Labor in Society*. Translated from the French by George Simpson. Glencoe, Ill.: Free Press, 1960.
- Duus, Peter. *Feudalism in Japan*. New York: McGraw-Hill, 1993.
- Eitzen, Stanley, and Maxine Baca Zinn. *In Conflict and Order: Understanding Society*. Boston: Allyn and Bacon, 1993.
- Ericson, Richard E. *Post-Soviet Russian Economic System - an Industrial Feudalism*. Helsinki: Bank of Finland Institute for Economies in Transition, 2000.
- Fair, K.E., and R.C. Fair. *Principles of Micro Economics*, 4th ed. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 1996.
- Federico, Varese. *The Russian Mafia: In a New Market Economy*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Fichter, Joseph. *Sociology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1971.
- Finckenauer, James O., and Yuri A. Voronin. *The Threat of Russian Organized Crime*. Washington, D.C.: U.S. Dept. of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2001.
- Fine, Ben. *Social Capital versus Social Theory: Political Economy and Social Science at the Turn of the Millennium*. London: Routledge, 2001.
- Fish, Michael Steven. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. New York: Cambridge University Press, 2005.
- Fitzgerald, F. Scott. *The Great Gatsby*. New York: Columbia University Press, 1999.
- Fleming, P. *Family and Household in Medieval England*. New York: Palgrave Macmillan, 2000.
- Fortes, Meyer. *Kinship and the Social Order*. Chicago: Aldine, 1969.
- Fossier, Robert, ed. *The Cambridge Illustrated History of the Middle Ages*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Fourquin, Guy. *Lordship and Feudalism in the Middle Ages*. London: G. Allen & Unwin, 1976.

- Freinkman, Lev, and Stepan Titov. *The Transformation of the Fiscal System in Russia: The Case of Iaroslavl*. Washington, D.C: World Bank, 1994.
- Friedman, Milton. *Capitalism and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
- Friedman, Milton. *Free to Choose: A Personal Statement*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1980.
- Frisby, David. «Simmel». In *The Cambridge Dictionary of Sociology*, edited by Bryan Turner, pp. 551-53. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Frisby, Tania. «The Rise of Organized Crime in Russia: Its Roots and Social Significance». *Europe-Asia Studies* 50, no. 1 (1998): 27-49.
- Fry, Timothy, and Ekaterina Zhuravskaya. «Rackets, Regulation and the Rule of Law». *Journal of Law, Economics, and Organization* 16, no. 2 (2000): 478-502.
- Fry, Timothy. «Private Protection Organizations in Russia and Poland». *American Journal of Political Science* 46, no. 3 (2002): 574-82.
- Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.
- Furet, Francois, and Denis Richet. *French Revolution*. Translated by Stephen Hardman. New York: Macmillan, 1970.
- Gaidar, Egor. *Days of Defeat and Victory*. Seattle: University of Washington Press, 1999.
- Gaidar, Egor. *Time of Turmoil and Defeat*. Moscow: Vagrius, 1996.
- Galeotti, Marc. *Russian and Post-Soviet Organized Crimes*. Brookfield, Vt.: Ashgate, 2002.
- Ganshof, Francois-Lois. *Feudalism*. New York: Harper and Row, 1964.
- Gauvard, Claude. «Fear of Crime in Late Medieval France». In Hanawalt and Wallace, *Medieval Crime and Social Control*, pp. 1-48.
- Geis, Gilbert, and Robert Meier. *White Collar Crime*. New York: Free Press, 1977.
- Ginsborg, Paul. *Italy and Its Discontents: Family, Civil Society, State, 1980-2001*. New York: Palgrave Macmillan, 2003.
- Glucksmann, Miriam. *Structuralist Analysis in Contemporary Social Thought: A Comparison of the Theories of Claude Levi-Strauss and Louis Althusser*. London: Routledge & K. Paul, 1974.
- Godbout, Jacques. *Le Don, la Dette et l'Identite: Homo Donator vs Homo Oe-conomicus*. Paris: La Decouverte / MAUSS, 2000.
- Goldman, Marshall. *Lost Opportunity: Why Economic Reforms in Russia Have Not Worked*. New York: W. W. Norton, 1994.

- Gorbacheva, Raisa. *I Hope*. New York: HarperCollins, 1991.
- Gordon, Leonard, and Patricia Harvey. *Sociology and American Social Issues*. Dallas, Tex.: Houghton, 1978.
- Granovetter, Mark. «The Strength of Weak Ties». *American Journal of Sociology* 78, no. 6 (1973): 1360-80.
- Grassby, Richard. *Kinship and Capitalism: Marriage, Family, and Business in the English-Speaking World, 1580-1740*. New York: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 2001.
- Gray, John. *Enlightenment's Wake: Politics and Culture at the Close of the Modern Age*. London: Routledge, 1995.
- Gray, John. *Liberalism Edition*, 2nd ed. Buckingham: Open University Press, 1995.
- Greenberg, Stanley. *The Two Americas: Our Current Political Deadlock and How to Break It*. New York: Thomas Dunne Books, 2004.
- Hall, John. «Feudalism in Japan: Reassessment». *Comparative Studies in History and Society* 5, no. 1 (1962): 15-51.
- Hamilton, W.D. «Genetical Evolution of Social Behavior». *Journal of Theoretical Biology* 7, no. 1 (1962): 1-16.
- Hanawalt, Barbara A., and David Wallace, eds. *Medieval Crime and Social Control*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
- Handelman, Stephen. *Comrade Criminal: Russia's New Mafia*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995.
- Harper, Timothy. *Moscow Madness: Crime, Corruption, and One Man's Pursuit of Profit in the New Russia*. New York: McGraw-Hill, 1999.
- Harrington, Michael. *The Other America: Poverty in the United States*. New York: Macmillan, 1969.
- Hayek, Friedrich A. *The Constitution of Liberty*. Chicago: University of Chicago Press, 1978.
- Hechter, Michael. *Containing Nationalism*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Hedlund, Stephen. *Russia's Market Economy: A Bad Case of Predatory Capitalism*. London: University College London Press, 1999.
- Heilbroner, Robert L. *The Nature and Logic of Capitalism*. New York: Norton, 1985.
- Heineman, John. *Royal Taxes in the Fourteenth Century France: The Development of War Financing, 1322-1356*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1971.
- Herlihy, David. *The History of Feudalism*. New York: Walker, 1971.

- Herspring, Dale, ed. *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain*. Lanham, Md.: Rowman, 2003.
- Hollander, Paul. *Political Will and Personal Beliefs: The Decline and the Fall of Soviet Communism*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999.
- Holy, L. *Anthropological Perspectives on Kinship*. Chicago: Pluto Press, 1996.
- Horowitz, Irving, and May Strong. *Sociological Realities*. New York: Harper, 1971.
- Huskey, Eugene. «Political Leadership and the Center-Periphery Struggle: Putin's Administrative Reforms». In Brown and Shevtsova, *Gorbachev, Yeltsin, and Putin*, pp. 126-34.
- Inglehart, Ronald, Miguel Basanez, and Alejandro Moreno, eds. *Human Beliefs and Values*. Buenos Aires: Siglo Veintiuno Editors, 2004.
- Jack, Andrew. *Inside Putin's Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Jackal, Robert. «Crimes in the Suites». *Contemporary Sociology* 9, no. 3 (1980): 354-371.
- Jackman, Robert. *Power without Force: The Political Capacity of Nation-States*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993.
- Janin, Hunt. *Medieval Justice: Cases and Law in France, England, and Germany, 500-1500*. Jefferson, N.C.: McFarland, 2004.
- Johnson, Simon, Daniel Kaufmann, and Andrei Shleifer. «The Unofficial Economy in Transition». *Brookings Papers on Economic Activity* 1997, no. 2 (1998): 163-69.
- Johnson, Simon, Daniel Kaufmann, John McMillan, and Christopher Woodruff. «Why Do Firms Hide? Bribes and Unofficial Activity after Communism». *Journal of Public Economics* 76, no. 3 (2000): 495-520.
- Jonathan, Hay, and Andrei Shleifer. «Private Enforcement of Public Law: A Theory of Legal Reform». *American Review Papers and Proceedings* 88, no. 2 (1998): 398-403.
- Jones, Bisson. *Cultures of Power: Lordship, Status and Process in Twelfth-Century Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995.
- Kahan, Stuart. *The Wolf of the Kremlin*. New York: W. Morrow, 1987.
- Karstedt, Susanne. «Knights of Crime: The Premodern Structures». In *Social Dynamics of Crime and Control: New Theories for a World in Transition*, edited by Susanne Karstedt and Kai-D Bussmann, pp. 53-68. Oxford: Hart Publishing, 2000.

- Katseneliboigen, Aron. «Color Markets in the Soviet Union». *Soviet Studies* 29, no. 1 (1977): 62-85.
- Kenrik, Douglas, Josh Ackerman, and Suzan Ledlow. «Evolutionary Social Psychology: Adaptive Predisposition and Human Culture». In *Handbook of Social Psychology*, edited by John Delamater. New York: Springer, 2006.
- Khlebnikov, Paul. *The Godfather of the Kremlin: Boris Berezovsky and the Looting of Russia*. New York: Harcourt, 2000.
- Kingston, William. «Property Rights and the Making of Christendom». *Journal of Law and Religion* 9, no. 2 (1992): 372-81.
- Klugman, Jeffry. «The Psychology of Soviet Corruption, Undiscipline and Resistance to Reform». *Political Psychology* 7, no. 1 (1986): 67-82.
- Kontorovich, Vladimir, and Vladimir Shlapentokh. *Organizational Innovation, the Carl Beck Papers*. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1986.
- Kotz, David, and Fred Weir. *Revolution from Above: The Demise of the Soviet System*. London: Routledge, 1997.
- Krouse, Joseph Douglas. *Kremlin Capitalism: The Privatization of Russian Economy*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1997.
- Krueger, Anne. «The Political Economy of the Rent-Seeking Society». *American Economic Review* 64, no. 3 (1974): 291-303.
- Kryshtanovskaia, Ol'ga. *The Anatomy of the Russian Elite*. Moscow: Zakharov, 2004.
- Kuper, Leo, and M.G. Smith, eds. *Pluralism in Africa*. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Lane, David. «The Economic Legacy: What Putin Had to Deal with and the Way Forward». In Ross, *Russian Politics under Putin*, pp. 95-113.
- Lane, Frederick. *Profit from Power: Reading in Protection Rent and Violence-Controlling Enterprise*. Albany: State University of New York Press, 1963.
- Latynina, Yuliia. *Hunting Manchurian Deer*. Moscow: Eksmo, 2003.
- Latynina, Yuliia. *Steel King*. Moscow: Olma Press Ekslibris, 2002.
- Le Goff, Jacques. *Medieval Civilization, 400-1500*. Translated by Julia Barrow. Oxford: Blackwell, 1988.
- Leitzel Jim, Clifford Gaddy and Michael Alexeev. «Mafiosi and Matrioshki: Organized Crime and Russian Reform». *The Brookings Review* 13 (Winter 1995): 26-29.
- Lemon, Alaina. «“Your Eyes Are Green Like Dollars”: Counterfeit Cash, National Substance, Currency Apartheid in 1990s Russia». *Cultural Anthropology* 13, no. 1 (1998): 22-55.

- Leon, Aron. *Yeltsin: A Revolutionary Life*. New York: Thomas Dunne Books / St. Martin's Press, 2000.
- Levi-Strauss, Claude. *Structural Anthropology*. Translated from the French by Claire Jacobson and Brooke Grundfest Schoepf. New York: Basic Books, 1963.
- Light, Donald, and Suzanne Keller. *Sociology*. New York: Knopf, 1982.
- Linz, Juan J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers, 2000.
- Lipman, Masha, and Michael McFaul. «Putin and the Media». In Herspring, *Putin's Russia*, pp. 77-78.
- Lotspech, Richard. «Crime in the Transition Economies». *East-Asia* 47, no. 4(1995): 555-89.
- Luong, Pauline Jones, ed. *The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004.
- Lynn Edgar, Adrienne. *Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2004.
- Macedo, Stephen, and Alien Buchanan, eds. *Secession and Self-Determination*. New York: New York University Press, 2003.
- Macridis, Roy. *Modern Political Regimes*. Boston: Little, Brown, 1986.
- Maiz, Ramon, and Ferran Requejo, eds. *Democracy, Nationalism and Multiculturalism*. New York: Frank Cass, 2005.
- Mann, Michael. «The Social Cohesion of Liberal Democracy». *American Sociological Review* 35, no. 3 (1970): 423-39.
- Mann, Michael. *The Sources of Social Power*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- March, Luke. «The Putin Paradigm and the Cowering of Russia's Communists». In Ross, *Russian Politics under Putin*, pp. 53-75.
- Marshall, Gordon, ed. *The Concise Oxford Dictionary of Sociology*. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Marton, Katy. *Hidden Power*. New York: Pantheon, 2001.
- McCloskey, Deirdre. *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*. Chicago: University of Chicago Press, 2006.
- McFaul, Michael, Nikolai Petrov, and Andrei Ryabov. *Between Dictatorship and Democracy: Russian Post-Communist Political Reform*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2004.
- McFaul, Michael. *Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin*. London: Cornell University Press, 2001.
- McGlinchey, Eric. *Paying for Patronage: Regime Change in Post-Soviet Central Asia*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003.

- Menon, Anand, and Martin Schain. *Comparative Federalism: The European Union and the United States in Comparative Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Messner, Steven, and Richard Rosenfeld. *Crimes and the American Dream*. Belmont, CA: Wadsworth, 1997.
- Michener, Andrew, John D. DeLamater, and Shalom H. Schwartz. Under the general editorship of Robert K. Merton. *Social Psychology*. San Diego, Calif: Harcourt Brace Jovanovich, 1986.
- Milhaupt, Curtis J., and Mark D. West. «The Dark Side of Private Ordering: An Institutional and Empirical Analysis of Organized Crime». *The University of Chicago Law Review* 67, no. 1 (2000): 41-98.
- Mills, C. Wright. *The Power Elite*. New York: Oxford University Press, 1956.
- Mitchell, William, and Michael Munger. «Economic Models of Interests Groups: An Introductory Survey». *American Journal of Political Science* 35, no. 2 (1991): 512-46.
- Morgan, Lewis Henry. *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1870.
- Nagle, John. *Introduction to Comparative Politics*. Chicago: Nelson-Hall, 1985.
- Nee, Victor, and Rebecca Mathews. «Market Transition and Societal Transformation in Reforming State Socialism». *Annual Review of Sociology* 22 (1996): 401-35.
- Nee, Victor. «A Theory of Market Transition: From Redistribution to Markets in State Socialism». *American Sociological Review* 54, no. 1 (1989): 663-81.
- New York: Putnam, 1992.
- Newton, Arthur. *Travel and Travelers in the Middle Ages*. Freeport, N.Y.: Books for Libraries Press, 1967.
- Oakes, G. *Introduction to G. Simmel, Essays on Interpretation in Social Science*. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1980.
- Ober, Josiah. *Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critic of Popular Rule*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1998.
- Oleinki, Anton. *Organized Crime, Prison, and Post-Soviet Societies*. Burlington, Vt.: Ashgate, 2003.
- Orbe, Mark P. *Constructing Co-cultural Theory: An Explication of Culture, Power, and Communication*. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1998.

- Parkin, R. *Kinship: An Introduction to Basic Concepts*. Oxford: Blackwell, 1997.
- Parsons, Talcott. «Evolutionary Universals in Society» *American Sociological Review* 29, no. 3 (1964): 339-57.
- Parsons, Talcott. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1966.
- Parsons, Talcott. *The System of Modern Society*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1971.
- Parsons, Talcott. *The Social System*. Glencoe, Ill.: Free Press, 1951.
- Piers, G., and M. Singer. *Shame and Guilt: A Psychoanalytical and Cultural Study*. New York: Norton, 1971.
- Pipes, Richard. *Struve, Liberal on the Left, 1870-1905*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970.
- Pirenne, Henri. *Economic and Social History of Medieval Europe*. New York: Harcourt, Brace, 1937.
- Pollock, F., and F.W. Maitland. *The History of English Law before the Time of Edward I*, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
- Postan, M. «The Rise of the Money Economy». *The Economic History Review* 14, no. 2(1944): 123-34.
- Primoratz, Igor', and Aleksandar Pavkovi, eds. *Identity, Self-Determination and Secession*. Aldershot, England: Ashgate, 2006.
- Przeworski, Adam. *Democracy and Market*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Punch, Maurice. «Suite Violence: Why Managers Murder and Corporations Kill». *Crime and Social Change* 33, no. 3 (2000): 243-80.
- Putnam, Robert. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster, 2000.
- Reddaway, Peter, and Dmitri Glinski. *The Tragedy of Russia's Reforms*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2000.
- Remington, Thomas. «Putin, the Duma, and Political Parties». In Herspring, *Putin's Russia*, pp. 56-57.
- Reuter, Peter. *Disorganized Crimes: The Economics of Visible Hand*. Cambridge: MIT Press, 1983.
- Reynolds, Susan. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Riasanovsky, Nicholas V., and Mark D. Steinberg. *A History of Russia*, 7th ed. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Richardson, H.G., and G. O. Sayles. «The Governance of Mediaeval England from the Conquest to Magna Carta». *Speculum* 39, no. 3 (1964): 561-565.

- Rosenwine, Barbara. *A Short History of the Middle Age*. Orchard Park, N.Y.: Broadview, 2005.
- Ross, Cameron, ed. *Russian Politics under Putin*. Manchester: Manchester University Press, 2004.
- Ross, Cameron. «Putin's Federal Reforms». In Ross, *Russian Politics under Putin*, pp. 170-71.
- Roy, Olivier. *New Central Asia: The Creation of Nations*. New York: New York University Press, 2000.
- Rumer, Boris, ed. *Central Asia in Transition: Dilemmas of Political and Economic Development*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1996.
- Rumer, Boris, ed. *Soviet Central Asia: «A Tragic Experiment»*. Boston: Unwin Hyman, 1989.
- Rye, Thomas. *Who Is Running America'? The Bush Restoration*. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2002.
- Sakwa, Richard. *Putin: Russia's Choice*. London: Routledge, 2004.
- Samuelson, Paul. *Economics*, 9th ed. New York: McGraw-Hill, 1973.
- Satter, David. *Darkness at Dawn: The Rise of the Russian Criminal State*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2003.
- Schatz, Edward. *Modern Clan Politics: The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond*. Seattle: University of Washington Press, 2004.
- Schnitzcr, Martin. *Comparative Economic Systems*. Cincinnati, Ohio: South-Western Publishing, 1994.
- Shevtsova, Liliia. «From Yeltsin to Putin: The Evolution of Presidential Power». In Brown and Shevtsova, *Gorbachev, Yeltsin, and Putin*, pp. 67-70.
- Shevtsova, Liliia. *Putin's Russia*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005.
- Shevtsova, Liliia. *Yeltsin's Russia: Myths and Reality*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999.
- Shlapentokh, Vladimir, and Eric Shiraev, eds. *Fears in Post-Communist Societies: A Comparative Perspective*. New York: Palgrave, 2002.
- Shlapentokh, Vladimir, Roman Levita, and Mikhail Loiberg. *From Submission to Rebellion: The Provinces versus the Center in Russia*. Boulder, Colo.: Westview, 1997.
- Shlapentokh, Vladimir. «Early Feudalism—the Best Parallel for Contemporary Russia». *Europe-Asia Studies* 48, no. 3 (1996): 393-411.
- Shlapentokh, Vladimir. «Foreign Countries in the Russian Mind». *Communist and Post-Communist Studies* 31, no. 3 (1998): 119-216.
- Shlapentokh, Vladimir. «Four Russias». *The Tocqueville Review* 19, no. 1 (1998): 9-34.

- Shlapentokh, Vladimir. «Hobbes and Locke at Odds in Putin's Russia». *Europe-Asia Studies* 55, no. 7 (2003): 981-1007.
- Shlapentokh, Vladimir. «Moscow's Values: Masses and the Elite». In *Nation Building and Common Values in Russia*, edited by P. Kolst, pp. 217-39. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2003.
- Shlapentokh, Vladimir. «“Normal” Russia» *Current History* 212, no. 606 (1997): 331-36.
- Shlapentokh, Vladimir. «Privatization Debates in Russia: 1989–1922». *Comparative Economic Studies* 35, no. 2 (1993): 19-32.
- Shlapentokh, Vladimir. «Russia: Privatization and legalization of Social and Political Life». *Washington Quarterly* 19, no. 1 (1996): 65-85.
- Shlapentokh, Vladimir. «Russian Patience: A Reasonable Behavior and a Social Strategy». *Archives Europeene de Sociologie* 36, no. 2 (1995): 247-80.
- Shlapentokh, Vladimir. «Social Inequality in Post Communist Russia: The Attitudes of the Political Elite and the Masses (1991-1998)». *Europe-Asia Studies* 51, no. 7 (1999): 1167–1181.
- Shlapentokh, Vladimir. «The Four Faces of Mother Russia». *Transition* 4, no. 5 (1997): 60–61.
- Shlapentokh, Vladimir. «Two Pictures of Putin's Russia: Both Wrong». *World Policy Journal* 22, no. 1 (Spring 2005): 61-72.
- Shlapentokh, Vladimir. «Wealth versus Political Power: The Russian Case». *Communist and Post-Communist Studies* 37, no. 2 (2004): 135-60.
- Shlapentokh, Vladimir. *A Normal Totalitarian Society*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2001.
- Shlapentokh, Vladimir. *Fear in Contemporary Society: Its Positive and Negative Effects*. New York: Palgrave, 2006.
- Shlapentokh, Vladimir. *Love, Marriage, and Friendship in the Soviet Union: Ideals and Practice*. New York: Praeger, 1984.
- Shlapentokh, Vladimir. *Public and Private Life of the Soviet People*. New York: Oxford University Press, 1989.
- Shlapentokh, Vladimir. *Soviet Ideologies in the Period of Glasnost: Responses to Brezhnev's Stagnation*. New York: Praeger, 1988.
- Shlapentokh, Vladimir. *Soviet Public Opinion and Ideology: The Interaction between Mythology and Pragmatism*. New York: Praeger, 1986.
- Shleifer, Andrei, and Daniel Treisman. «A Normal Country». *Foreign Affairs*, March/April 2004.
- Shleifer, Andrei, and Robert W. Vishny. «Corruption». *Quarterly Journal of Economics* 108, no. 3 (1993): 599–617.

- Simis, Konstantin. *USSR: The Corrupt Society*. New York: Simon and Schuster, 1990.
- Simmel, Georg. *On Individuality and Social Forms: Selected Writings*. Edited by Donald N. Levine. Chicago: University of Chicago Press, 1971.
- Simmel, Georg. *Problems in Philosophy of History*. New York: Free Press, 1977.
- Smelser, Neil. *Sociology*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1994.
- Smyth, Regina. *Candidate Strategies and Electoral Competition in the Russian Federation: Democracy without Foundation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Solo, Robert. *Economic Organizations and Social Systems*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005.
- Southworth, Caleb. «The Dacha Debate: Household Agriculture and Labor Markets in Post-Socialist Russia». *Rural Sociology* 71, no. 3 (2006): 451-78.
- Spufford, Peter. *Money and Its Use in Medieval Europe*. New York: Cambridge University Press, 1988.
- Stavrakis, Peter J. *Shadow Politics: The Russian State in the 21st Century*. Carlisle Barracks, Pa.: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 1997.
- Stowell, William A. «Personal Relationships in Medieval France». *PMLA* 28, no. 3(1913): 388-416.
- Sundstrom, Lisa McIntosh. *Funding Civil Society: Foreign Assistance and NGO Development in Russia*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2006.
- Swenden, Wilfried. *Federalism and Regionalism in Western Europe: A Comparative and Thematic Analysis*. New York: Palgrave Macmillan, 2006.
- Tadmor, Naomi. *Family & Friends in Eighteenth-Century England: Household, Kinship, Patronage*. New York: Cambridge University Press, 2001.
- Tarr, G. Alan, Robert F. Williams, and Josef Marko, eds. *Federalism, Subnational Constitutions, and Minority Rights*. Westport, Conn.: Praeger, 2004.
- Taylor, Charles. *Multiculturalism and the Politics of Recognition*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.
- Theis, Laurent. *Histoire du Moyen Age francais: Chronologie commentee de Clovis a Louis XI, 486-1483*. Paris: Perrin, 1992.
- Tikhmirov, Vladimir, ed. *Russia after Yeltsin*. Aldershot, England: Ashgate, 2001.

- Tilly, Charles. «War-Making and State-Making as Organized Crime». In *Bringing the State Back*, edited by Peter Evans, Trich Reuschmeyer, and Theda Skocpol, pp. 170–171. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Tompson, William. «The Russian Economy under Vladimir Putin». In Ross, *Russian Politics under Putin*, pp. 114–32.
- Triandis, Harry C. *Individualism and Collectivism*. Boulder, Colo.: Westview, 1995.
- Tullock, Gordon. «The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft». *Western Economic Journal* (now *Economic Enquiry*) 5, no. 3 (1967): 224–32.
- Turner, Jonathan. *Sociology: The Science of Human Organization*. Chicago: Nelson-Hall, 1985.
- Tyler, J. E. *The Alpine Passes: The Middle Ages (962–1250)*. Oxford: B. Blackwell, 1930.
- United States Senate Committee on Foreign Relations. *Democracy in Retreat in Russia: Hearing before the Committee on Foreign Relations*, 109th Cong., 1st sess., February 17, 2005. Washington, D.C.: GPO, 2005.
- Varcse, Federico. *The Russian Mafia: Private Protection in a New Market Economy*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Vinogradoff, Paul. «Feudalism». In *The Cambridge Medieval History*, vol. 3, edited by H. M. Gwatkin et al., pp. 458–84. Cambridge: Cambridge University Press, 1957.
- Vishnevskaja, Galina. *Galina: A Russian Story*. Translated from Russian by Guy Daniels. San Diego, Calif.: Harcourt Brace Jovanovich, 1984.
- Volckart, Oliver. *Wettbewerb und Wettbewerbsbeschränkung im vormodernen Deutschland, 1000–1800*. Tübingen, Germany: Mohr Siebeck, 2002.
- Volkov, Vadim. «Violent Entrepreneurship in Post-Communist Russia». *Europe-Asia Studies* 51, no. 5 (1999): 751–54.
- Volkov, Vadim. *Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2002.
- Waltz, Kenneth. *The Theory of International Politics*. New York: Random House, 1979.
- Waquet, J. C. *Corruption: Ethics and Power in Florence, 1660–1770*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1991.
- Webber, Carolyn, and Aaron Wyldavsky. «Feudalism Nothing». In *The Blackwell Dictionary of Twentieth-Century Social Thought*,

- edited by William Outhwait and Tom Bottomore. Oxford: Blackwell, 1994.
- Weber, Max. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Vol. 1. Berkeley: University of California Press, 1978.
- Weber, Max. *Essays in Economic Sociology*. Edited by Richard Swedberg. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999.
- Weber, Max. *Theory of Social Organization*. New York: Free Press, 1964.
- Webster, William, ed. *Russian Organized Crime and Corruption*. Washington, D.C.: The CSIS Press, 2000.
- White, Stephen. «Russia's Disempowered Electorate». In Ross, *Russian Politics under Putin*, pp. 76-92.
- White, Stephen. «The Settlement of Dispute by Compromise in Eleventh Century Western France». *The American Journal of Legal History* 22, no. 4 (1978): 281-308.
- Wolfe, Martin. «French Views on Wealth and Taxes in the Middle Ages to the Old Regime». *The Journal of Economic History* 26, no. 4 (1966): 466-83.
- Wolfe, Tom. *A Man in Full*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1998.
- Wolfe, Tom. *The Bonfire of the Vanities*. New York: Farrar, Straus, 1987.
- Yourcenar, Marguerite. *Memoirs of Hadrian*. Translated from the French by Grace Frick in collaboration with the author. New York: Farrar, Straus and Young, 1954.

Авраамова Е. «Влияние социально-политических факторов на формирование политического сознания» в книге: *Общество: становление демократических ценностей?* ред. М. Маклол. Москва: Московский центр Карнеги, 1999.

Аджубей Р., Ахломов В. и Беликов В. *Алексей Аджубей в коридорах четвертой власти*. Москва: Известия, 2003.

Беляева Л.А. «Динамика социальной стратификации в период реформ», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 243-253.

Вардомский Л. «Проблемы и противоречия регионального развития России», в книге: *Россия и СНГ: Дезинтеграционные и интеграционные процессы*, ред. Г. Костинский. Москва: Институт географии, 1995.

Гайдар Егор. *Аномалия экономического роста*. Москва: Евразия.

- Гайдар Егор. *Долгое время: Россия в мире; очерки экономической истории*. Москва: Дело, 2005.
- Гайдар Егор. *Гибель империи: уроки для современной России*. Москва: РОССПЕН (Российская политическая энциклопедия), 2006.
- Гайдар Егор. *Государство и эволюция*. Москва: Евразия, 1995.
- Гайдар Егор. *Государство и эволюция: как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян*. Санкт-Петербург: Изд-во Норма, 1997.
- Гаман-Голутвина О.В. «Бюрократия или олигархия», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 162–172.
- Гилинский Яков. *Организованная преступность в России: теория и реальность*. Санкт-Петербург: Институт социологии РАН, 1996.
- Головачинский К.И., Пархоменко С.А., Римский В.Л. и Сатаров Г.А. *Бизнес и коррупция: проблемы противодействия; итоговый отчет*. Москва: ИНДЕМ, 2004.
- Гуревич Арон. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. Москва: Высшая школа, 1970.
- Данилов В.П. «Российская власть в XX веке», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 6–10.
- Дахин В.Н. «Некоторые вопросы анализа российской власти», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 101–105.
- Дубов Юлий. *Большая пайка*. Москва: Вагриус.
- Ельцин Борис. *Записки президента*. Москва: Огонек, 1994.
- Заславская Т. И., ред. «О роли социальной структуры в трансформации российского общества», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 222–35.
- Заславская Т. И., ред. *Куда идет Россия. Власть: Общество; Личность*. Москва: Высшая школа социальных и экономических наук, 2000.
- Здравомыслов А. Г. «Власть и общество: кризис 90-х годов», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 135–147.
- Зоркая Наталья, ред. *Общественное мнение, ежегодник, 2003*. Москва: ВЦИОМ, 2003.
- Иванов Е.П., ред. *История отечества: Проблемы, взгляды, люди*. Псков, Россия: Псковский государственный педагогический институт, 2005, стр. 260.
- Ильин В.И. «Методологические проблемы анализа классовой структуры», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 265–271.

- Ключевский Василий. *Сочинения в девяти томах*, том 2. Москва: Мысль, 1988.
- Колесников Андрей. *Владимир Владимирович Путин: между Европой и Азией*. Москва: Эксмо, 2005.
- Коржаков Александр. *Борис Ельцин: от рассвета до заката*. Москва: Интербук, 1997.
- Крыштановская Ольга. *Анатомия российской элиты*. Москва: Захаров, 2005.
- Кузнецов Валентин. *Новые формы кооперации в СССР*. Москва: Мысль, 1990.
- Кукушкин Юрий, ред., *История СССР: Эпоха социализма*. Москва: Высшая школа социальных и экономических наук, 1985.
- Латынина Юлия. *Охота на изюбря*. Москва: Эксмо, 2005.
- Левада Юрий, ред. «Общественное мнение и общество на перепутьях 1999 года», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 147–162.
- Левада Юрий, ред. *Простой советский человек*. Москва: Интерцентр, 1993.
- Левада Юрий, ред., *Есть мнение*. Москва: Прогресс, 1990.
- Ленин Владимир. *Собрание сочинений*, 4-е изд., том 32. Москва: Политиздат, 1951.
- Лихачев Д., Романов В. и Андрианова-Перец В., ред. *Повесть временных лет*. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
- Лукин Павел. *Народные представления о государственной власти в России XVII века*. Москва: Наука, 2000.
- Майминас Е.З. «Соотношение власти, общества и личности», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 207–209.
- Мартынов А. *Трансформация макросоциальных систем в постсоветском мире: методологический аспект*. Москва: Ленанд, 2006.
- Медведев Р.А. *Чубайс и ваучер: из истории российской приватизации*. Москва: Изд-во «Импето», 1997.
- Межуев В.М. «Традиция самовластья в современной России», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 81–92.
- Милехин А. и Попов Н. *Общественное мнение России*. Москва: АРПИ, 2000.
- Морозов Сергей. *Заговор против народов России сегодня*. Москва: Алгоритм, 1999.
- Мухин Алексей. *Кто есть мистер Путин и кто с ним пришел? Досье на президента России и его спецслужбы*. Москва: Изд-во «Гном и Д», 2002.
- Мухин Алексей. *Путин: ближний круг президента*. Москва, Алгоритм.

- Павлов-Сильванский Н.П. *Феодализм в Древней Руси*. Санкт-Петербург: Брокгауз-Эфрон, 1907.
- Перегудов С.П. «Корпоративный капитал в борьбе за избирателя», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 200–207.
- Пияшева Лариса. «Контуры радикальной социальной реформы» в книге: *Постыжение*, ред. Фридрих Бородкин и др. Москва: Прогресс, 1989.
- Платонов Сергей. *Лекции по русской истории*. Москва: Высшая школа, 1993.
- Поляков Л. В. «Российский авторитарный синдром: анамнез и эпикриз», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 173–182.
- Радыгин А. *Российская приватизация как процесс формирования институциональной базы экономических реформ*. Москва: Институт экономических проблем переходного периода, 1998.
- Рыжков Н.И. *Десять лет великих потрясений*. Москва: Ассоциация «Книга, просвещение, милосердие», 1995.
- Сатаров Георгий, ред. *Диагностика: российская коррупция*. Москва: ИНДЕМ, 2002.
- Семанов С.Н. *Брежнев: правитель «золотого века»*. Москва, Вече.
- Соловьев Владимир и Клепикова Елена. *Борис Ельцин: политическая биография*.
- Соловьев Сергей. *История России с древних времен*. Санкт-Петербург: Товарищество «Общественная польза», 1902.
- Сталин Иосиф. *Вопросы ленинизма*. Москва: Госполитиздат, 1952.
- Фадеева О. «Неформальная занятость в сибирском селе», *Экономическая социология* 2, № 2 (2001): 61–93.
- Федотова В. *Модернизация другой Европы*. Москва: ИФ РАН, 1997.
- Хахулина Л.А. «Средний класс в России: Мифы и реальность», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 79–93.
- Хинштейн Александр. *Ельцин: Кремль; история болезни*. Москва: ОЛМА, 2006.
- Шевцова Лилия, ред. *Россия политическая*. Москва: Московский центр Карнеги, 1988.
- Шелохаев В.В. «Особенности отношений власти и общества в России: история и современность», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 10–21.

Щербинин А.И. «Человек во власти (региональные политические элиты в современном избирательном процессе)», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 209–217.

Щербинина Н.Г. «Мифологический компонент регионального избирательного процесса», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 217.

Ядов В.А. «Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов», в книге: Заславская, *Куда идет Россия. Власть*, стр. 383–391.

Яковлев А.Н. *Горькая чаша*. Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1994.

Содержание

Выражение признательности 7

Введение 9

ГЛАВА 1

Неудача интегративно-системного подхода
при исследовании постсоветской России 17

ГЛАВА 2

Сегментированный подход и феодальная модель
для исследования постсоветской России 37

ГЛАВА 3

Слабость государства 61

ГЛАВА 4

Олигархи и коррумпированная бюрократия 91
Покупка политической власти

ГЛАВА 5

Олигархическая идеология и ее противоположность либеральной и тоталитарной идеологии.....	121
--	-----

ГЛАВА 6

Королевские владения.....	137
<i>Тонкая грань между национальным богатством и личным состоянием президента</i>	

ГЛАВА 7

Местные бароны после краха Советского Союза	151
<i>Идеология и практика (1989–1996)</i>	

ГЛАВА 8

Местные бароны при умеренном феодализме Путина (2000–2006)	183
---	-----

ГЛАВА 9

Отсутствие гарантий сохранения частной собственности в современной России и в Средние века	205
--	-----

ГЛАВА 10

Личные отношения как основная особенность феодализма	233
---	-----

ГЛАВА 11

Частная охрана	267
<i>Типично феодальное явление</i>	

Заключение	281
------------------	-----

Примечания	295
------------------	-----

Библиография	345
--------------------	-----

Владимир Шляпентох
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ
КАК ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
Новый взгляд на постсоветскую эру

Главный редактор И. Новиков
Выпускающий редактор Е. Шагина
Художественный редактор Л. Меркулова
Корректор В. Ионина
Компьютерная верстка Е. Шагиной

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 10.07.08 г. Формат 84 х 108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Peterburg».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 19,32.
Тираж 2000 экз. Заказ № 2929.

ООО «Издательство СТОЛИЦА-ПРИНТ»
125252 Москва, 2-я Песчаная ул., д. 4. Тел. (495) 411-51-57
E-mail: stolitsa-print@yandex.ru
<http://print.stolitsa-books.ru>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

По вопросам приобретения книг издательства
«СТОЛИЦА-ПРИНТ»
обращаться в книготорговую фирму
«СТОЛИЦА-СЕРВИС»
по тел.: (495) 375-36-73, 375-24-33, 375-32-11;
E-mail: info@stolitsa-books.ru
<http://www.stolitsa-books.ru>

«Книга «Современная Россия как феодальное общество» — это лучший образец сравнительного политического анализа. Другие аналитики пытались понять Россию, дав ответ на главный вопрос — каким термином лучше всего описывается новая Россия: суверенная демократия, управляемая демократия, автократия, диктатура? Ответ Владимира Шляпентоха — «никаким». Он видит в России некую форму феодализма, характеризующую слабостью центральной власти, важной ролью коррупции и широким распространением покровительства. Это новаторский и одновременно убедительный аргумент — основанный на глубоком понимании хитросплетений современной российской политики и знании широкого спектра литературы о политических институтах средневековой Европы».

Роджер Э. Кейнет, профессор международных исследований
Университет Майами

Владимир Эммануилович Шляпентох родился в 1926 году в Киеве. В 1949-м окончил исторический факультет Киевского университета, а через год — заочно — Московский статистический институт. Работал в Киевском областном статистическом управлении, преподавал в Киеве, в 1962-1969 годах читал курс статистики и истории экономических учений в Новосибирском университете. Считается одним из основателей социологии в СССР, с 1969-го до эмиграции в США (1979) работал в Институте социологических исследований АН СССР в Москве. Владимир Шляпентох — профессор социологии в Университете штата Мичиган.

ISBN 978-5-98132-137-5

9 785981 321375